

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 20.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Слово въ недѣлю девятнадцатую по Пятидесятницѣ преосвященнаго Петра, епископа Сумскаго, при посѣщеніи города Старобѣльска	463—468
Можетъ-ли принести пользу православнымъ народамъ соединеніе ихъ съ Латинскою церковію. <i>Проф. А. Д. Бѣляева</i>	469—501
Христіанское нравоученіе Шлейермахера (оковчаніе). <i>И. Розанова</i>	502—518
Нравственное воспитаніе безъ религіи. <i>С. Г.</i>	519—524
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности (продолженіе). <i>И. Попова</i>	309—323
Цѣнность жизни (продолженіе). Олэ-Дилрюна, профессора Высшей Нормальной Школы въ Парижѣ. Переводъ съ французскаго. * * *	324—458
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 18-го сентября 1896 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоука и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лавки, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ся изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Брентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новикій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

ОВЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА ВЪРА И РАЗУМЪ въ 1897 году.

Издание богословско-философскаго журнала „Вѣра и Разумъ“ будетъ продолжаемо въ 1897 году по прежней программѣ. Журналь, какъ и прежде, будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) Церковнаго, 2) Философскаго и 3) Литературнаго для Харьковской епархіи.

Журналь выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годичное издание журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержания до 220 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое издание внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковского Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ Конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналь принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 руб. за 1890 г., и по 9 р. за 1891, 1892, 1893 и 1894 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналь за всѣ означенные годы, журналь можетъ быть уступленъ за 65 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе проосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, взводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. „Панство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Гетте. Переводъ съ французскаго К. Истомина. Харьковъ. 1895. Цѣна 1 рубль съ пересылкою.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1896 года.

Харьковъ. Губернскаго Типографіи.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 31 Октября 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ*.

С Л О В О

въ недѣлю девятнадцатую по Пятидесятницѣ преосвященнаго Петра, епископа Сумскаго, при посѣщеніи города Старобѣльска ¹⁾).

Послаша Варнаву прейти даже до Антіохіи. Иже пришедъ и видѣвъ благодать Божію, возрадовася, и моляше всѣхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ. (Дѣян. 11, 22—23).

Когда на пути въ сей Богоспасаемый градъ, въ коемъ Господь удостоилъ меня по неизреченной милости Своей не только молитвеннаго общенія съ здѣ пребывающими, но и двукратнаго совершенія безкровной жертвы, имѣлъ я намѣреніе, по долгу пастырскому, бесѣдовать съ вами, возлюбленныя о Господѣ сестры сей Св. Обители, то нѣсколько недоумѣвалъ касательно предмета предстоящей бесѣды. Пребывая самъ въ молвѣ и попеченіяхъ града и дѣлъ человѣческихъ, не рѣшался я отъ своего разумѣнія давать наставленія въ жизни иноческой вамъ, укrywшимся отъ міра и, позволительно думать, далекимъ отъ суеты житейской; мое слово не казалось мнѣ для сего случая достаточно сильнымъ и дѣйственнымъ. И я остановился мыслью на томъ отдаленномъ времени, когда Духоносные Апостолы и ихъ сотрудники—мужи Апостольскіе сами, обходя устроенныя ими церкви, наполняли тогдашній христіанскій міръ своимъ дивнымъ благовѣстіемъ, о чемъ съ такой величественной простотою повѣствуетъ въ книгѣ Дѣяній Святой Лука. Онъ, передавая объ успѣхѣ проповѣди Христовой въ

¹⁾ Говорено въ Скорбященской церкви женскаго монастыря, 22 сентября 1896 г.

Антиохіи, говоритъ, что святые Апостолы, находясь во Иерусалимѣ, для удостовѣренія въ этомъ радостномъ событіи и для утвержденія вѣрующаго *послаша Варнаву прейти даже до Антиохіи.*

Святый Апостоль, приидя въ этотъ, небезызвѣстный въ древнемъ мѣрѣ городъ и *видѣвъ благодать Божию*, т. е. по благодати Божіей принятую и исповѣдуемую Антиохійцами вѣру Христову, *возрадовася.* Велика была радость Апостола особенно потому, что сверхъ ожиданія вѣру Христову приняли и язычники; велика и нынѣ радость для пастыря церкви, когда онъ видитъ, что вѣра, давно принятая, сохраняется безъ поврежденія, ибо какъ есть препятствія насажденію вновь вѣры Христовой, такъ есть препятствія и сохраненію ея въ первоначальной чистотѣ, хотя, безъ сомнѣнія, она можетъ побѣдить тѣ и другія. Памятуя непрестанно исполненное величайшей мудрости указаніе Божественнаго Пастыреначальника, что на нивѣ Божіей *посредъ пшеницы*, по дѣйствію вражію, возрастаютъ и плевелы, Св. Апостоль вмѣстѣ съ радостію о вѣрующахъ, обнаружилъ и заботу: *моляше остьхъ изволеніемъ сердца терпѣти о Господь.* Это спасительное наставленіе Апостольское и да будетъ позволено предложить вниманію здѣ присутствующихъ и обитающихъ; наставленіе, потребное всѣмъ христіанамъ, наипаче близко вамъ, сестры сей Обители, такъ какъ изъ васъ нѣкоторые уже дали обѣтъ *терпѣти всякую скорбь и тѣсноту житія мноческаго*, другія готовятся въ свое время произнести таковыя. Да будетъ посему съ любовію принято вами слово о терпѣніи.

Что значить *терпѣти о Господь*? Съ мыслью о терпѣніи наиболѣе сродна мысль о бѣдствіяхъ и страданіяхъ, почему *терпѣти о Господь* значить великодушно переносить бѣдствія и страданія за вѣру Христову, что заповѣдуетъ Самъ Господь Иисусъ Христосъ Своимъ послѣдователямъ словами: *предастъ братъ брата на смерть и отецъ чадо: и возстанутъ чада на родители и убіютъ ихъ. И будете ненавидимы всеми имене Моего ради: претерпѣвый же до конца, той спасенъ будетъ* (Матѣ. 10, 21—22). Такъ *терпѣти о Господь* святые мученики.

Но, возразятъ, нынѣ нѣтъ мученій за вѣру, въ чемъ же должно проявляться наше терпѣніе, что значить *терпѣть о Господѣ*, хотя бы и не было бѣдствій и страданій, испытующихъ терпѣніе? Въ словѣ Божіемъ находимъ, что *терпѣть Господа* иногда значить прилежно и неослабно молиться, пока не умилостивимъ Бога: *терпя потерпѣхъ Господа*, взываетъ Псалмопѣвецъ, *и внятъ ми, и услыша молитву мою* (Ис. 39, 1—2). Далѣе люди мужественные и постоянные въ исполненіи заповѣдей Божіихъ называются *терпящими Господа*, что видно изъ слѣдующаго изреченія пророческаго: *терпящии Господа измѣнятъ крѣпость, окрылатъютъ аки орлы, потекутъ и не утрудятся* (Ис. 40, 31).

Благоплодность терпѣнія, преимущественно въ жизни иноческой и трудность стяжанія сей добродѣтели прекрасно живописуетъ одинъ великій Авва—подвижникъ¹⁾ въ своихъ многочисленныхъ наставленіяхъ вѣренной его духовному водительство братіи. «И слово есть у насъ, пишетъ онъ, и знаніе и хвала; и вы сыны есте, яко воистину честные, облеченные въ злато, по златому вашему послушанію. Чего же еще не достаетъ? Терпѣнія, *терпѣнія бо, по Апостолу, имате потребу, да волю Божию сотворше, примете обѣтованіе* (Евр. 10, 36). Какое это обѣтованіе? Самъ Господь изрекъ: *иду уготовати мѣсто вамъ. И аще уготовлю мѣсто вамъ, наки прииду и поиму вы къ Себѣ да, идѣже есмь Азъ, и вы будете. И аможе Азъ иду, вѣстѣ, и путь вѣстѣ* (Іоан. 14, 2—4). *И радости вашей никтоже возметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22). Помышляя о семъ и, имѣющую открыться во святыхъ славу прозрѣвая, будемъ все переносить великодушно»²⁾.

И въ другомъ мѣстѣ онъ же взываетъ къ братіи: „продолжайте вашу добрую куплю и ведите до конца вашъ о Господѣ путь, намащая себя елеемъ кротости и терпѣнія и перенося всякаго рода подвижническія тѣсноты, за кои уготовляется пространное наслажденіе вѣчными благами. Какія же это тѣсноты? Тѣ самыя,

1) Св. Фодоръ Студитъ.

2) Добротолюбіе т. IV, стр. 521 и слѣд.

которыя вы каждый день имѣете: бѣднѣя и неаппетитнѣя, рукодѣлія, малоястіе, малопитіе, послѣдовательное прохожденіе послушаній, благочиніе въ стояніи въ церкви и въ порядкѣ пришествіи, въ одеждѣ, въ обуви, — скорби отъ лишеній, отъ предпочтеній, отъ презрѣнія и всего подобнаго. И справедливо свидѣтельствуютъ многіе святые отцы и прежде всѣхъ Св. Василій Великій, что состояніе послушанія есть настоящее мученичество¹⁾.

Итакъ, хотя нынѣ и не воздвигаются на послѣдователей Христовыхъ гоненія на подобіе бывшихъ въ первые вѣка христіанства, однако этимъ нисколько не исключается возможность терпѣть страданія за Христа и въ наше время, ибо, по Апостолу, *всеи хотящии благочестно жити о Христѣ Иисусѣ гоними будутъ* (2 Тим. 3, 12) и *многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе Божіе* (Дѣян. 14, 22).

Какъ же придти намъ въ такое благое устроеніе, чтобы въ сей жизни среди обдержавшихъ насъ искушеній *изволеніемъ сердца терпѣти о Господѣ?*

Посылаются ли на насъ бѣдствія и скорби и мы познаемъ въ семъ наказаніе за грѣхи: *потерпимъ о Господѣ*, взывая съ Псалмопѣвцемъ: *праведенъ еси Господи, и прави суди твои* (Пс. 118, 137). Если и не примѣчаемъ того, чтобы нашею виною привлечено было бѣдствіе, насъ постигающее, и тогда *потерпимъ о Господѣ*, говоря съ Іовомъ: *яко Господеви изволися, тако бысть: буди имя Господне благословенно во вѣки* (Іов. 1, 21). Научаетъ насъ благодать Божія молиться о избавленіи отъ бѣдъ, просить помощи Божіей въ нуждахъ, но остережемся и въ этомъ святомъ упражненіи непостоянства и нетерпѣливости, памятуя заповѣдь Господню *молитися и не стужити* (Лук. 18, 1), т. е. не тяготиться, не скучать молитвою, а пребывать въ ней неослабно, къ чему и Апостоль побуждаетъ словамъ: *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17) и еще: *хощу да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ воздвѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія* (1 Тим. 2, 8), или сомнѣнія. Видимъ ли плодъ своей молитвы? Усугубимъ ее

¹⁾ Доброт. т. IV стр. 298.

благодареніемъ Богу. Не получаемъ ли просимаго? Признаемъ наше недостойнство и несовершенство нашей молитвы и продолжимъ ее съ новымъ усердіемъ. Такъ и въ молитвѣ да *терпимъ о Господѣ*.

Вникнемъ, *Богу возлюбленные, званые святые* (Рим. 1, 7), въ предлагаемое ученіе Апостольское, и каждый со вниманіемъ да приложить его къ себѣ, своей вѣрѣ и жизни, ибо въ семъ отношеніи многіе и много погрѣшаютъ. Часъ терпятъ, слушая Слово Божіе, а потомъ нѣсколько дней слушаютъ житейскія, праздныя, суетныя, нерѣдко злая человѣческія рѣчи; какъ же прозябнуть малому сѣмени Слова Божія среди такого множества плевель? Утромъ молятся и празднуютъ, а остатокъ дня проводятъ иногда въ объяденіи и піянствѣ, *пріобщаясь къ дѣломъ неплоднымъ тьмы* (Еф. 5, 11); какъ же сохранится духъ молитвы въ чаду вина и тяжкомъ пресыщеніи плоти? Нѣсколько дней постятся, одинъ день каются, засимъ надолго возвращаются къ прежней жизни невоздержной и грѣховной. Гдѣ же плодъ поста, гдѣ плодъ достойный покаянія?

Скажутъ однако: неужели каждый день постъ, каждую минуту молитва? Какъ жить, если ничего не дѣлать для временной и тѣлесной жизни? Напрасныя опасенія! Поститесь въ установленное время, но и въ другое время не будьте невоздержны; тогда сохранится плодъ поста. Приходите на молитву въ освященные дни и часы, а потомъ съ призываніемъ имени Божія начинайте и оканчивайте всякое дѣло; вспоминайте о Богѣ съ благоговѣніемъ всегда и всюду, гдѣ и когда можете; не предавайтесь мыслямъ и желаніямъ нечистымъ и незаконнымъ; чрезъ это во всякое время и при всякомъ дѣлѣ научитесь сохранять въ себѣ духъ молитвы. Пріобрѣтайте потребности временной жизни законнымъ и честнымъ трудомъ, не забывая духовныхъ потребностей и жизни вѣчной, кайтесь и не возвращайтесь на грѣхъ, держа въ умѣ слово Господне: *никто же возложь руку свою на рало, и зря вспять, управленъ есть въ царствіи Божіи* (Лук. 9, 62).

Братіе христіане и сестры Обители сей! Будемъ радостно переносить все трудное и прискорбное Бога ради, въ упованіи воз-

даянія. Упованіе же видимое, по Апостолу, нѣсть упованіе: елико бо видитъ кто, что и уповаетъ; аще ли его же не видимъ, надѣемся, терпѣніемъждемъ (Рим. 8, 24—25). Такимъ образомъ терпѣніе есть величайшая добродѣтель; за терпѣніе мученики украшены небесными діадемами, терпѣніемъ преподобные стяжали вѣнцы правды.

Будемъ и мы являть терпѣніе въ послушаніи, въ смиреніи, во всемъ, что требуетъ подвига терпѣнія; и равное съ ними мы получимъ мздовоздаяніе. Объ одномъ учителѣ благочестія извѣстно, что онъ едва-ли не ежедневно обращался къ ученикамъ своимъ съ такимъ увѣщаніемъ: *„братіе, терпите скорби лютыя и обрѣщете покой; въ своемъ любящемъ сердцѣ онъ не находилъ для нихъ лучшаго завѣта. Аминь.*

Можетъ-ли принести пользу православнымъ народамъ соединеніе ихъ съ Латинскою церковію?

(Разборъ энциклики Папы Льва XIII о соединеніи церквей).

Противныя православной истинѣ нововведенія Латинской церкви въ вѣроученіи, въ церковномъ управленіи и устройствѣ и въ обрядахъ столь важны и многочисленны, и по всему существу своему современная намъ Латинская церковь на столько отлична отъ истинной апостольской и Христовой Церкви, что Православная Восточная Церковь *не можетъ* ни принять ее въ общеніе съ собою, ни присоединиться къ ней, пока она не отступится отъ важнѣйшихъ своихъ заблужденій. Въ свою очередь многочисленныя заблужденія уже столь долго существуютъ въ Латинской церкви и столь глубоко укоренились въ сознаніи принадлежащихъ къ ней народовъ и особенно въ сердцахъ папъ, духовенства, богослововъ и монаховъ разныхъ орденовъ, что въ настоящее время она *не можетъ* придти къ сознанію, что они дѣйствительно суть заблужденія, чистосердечно и открыто объявить это и отказаться отъ нихъ. Наконецъ, латиняне и особенно ихъ церковные правители столь глубоко убѣждены въ великомъ превосходствѣ своей церкви предъ Православною Церковію и питаютъ къ послѣдней столь большое нерасположеніе и даже презрѣніе, что имъ *не возможно* дойти до сознанія превосходства Православной Церкви предъ ихъ церковію и даже *не возможны* ни безпристрастное отношеніе къ ней, ни объективное изученіе ея, а потому для нихъ закрытъ самый путь, который могъ бы ихъ привести къ православной

вѣрѣ и къ союзу съ Православною Церковію ¹⁾. Такимъ образомъ соединеніе Латинской церкви съ Православною, или Православною церкви съ Латинскою въ настоящее время *не возможно*.

Это мы и старались доказать рядомъ статей, посвященныхъ разбору папской энциклики.

Но если соединеніе Православной Церкви съ Латинскою въ

¹⁾ Какое глубокое неуваженіе и презрѣніе питають къ Православной Церкви духовныя лица Латинской церкви и самъ папа, это показываютъ слѣдующіе факты совершившіяся на глазахъ всей Россіи и съѣхавшихся въ нее многочисленныхъ гостей изъ всѣхъ царствъ міра. Представители всѣхъ державъ и въ числѣ ихъ члены императорскихъ, королевскихъ и княжескихъ домовъ, наследники престоловъ и даже владѣтельные князья всегда пріѣзжаютъ въ Москву на коронацію нашихъ государей заблаговременно, за нѣсколько дней до дня коронаціи и во всякомъ случаѣ не позже кануна этого дня. Да иначе и быть не можетъ: быть представителемъ какой-либо державы на коронаціи и въ то же время не пріѣхать ко дню коронаціи—это крайняя невѣжливость. А если бы кто-либо изъ представителей державъ запоздалъ пріѣздомъ на коронацію намѣренно, то такой поступокъ имѣлъ бы значеніе враждебной и оскорбительной выходки противъ нашего Государя и его царства. И никакое царство, какъ бы оно ни было построено въ отношеніи Россіи и царя ея непріязненно, не осмѣлится поступить такъ. Но что не возможно для императоровъ и королей, то дозволяетъ себѣ дѣлать непогрѣшимый папа. Въ 1883 г. на коронацію Александра III папскій нунцій Ванутелли пріѣхалъ въ Москву 16 мая, т. е., на другой день послѣ коронаванія. Въ настоящемъ году папскій нунцій Аліарди, прібылъ въ Москву 15 мая, т. е., опять таки на другой день послѣ коронаванія. Ни того, ни другаго въ пути ничто не задерживало, а они и выѣзжали съ расчетомъ пріѣхать въ Москву на утро послѣ коронаванія. Дѣлалось это не по непріязни къ русскимъ, царю, правительству и народу, не изъ политическихъ видовъ, — политическія отношенія между русскимъ правительствомъ и папою въ настоящее время самыя дружественныя, — а потому, что епископъ Латинской церкви считаетъ для себя неприличіемъ, униженіемъ, а можетъ быть и оскверненіемъ присутствовать въ православномъ храмѣ при совершеніи литургіи и таинства миропомазанія. Какъ будто совершаемія въ православномъ храмѣ православными епископами и священниками евхаристія и миропомазаніе не суть таинства и возносимыя въ православномъ храмѣ къ Богу молитвы — не молитвы, а нѣчто такое, при совершеніи чего зазорно присутствовать! И такое презрѣніе къ Православной Церкви, къ ея таинствамъ, Богослуженію и священно-служителямъ проявляется открыто, даже въ самый торжественный моментъ жизни Православной Церкви и Православнаго Русскаго народа! И обнаруживается такое презрѣніе къ православію не при какомъ-нибудь фанатичномъ папѣ, а по указанію такого папы, который призываетъ къ миру и любви во Христѣ и къ соединенію со своею церковію и православныхъ, и протестантовъ, и социалистовъ, и всѣмъ людямъ отверзаетъ свои объятія! Послѣ этого и вѣрѣ миролюбивымъ и дружелюбнымъ заявленіямъ папы, его призывамъ къ любви и братскому единенію, его обѣщаніямъ не нарушать правъ православныхъ церквей въ случаѣ соединенія ихъ съ Латинскою церковію!

настоящее время совершенно невозможно, то и вопросъ о пользѣ или бесполезности этого соединенія не есть-ли вопросъ праздный, и изслѣдованіе и рѣшеніе его не есть ли дѣло излишнее и не нужное?

Дѣйствительно, этотъ вопросъ не зачѣмъ было бы ставить и рѣшать, если бы всѣ были убѣждены въ невозможности соединенія Православной Церкви съ Латинскою; но на самомъ дѣлѣ это убѣжденіе не столь широко распространено, какъ можно было бы желать и ожидать. Люди, мало и поверхностно знакомые съ богословіемъ православнымъ и Латинской церкви, съ церковною исторіей и церковнымъ правомъ и неимѣющіе достаточныхъ свѣдѣній о національномъ характерѣ романскихъ и славянскихъ племенъ, не имѣютъ и даже не могутъ имѣть яснаго и опредѣленнаго понятія о догматическихъ, каноническихъ, обрядовыхъ, историческихъ и этнографическихъ различіяхъ между Латинскою церковію и принадлежащими къ ней народами южной и юго-западной Европы и между Православною Церковію и принадлежащими къ ней народами славянскими и восточными вмѣстѣ съ Греками, а потому не могутъ дойти до сознанія важности и неодолимости препятствій къ осуществленію соединенія-этихъ церквей и до убѣжденія въ невозможности его. Однимъ изъ такихъ людей соединеніе церквей кажется дѣломъ очень труднымъ, но всетаки не невозможнымъ, другимъ—менѣе труднымъ, инымъ—и совсѣмъ легкимъ. Такимъ людямъ желаемое и должное быть кажется осуществимымъ. Вотъ на такихъ то людей прекрасныя фразы и возвышенныя мечты о великихъ благахъ, которыя принесло бы церквамъ и царствамъ, соединеніе церквей, оказываютъ сильное дѣйствіе и побуждаютъ ихъ даже намѣренно отвращать взоры отъ трудностей осуществленія дѣла соединенія церквей и умалять роковую силу этихъ трудностей въ своихъ и въ чужихъ глазахъ. Папа отлично знаетъ это, и потому—то онъ, представивши дѣло соединенія церквей возможнымъ и даже легко осуществимымъ, подкрѣпляетъ свой призывъ къ соединенію церквей описаніемъ великихъ и даже неисчислимыхъ благъ, которыя будто выпали бы на долю церквей, царствъ и народовъ вслѣдствіе соединенія церквей, и страшныхъ пестроеній и бѣдствій, которыя теперь угнетаютъ

всю Европу и которыя тогда были бы устранены. Это описаніе рая, который будто бы наступитъ на землѣ послѣ и въ силу соединенія Церквей съ Латинскою церковію, изложенное въ видѣ проектовъ, обѣщаній, самоувѣренныхъ надеждъ и мечтаній занимаетъ всю вторую половину энциклики папы о соединеніи Церквей. Чѣмъ же и привлечь правительства, народы и церкви къ дѣлу соединенія ихъ съ Латинскою церковію, какъ не заманчивыми обѣщаніями великихъ благъ, которыя они получаютъ чрезъ соединеніе ихъ съ Латинскою церковію, какъ не краснорѣчивымъ описаніемъ беспорядковъ и бѣдствій, отъ которыхъ они освободятся? Но если, такимъ образомъ, среди православныхъ найдутся люди, которые считаютъ дѣло соединенія церквей осуществимымъ и которые притомъ могутъ увлекаться мечтами объ ожидаемыхъ отъ соединенія церквей благахъ, если папа въ своей энцикликѣ пространно и краснорѣчиво изображаетъ эти блага, стараясь мечтамъ придать видъ осуществимой въ недалекомъ будущемъ дѣйствительности, то вопросъ о томъ, можетъ-ли соединеніе православной церкви съ Латинскою принести пользу, и какую именно, православнымъ народамъ, уже не есть вопросъ праздный, и обсужденіе его не есть дѣло ненужное даже и послѣ того какъ доказана невозможность достигнуть соединенія церквей теперь или въ ближайшемъ будущемъ. Вотъ почему мы, давши отрпцательный отвѣтъ на вопросъ о возможности соединенія Православной Церкви съ Латинскою, считаемъ нужнымъ поставить, обсудить и посильно рѣшить и вопросъ о пользѣ этого соединенія.

Согласно своей задачѣ—сдѣлать разборъ энциклики Льва XIII о соединеніи церквей, мы и при обсужденіи этого вопроса будемъ сообразоваться съ тѣми постановкою, раскрытіемъ и рѣшеніемъ его, какія даны въ папской энцикликѣ.

„Въ случаѣ возстановленія общенія съ нами, обращается папа къ христіанскимъ народамъ Востока, сколько бы ваши церкви выиграли въ достоинствѣ, сколько въ благоприличіи“.

Если Православная Церковь чрезъ соединеніе съ Латинскою Церковію очень много выиграетъ въ достоинствѣ и благоприличіи, это значитъ, что теперь, пребывая въ разобщеніи съ

Латинскою Церковію, она не имѣетъ вовсе, или мало имѣетъ достоинства и благоприличія. Трудно сказать, что собственно разумѣетъ папа, высказывая эти эластичные намеки, эти дипломатическія фразы. Повидимому, этотъ вскользь брошенный намекъ папа поясняетъ ниже, утверждая, что соединенная Церковь заняла бы принадлежащій ей рангъ чести, стала бы свободною и уважаемою и, шествуя своимъ путемъ, распространила бы вокругъ себя евангельскую истину и благодать, и это принесло бы благоденствіе государствамъ“. Восточную Церковь на Западѣ, обыкновенно, обвиняютъ въ цезаро-папизмѣ, въ рабской зависимости ея отъ свѣтской власти и гражданскаго правительства. Повидимому, это именно и разумѣетъ папа, утверждая, что теперь Восточная Церковь не имѣетъ достоинства и благоприличія, и что чрезъ соединеніе съ Латинскою Церковію она заняла бы болѣе почетное положеніе.

Что Церковь должна занимать принадлежащій ей рангъ чести и быть свободною и уважаемою, это правда. Но спрашивается, сама Латинская Церковь занимаетъ ли въ странахъ, искони исповѣдующихъ латинскую вѣру, подобающій ей рангъ чести, распространяетъ ли она тамъ благодать и истину, приноситъ ли она благоденствіе государствамъ? Она меньше пользуется уваженіемъ въ своихъ странахъ и меньше приноситъ благъ своимъ народамъ, нежели Православная Церковь въ своихъ странахъ, среди своихъ народовъ. Если гдѣ, то именно въ странахъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, отношенія между церковію и государствомъ, между духовною и свѣтскою властію наименѣе упорядочены, наиболѣе разстроены, и въ иныхъ царствахъ даже доведены до непримиримой вражды и яростной борьбы. Виноваты въ этомъ и тамошнія правительства, но еще болѣе и прежде всего виновны въ разстройствѣ отношеній между Церковію и государствомъ папа, латинское духовенство, особенно іезуиты, а также весь строй Латинской Церкви. Заявляя притязанія не только на духовное, но и на гражданское владычество, папа и латинское духовенство впутываются въ политическія и государственныя дѣла и въ гражданскую жизнь и отношенія семействъ, обществъ, государствъ. Разумѣется, эти неумѣстные и незаконныя притязанія ихъ распорядятся въ тѣхъ

областяхъ жизни, которыя непосредственно имъ не подчинены, всегда и вездѣ вызвали сильнѣйшее противодѣйствіе со стороны правительства, общества, литературы. Въ результатѣ получается не возвышеніе, а униженіе церкви, не умноженіе ея чести и правъ, а умаленіе ихъ, не подъемъ ея духовнаго вліянія на народы, а упадокъ. Такъ какъ народы, принадлежащіе къ Латинской Церкви, знаютъ христіанство только въ формѣ латинской вѣры,—вѣры, проповѣдуемой тамъ людьми, которымъ не довѣряютъ, съ которыми борются, которыхъ не любятъ и даже ненавидятъ; то незамѣтно и неизбѣжно перасположеніе переносится и на самую вѣру, на христіанство, на религію, и вотъ враги папы и латинскаго духовенства становятся врагами христіанства и религіи вообще, дѣлаются невѣрующими и безбожниками, или менѣе рѣшительные по крайней мѣрѣ становятся равнодушными къ Церкви и вѣрѣ. Не отрицаемъ, что вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству очень сложенъ и труденъ для разрѣшенія, но именно Латинская Церковь менѣе, чѣмъ какая другая, сумѣла рѣшить его. Твердая основа для правильнаго рѣшенія этого вопроса заключается въ словахъ Іисуса Христа: *отдавайте Кесарево Кесарю, а Божіе Богу (Матѣ. 22, 21)*. А Латинская церковь очень многое присвоиваетъ себѣ изъ того, что принадлежитъ Кесарю. Черезъ это и безъ того сложный вопросъ объ отношеніи Церкви къ государству она еще болѣе усложнила, запутала, обострила и тѣмъ принесла и впредь будетъ приносить много вреда и себѣ самой, и связаннымъ съ нею государствамъ. До какого невѣроятнаго разстройства дошли отношенія между свѣтскою и духовною властію въ государствахъ, принадлежащихъ къ Латинской церкви, это особенно наглядно показываетъ Италія, эта колыбель Римской церкви. Въ самомъ дѣлѣ, Итальянскій король, вся его семья, весь его родъ, весь его дворъ, все его правительство—всѣ они исповѣдуютъ не какую-нибудь ненавистную папѣ, или враждебную латинской вѣрѣ религію; напротивъ, всѣ они принадлежатъ къ Латинской же церкви, исповѣдуютъ одну вѣру съ папою. Тѣмъ не менѣе между папою и его дворомъ и духовенствомъ, съ одной стороны, и между Итальянскимъ королемъ и его пра-

вительствомъ, съ другой, гораздо менѣе мира и гораздо болѣе вражды, чѣмъ, напр., между Турецкимъ Султаномъ и Константинопольскимъ патриархомъ. Не лучше, если не хуже, отношенія между Церковію и государствомъ во Франціи, въ которой правительство изгоняетъ все церковное изъ школъ, высылаетъ монашескіе ордена за границу, ограничиваетъ права и преимущества духовенства. Могутъ ли вражда и раздѣленіе идти дальше! Самъ папа въ энцикликѣ яркими красками описываетъ враждебное настроеніе правительствъ и народовъ противъ Церкви,—нужно бы добавить, именно противъ Латинской церкви. „Многіе, говоритъ онъ, привыкли относиться къ Церкви съ подозрѣніемъ, съ презрѣніемъ, съ ненавистью и завистью; и, что еще печальнѣе, они прибѣгаютъ ко всякимъ способамъ и усиліямъ, чтобы сдѣлать ее рабой гражданскаго правительства. Отсюда—отпятіе у нея имущества и стѣсненіе ея свободы, созданіе всякихъ затрудненій для кандидатовъ священства, чрезмѣрно суровые законы для духовенства, закрытіе и запрещеніе монашескихъ обществъ“. Но спрашивается, кто виноватъ, что „многіе привыкли относиться къ Церкви съ презрѣніемъ“ и другими непріязненными чувствами? Откуда взялась такая привычка? Папа говоритъ, что „ложныя идеи омрачили и даже во многихъ умахъ искоренили истинное понятіе о Церкви“; но почему же папа и его духовенство не воспрепятствовали распространенію этихъ ложныхъ идей? Корень зла въ томъ, что сама Латинская-то церковь не есть истинная Христова Церковь. Народы Запада потому и утратили истинное понятіе о Церкви, что въ живой дѣйствительности они видѣли и видятъ не истинную, а лжевѣрующую и неправо дѣйствующую Церковь,—Церковь, не воздающую Кесарево Кесарю. Вотъ почему Латинская церковь имѣетъ много враговъ даже среди такихъ людей, которые еще не совсѣмъ утратили вѣру въ Бога. Можетъ-ли она послѣ этого рассчитывать на какое-нибудь уваженіе со стороны невѣрующихъ? Да и въ ужасномъ распространеніи безбожія на Западѣ не виновата-ли отчасти сама Латинская церковь, хотя и косвенно? Да и косвенно-ли только Ни одинъ человекъ во всемъ мірѣ не принесъ столько вреда религіи и христіанству и не расплодилъ столько безбожни-

ковъ, какъ Вольтеръ. А кто такое былъ Вольтеръ? Задавая этотъ вопросъ, мы не то хотимъ сказать, что онъ принадлежалъ Латинской церкви: вѣдь и среди сыновъ Православной Церкви были и есть безбожники. ¹⁾ Вольтеръ былъ крестнымъ и, какъ думаютъ, не однимъ крестнымъ сыномъ аббата Шатонефа, который былъ своимъ человѣкомъ, другомъ дома въ салонѣ легкомысленной матери Вольтера. И этотъ же цевѣрующій аббатъ—эпикуреецъ, какихъ въ то время было много во Франціи, своимъ легкомысленнымъ отношеніемъ къ религіи первый заронилъ въ сердце своего сына сѣмена насмѣпливаго отношенія къ Библии, неуваженія къ христіанству и невѣрія. Упомянуть-ли о томъ, что латинское духовенство своимъ упорнымъ отрицаніемъ научныхъ истинъ и научныхъ открытій и своимъ безразсуднымъ противодѣйствіемъ научному движенію вооружило противъ себя, противъ Церкви и христіанства людей мысли и науки, и чрезъ эту борьбу множество людей привело къ невѣрію и безбожію? И у папы достало духа указывать на недостатокъ достоинства и благоприличія въ Православной Церкви, въ которой, однако, отношенія между свѣтскою и духовною властію никогда не доходили, да и не могутъ дойти, до такого ужаснаго разстройства, какъ въ странахъ съ латинскою вѣрою!

Но, быть можетъ, отношенія между Церковію и государствомъ на Востокѣ кажутся лучшими, чѣмъ на Западѣ, намъ самимъ, а по воззрѣнію папы они крайне не нормальны.

Пусть такъ, но спрашивается, можно-ли рассчитывать на улучшеніе этихъ отношеній чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою, когда именно въ Латинской-то Церкви эти отношенія и доведены до крайняго разстройства, и сдѣлались такими главнымъ образомъ вслѣдствіе незаконныхъ при-

¹⁾ Должно, впрочемъ, замѣтить, что безбожіе никогда не зарождалось въ Россіи, а проникало въ нее съ Запада. Такъ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка безбожіе подъ названіемъ вольтерьянства занесено и заносимо было въ Россію изъ Франціи, а матеріализмъ и невѣріе въ шестидесятыхъ годахъ были распространены въ Россіи чрезъ матеріалистическія сочиненія Фейербаха, Бюхнера, Фогта, Молешотта и другихъ нѣмецкихъ матеріалистовъ. Точно также и социалистическое и анархическое движеніе семидесятыхъ годовъ было эхомъ того же движенія на Западѣ.

тязаній папѣ на свѣтскую власть и незаконнаго вмѣшательства латинскаго духовенства въ гражданскія дѣла народовъ и правительствъ? Не смѣшно-ли, что папа сулитъ намъ дать такія блага, которыхъ не имѣетъ его собственная Церковь и которыя онъ постоянно усиливается пріобрѣсть для нея, но безуспѣшно? Если въ странахъ, исповѣдующихъ латинскую вѣру, зло раздѣленія и разобщенія Церкви отъ государства достигло наивысшей степени и сдѣлалось тяжелой и неисцѣльной язвой, отравляющей и Церковь и государство, если, притомъ, въ возникновеніи, укорененіи и распространеніи этого зла всего болѣе виновны сами же папы и латинское духовенство, то есть полное основаніе опасаться, что это зло привьется и къ православнымъ народамъ, въ случаѣ соединенія ихъ съ Латинскою церковію. Не имѣя силъ уврачевать зло разобщенія между государствомъ и церковію въ своей собственной церкви, папа мечтаетъ исцѣлить это зло въ православныхъ церквахъ, хотя онѣ гораздо менѣе нуждаются въ лѣченіи, чѣмъ его собственная церковь. Да и могутъ-ли онѣ довѣриться такому врачу, который, какъ показалъ опытъ, даже и своихъ домашнихъ постоянно лѣчитъ, а вылѣчить не можетъ, лишь только растравляетъ ихъ язвы? Папа, повидимому, воображаетъ, что если Латинская церковь будетъ состоять не изъ двухъ сотъ милліоновъ челоуѣкъ, какъ теперь, а изъ трехъ сотъ милліоновъ, то она пріобрѣтетъ больше средствъ и лучшія средства противъ раздора между свѣтскою и духовною властію, а на самомъ дѣлѣ разница будетъ только та, что теперь отъ этого раздора страдаютъ пять—шесть царствъ, а тогда будутъ терпѣть это зло восемь или десять странъ.

Повидимому, въ намекѣ папы на недостатокъ достоинства и благоприличія Православной церкви подразумѣвается бѣдность, униженность и зависимое положеніе нашего русскаго духовенства. Если дѣйствительно такова мысль папы, то онъ правъ. Латинскіе патеры и прочіе клирики живутъ въ довольствѣ и съ достаткомъ, вполне и хорошо обеспечены и не имѣютъ никакой надобности самимъ обезпечивать свое существованіе, или дѣлать запасы на черный день. Сытые, довольные, раскормленные латинскіе патеры чувствуютъ себя очень хорошо,

благодарно; имъ нѣтъ надобности кому нибудь кланяться, у кого-нибудь заискивать. Матеріально вполне обеспеченные, подчиненные только своему духовному начальству, они чувствуютъ свою независимость, держать себя важно, съ достоинствомъ; они привыкли не подчиняться, а властвовать. Да и обезпечить ихъ ничего не стоитъ, потому что у нихъ нѣтъ ни жевъ, ни дѣтей.

Совсѣмъ не таково матеріальное состояніе русскихъ православныхъ священниковъ, діаконѳвъ и псаломщиковъ сельскихъ, а отчасти и городскихъ. Обремененные почти всегда большими семьями, они не только должны содержать себя и свои семейства, воспитывать своихъ дѣтей и давать имъ образованіе; но очень часто призрѣваютъ своихъ бѣдныхъ родственниковъ, или воспитываютъ ихъ сиротъ; кромѣ того, благоразуміе и предусмотрительность вынуждаютъ ихъ дѣлать еще запасы на будущее, такъ какъ, въ случаѣ ранневременной смерти священнослужителя или церковнослужителя, семья его можетъ остаться въ безпомощномъ положеніи, а въ пныхъ случаяхъ сами они, дожившіе до глубокой и дряхлой старости, могутъ тоже нуждаться даже въ необходимомъ. Между тѣмъ грошова подачки отъ прихожанъ, доходы отъ церковной земли, плата за учительство—все это даетъ столь невысокую сумму, что ея едва достаетъ на самыя насущныя нужды. Чтобы восполнить недостающее, священники и прочіе клирики вынуждены обрабатывать землю. И всетаки клириковъ, имѣющихъ достатокъ, мало. И это,—несмотря на самый простой, неприхотливый образъ жизни, не смотря на самую тщательную бережливость и расчетливость. Самый способъ собиранія доходовъ поставляетъ наше духовенство въ зависимость отъ прихожанъ и даже въ унижительное положеніе и, чтобы не лишиться части своихъ скудныхъ доходовъ, оно вынуждено иногда угождать своимъ прихожанамъ. Какъ бѣдно, черно и скудно жили священники даже въ самое послѣднее время, а отчасти и теперь, видно уже изъ того, что въ началѣ истекающаго столѣтія иные священники ходили въ лаптяхъ, а пахать, молотить и производить другія тяжелыя работы своими руками

приходится нѣкоторымъ изъ нихъ и теперь ¹⁾). Еще бѣднѣе, разумѣется, жили и живутъ діаконы и псаломщики, а по старому—дьячки и понамори, которые получали доходовъ меньше священниковъ втрое и даже вчетверо. Какъ мало цѣнили трудъ даже тѣхъ лицъ изъ духовенства, которые получили даже высшее образованіе, видно изъ того, что всего тридцать съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ профессоръ университета получалъ жалованья 1547 р., а профессоръ духовной академіи 850 р.; учитель гимназіи—850 р., а законоучитель той же гимназіи—350 р., и профессоръ семинаріи отъ 257 до 429 р., смотритель уѣзднаго свѣтскаго училища—500 р., а смотритель уѣзднаго училища духовнаго отъ 150 до 214 р. Даже и въ настоящее время оклады и доходы профессоровъ университетовъ и учителей мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, кадетскихъ корпусовъ и другихъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній выше, нежели профессоровъ духовныхъ академій, духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ, мужскихъ и женскихъ. Но особенно неприятно то, что духовныя лица латинскаго исповѣданія, даже въ Россіи, матеріально обезпечены гораздо больше, нежели лица православнаго духовенства. Такъ, Митрополитъ Филаретъ въ 1862 г. писалъ: „Въ Саратовѣ на содержаніе ученика римско-католической семинаріи назначено 75 р., въ томъ же городѣ на содержаніе ученика православной семинаріи—32 р. Жалованія римско-католическому епископу въ Саратовѣ въ годъ 4480 р., православному епископу тамъ же 700 р. Члены православныхъ консисторій, духовныхъ правленій, благочинные проходили сіи должности безъ вознагражденія: не такъ должностныя лица римскаго исповѣданія въ Россіи. Многочисленные сего рода сличенія способны подать поводъ, конечно, не къ тому, чтобы служащіе въ духовномъ вѣдомствѣ воскрилялись и поощрялись, а развѣ къ тому, чтобы они чувствовали себя сравнительно униженными и менѣе пользующимися вниманіемъ власти“ ²⁾). А вотъ и еще краснорѣчивое свидѣтель-

¹⁾ О братьяхъ художникахъ Васнецовыхъ писали недавно, что они, учаъ въ Вятской семинаріи, получили отъ отца своего, сельскаго священника, на пасхальныя удовольствія по 7 коп. на брата. Возможно, что разумѣются 7 коп. ассигнаціями, т. е. 2 копейки.

²⁾ Московскія Вѣдомости 1896 г. № 43.

ство современника. Епископъ Енисейскій и Красноярскій Никодимъ писалъ въ 1866 году профессору Платонову: „Намъ дарятъ нищету, полагая тѣмъ намъ услужить, а католичество караютъ, назначая ксендзу вдвое противъ митрополита православнаго, или хоть столько же. Мнѣ дали въ полѣ за 30 верстъ 60 десятинъ для хозяйства. Ксендзу красноярскому въ семь году дали 150 десятинъ, предоставивъ ему выбрать такую землю, какую пожелаетъ, и гдѣ захочетъ. Меня не спросили“. И это было всего 30 лѣтъ тому назадъ. Въ другомъ письмѣ тотъ же епископъ пишетъ: „Только для православныхъ церквей и духовенства въ Россіи недостаетъ капитала, а, напр., костеламъ, киркамъ, патерамъ католичества и лютеранства широкіе оклады, шире европейскихъ“¹⁾.

Но этого мало: пастыри наши были стѣсняемы даже въ управленіи своей прямой и важнѣйшей обязанности—въ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія съ церковной кафедрой. Священники, написанныя ими для произнесенія въ церкви проповѣди, были обязаны представлять цензору, причемъ цензура проповѣдей большею частію была слишкомъ строгая, придирчивая и нисколько не щадившая авторскаго самолюбія. Безопаснѣе и спокойнѣе было совѣмъ не говорить проповѣдей, и эту благую часть избирали, разумѣется, очень многіе. Если же епархіальное начальство требовало, чтобы каждый священникъ представилъ цензору въ годъ не менѣе установленнаго числа проповѣдей, то безопаснѣе было писать и подавать проповѣди отвлеченныя, шаблонно-схоластическія. Такія и писали. За такъ называемыя „современныя проповѣди“ подвергались тайному надзору и не тайному преслѣдованію даже архипастыри, даже знаменитые архипастыри²⁾. Какую же цѣну, послѣ этого, имѣютъ обвиненія духовенства въ томъ, что оно не проповѣдуетъ, или говоритъ проповѣди безжизненныя, схоластическія и слишкомъ мудренныя!

1) Богословскій Вѣстникъ, 1896 г., Февраль, стр. 307 и 310.

2) Нѣкоторые примѣры приведены въ посмертныхъ запискахъ Никанора, архіепископа Херсонскаго, напечатанныхъ въ Русскомъ Обозрѣніи подъ заглавіемъ: „Изъ исторіи ученаго монашества шестидесятихъ годовъ“ №№ 1—3 за 1896 г.; мартъ, стр. 27—31. А какіи утѣшенія терпѣли православные архипастыри въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и въ Западномъ краѣ!

Не удивительно, что православное русское духовенство, отягощаемое и подавляемое бѣдностію, встрѣчая съ разныхъ сторонъ,—и отъ своихъ, и отъ чужихъ,—то невниманіе и неуваженіе, то презрѣніе и недоброжелательство, то вражду и противодѣйствіе, стало какимъ-то убогимъ и приниженнымъ. И его же порицаютъ за мнимую косность и недостатокъ ревности!

Безъ сомнѣнія, такое положеніе духовенства не могло не сопровождаться ослабленіемъ его вліянія на народъ.

Но чтобы вывести русское православное духовенство изъ нужды, чтобы возвысить его самосознаніе, чтобы усилить его вліятельность, для этого вовсе не требуется соединеніе церквей; всего этого можно достигнуть и безъ помощи папы. Чтобы исцѣлить эти недуги духовенства, нужно устранить причины ихъ.

Причина бѣдности, приниженности и маловліятельности русскаго духовенства заключается вовсе не въ томъ, что оно есть духовенство православное, а не латинское, и даже не въ бѣдности Россіи. Главная причина этихъ недостатковъ духовенства, въ которыхъ оно само не повинно, заключается въ необразованности Россіи. По грамотности, образованности и учености наше духовенство всегда было, да и теперь еще продолжаетъ быть, передовымъ еословіемъ въ Россіи. Но образованные люди цѣнятся тѣмъ менѣе, чѣмъ ниже общій уровень образованности въ странѣ. Конечно, мы разумѣемъ образованность истинную, а не одностороннюю ученость людей невѣрующихъ, или лжевѣрующихъ, которые ненавидятъ православное духовенство и всячески вредятъ ему. Отъ чего латинскіе епископы получаютъ въ Россіи оклады жалованья гораздо большіе въ сравненіи съ православными епископами? Оттого, что Русскіе доселѣ преклонялись предъ иностранщиной,—преклонялись потому, что чувствовали превосходство предъ собою иностранцевъ. Дурно было не то, что подражали иностранцамъ: перенимать у чужихъ хорошее, перенимать и усваивать хорошее съ разсудительностію,—въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Дурно было то, что Русскіе подражали иностранцамъ обезьянски,—что, подобно дикарямъ, промѣнивающимъ свои дорогія произведенія на дешевыя, на блестящія бусы, они прельщались мишурою, наружнымъ блескомъ западной цивилизаціи. Напр.,

подражавшіе французамъ выучивались болтать по-французски, но серьезныхъ произведеній французской литературы не читали и не знали, хотя, можетъ быть, и имѣли ихъ въ своихъ библіотекахъ въ роскошныхъ переплетахъ, выставленныхъ на показъ; одѣвались, какъ французы и французженки, но не перенимали у нихъ ни склонности къ бережливости, ни искусства въ обработкѣ земли; увлекались политическимъ и религіознымъ вольномысліемъ французскихъ писателей и были совершенно чужды ихъ гуманнымъ идеямъ. Точно также наши англоманы вводили чопорность въ домашнемъ обыходѣ и самые дома строили по образцу англійскихъ замковъ, но не подражали ни трудолюбію Англичапъ, ни ихъ настойчивости въ достиженіи цѣлей, ни ихъ привычкѣ относиться съ уваженіемъ къ личности и голосу человѣка, кто бы онъ ни былъ, и не изучали доведенныхъ у нихъ до совершенства техническихъ производствъ. Неразвитыхъ людей всего болѣе поражаетъ внѣшность, наружный блескъ, и вотъ наши аристократы и аристократки, уѣзжая въ Италію и разбрасывая тамъ русское золото, добытое тяжкими трудами ихъ крѣпостныхъ, прельщались пышностію церковныхъ процессій, попадали въ сѣти ловкихъ прелатовъ и коварныхъ іезуитовъ, и не—князей величавшихъ княжескими титулами, и принимали латинскую вѣру; а иные, хотя и не рѣшались на такой шагъ,—по крайней мѣрѣ отдавали явное предпочтеніе латинской вѣрѣ предъ православною. Блескъ и церемоніальность латинскаго Богослуженія нравились имъ больше, нежели величественная простота православнаго Богослуженія; и лживые, но за то выдержанные, ловкіе и льстивые латинскіе клирики и монахи въ ихъ глазахъ были несравненно выше, нежели бѣдные, смиренные, кроткіе и простодушные сельскіе пастыри родной земли. Правда, обстановка нашего сельскаго храма большею частію слишкомъ была скудна, и самое Богослуженіе въ немъ мало удовлетворяло эстетическій вкусъ молящихся. Но чего стоило помѣщикамъ завести хотя маленькіе хоры въ своихъ приходскихъ церквахъ? Вѣдь создавали же они изъ крѣпостныхъ и дворовыхъ людей цѣлыя труппы для домашнихъ театровъ и цѣлыя оркестры домашней музыки. И все это было такъ недавно, на

глазахъ теперь еще живущихъ людей! Вѣдь не прошло и со-рока лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Россія сбросила съ себя ярмо крѣпостнаго права, лучше сказать, безправія. При господствѣ произвола и грубой силы могло ли имѣть большую силу и оказывать большое вліяніе на общество сословіе, не имѣвшее связей ни съ аристократіей, ни съ бюрократіей? Но мало того, что православное русское духовенство не находило поддержки въ господствующихъ классахъ населенія: оно было, а отчасти остается и теперь, подъ гнетомъ и чужихъ, и своихъ. Печальнѣе и обиднѣе всего то, что свои иногда угнетали его гораздо болѣе, чѣмъ чужіе. Въ средствахъ содержанія приходское духовенство зависѣло и зависитъ отъ прихожанъ и потому вынуждено угождать имъ; въ охраненіи своихъ правъ, даже въ отправленіи своихъ обязанностей и въ успѣхахъ по службѣ оно зависѣло не только отъ своего начальства, но часто и отъ начальства свѣтскаго, а иногда и отъ всякаго нѣсколько вліятельнаго челоуѣка. Мы не говоримъ уже о томъ, что русское духовенство ненавидятъ и презираютъ невѣрующіе, либералы и лжевѣрующіе, т. е., раскольники и сектанты,—это и вездѣ такъ бываетъ и иначе и быть не можетъ,—но въ Россіи духовенство бранили, презирали, угнетали и поставляли препоны его дѣятельности даже многіе изъ вѣрующихъ и православныхъ. Почему такъ относились къ духовенству? По разнымъ причинамъ и побужденіямъ: по невѣжеству и грубости правовъ, по самодурству, изъ желанія властвовать и показать свою силу, по незнанію условій быта духовенства, по одностороннимъ взглядамъ на пользы Церкви, по зависимости отъ вліяній, чуждыхъ или даже непріязненныхъ Православной Церкви.

Если, тѣмъ не менѣе, въ истекающемъ столѣтіи и образованіе, и матеріальное благосостояніе православнаго русскаго духовенства не падали, а даже возрастали, то этимъ духовенство обязано, во-первыхъ, тому, что на Руси никогда не было недостатка въ людяхъ, преданныхъ Православной Церкви и съ уваженіемъ относившихся къ ея служителямъ. Напр., многіе помѣщики и купцы не только возобновляли и украшали храмы, но и созидали новые, и вмѣстѣ съ тѣмъ давали обезпеченіе причтамъ. И изъ небогатыхъ людей одни, дѣйстви-

тельно, отягощаются необходимостію платить причту за требы, но другіе, напротивъ, считаютъ для себя за честь принять священника.

Во-вторыхъ, русское духовенство много сдѣлало и дѣлаетъ само для себя. Своимъ относительнымъ благосостояніемъ оно обязано той нравственной и умственной силѣ, которая хотя и кажется какъ бы дремлющей ¹⁾, но которая глубоко и твердо заложена въ немъ, поддерживаетъ его въ самыхъ тяжелыхъ невзгодахъ жизни, снабжаетъ его членовъ честнымъ кускомъ хлѣба при самыхъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, а болѣе способныхъ выдвигаетъ на высокіе посты службы безъ столь распространеннаго у насъ протекціонизма.

Въ-третьихъ, и въ особенности, духовенство много обязано благоволителю вниманію къ его нуждамъ русскихъ государей и нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, лучшихъ государственныхъ людей. За послѣднія сто лѣтъ всѣ русскіе государи, сознавая, какое важное, даже первостепенное значеніе для государства имѣютъ церковь, православная вѣра и служители церкви, благосклонно относились къ православному русскому духовенству и предпринимали мѣры къ подъему его умственного развитія и къ улучшенію его матеріальнаго быта.

¹⁾ Вѣдь и весь русскій народъ можно назвать соннымъ сравнительно съ народами Запада. Онъ—„богатырь покойный на постелѣ“. Онъ менѣе дремлетъ, нежели народы Востока, но и менѣе дѣтеленъ, нежели народы Запада. Въ сонливости русскаго народа отразилось вліяніе Востока. Въ особенности слаба въ этомъ народѣ способность къ инициативѣ, мало въ немъ предприимчивости. Кто разрабатываетъ наши естественныя богатства, наживая на затраченные десятки тысячъ милліоны?—Все пришельцы съ Запада: Англичане, нѣмецкіе Евреи, Бельгійскія компаніи и т. п. Недостатокъ инициативы, быть можетъ, есть черта всего Славянскаго племени, по характеру слишкомъ мягкаго и податливаго. А въ Русскомъ народѣ этотъ недостатокъ могъ усилиться еще отъ того, что русскіе слишкомъ долго находились въ рабствѣ,—сначала у Монголовъ, потомъ часть народа у Поляковъ, наконецъ у своихъ помѣщиковъ, не говоря уже о культурной зависимости отъ Запада. И въ духовенствѣ нашемъ мало предприимчивости. Но справедливо-ли упрекать его за недостатокъ, свойственный всему народу Русскому, врожденный въ немъ и поддержанный условіями его исторической жизни? Впрочемъ, вопросъ еще, нужно-ли тужить о томъ, что Русскому народу доселѣ чужда та кипучая лихорадочная дѣятельность, которою объята теперь народы Запада, отчасти по необходимости. Не угрожаетъ ли такая дѣятельность народамъ Запада преждевременнымъ одряхлѣніемъ, подобно тому, какъ и человѣкъ, зарвавшійся въ трудъ, скоро старѣетъ и подвергается опасности умереть рановременно.

Такъ, императоръ Павелъ I издалъ нѣсколько законовъ, направленныхъ къ тому, чтобы возвысить въ народѣ уваженіе къ святости праздниковъ и почтеніе къ общественному Богослуженію и къ пастырямъ Церкви. Въ его же кратковременное царствованіе, по мысли и при содѣйствіи митрополита Платона, было улучшено преподаваніе богословскихъ наукъ въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ.

При императорѣ Александрѣ I, Благословенномъ, трудами графа Сперанскаго, были капитально преобразованы, почти вновь созданы и умножены въ Россіи духовныя мужскія училища:—вышнія, среднія и низшія. Тогда именно былъ твердо установленъ типъ дѣленія духовныхъ школъ на высшія, или академіи, среднія, или семинаріи, и низшія, или духовныя приходскія училища, который, несмотря на неоднократныя послѣдующія перестройки и преобразованія, удержался и доселѣ.

При императорѣ Николаѣ I положено было ежегодно отчислять изъ государственнаго казначейства нѣкоторую сумму въ жалованье бѣднѣйшимъ причтамъ, преимущественно на окраинахъ Россіи; но осуществленіе этой мѣры почему то было пріостановлено.

При императорѣ Александрѣ II, Преобразователѣ, дѣти церковно-служителей были причислены къ званію личныхъ почетныхъ гражданъ, а дѣти священно-служителей—къ званію личныхъ дворянъ, чрезъ что тѣ и другія были освобождены отъ тяжелой обязанности приписываться къ такъ называвшимся податнымъ сословіямъ. Были возвышены оклады жалованья служащихъ въ консисторіяхъ, и этимъ положено начало искорененію взяточничества въ этомъ учрежденіи, стяжавшемъ себѣ недобрую славу. Было узаконено выдавать священникамъ за тридцати пяти-лѣтнюю безпорочную службу пенсію, которая, какъ ни мала она, всетаки даетъ нѣкоторое обезпеченіе на время безпомощной старости. Въ то же время были преобразованы мужскія духовныя школы—вышнія, среднія и низшія, причемъ и всегда существовавшая въ духовныхъ школахъ классическая система образованія была расширена, число преподавателей въ духовныхъ училищахъ и въ семинаріяхъ и профессоровъ въ духовныхъ академіяхъ увеличено и каждому

изъ преподаваемыхъ предметовъ дано самостоятельное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, соотвѣтственно вздорожанію жизненныхъ припасовъ, прежніе убогіе оклады начальствующихъ, учащихъ и служащихъ въ академіяхъ, семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, а также и оклады на содержаніе казенно-коштныхъ воспитанниковъ этихъ школъ были увеличены втрое. Самыя зданія многихъ семинарій были или вновь выстроены, или значительно расширены. Осуществить столь значительный подъемъ матеріальнаго благосостоянія духовныхъ школъ можно было только благодаря тому, что императоръ Александръ II повелѣлъ, въ прибавокъ къ прежде ассигнованнымъ суммамъ, отпускать изъ государственнаго казначейства на содержаніе этихъ школъ ежегодно 1,500,000 р. Въ свою очередь, и само духовенство изыскивало средства на расширеніе духовныхъ школъ, открывая на свой счетъ при многолюдныхъ семинаріяхъ сверхштатные классы, и на улучшеніе быта воспитанниковъ ихъ, устрояя дома для общежитія ихъ. Въ это же время во всѣхъ епархіяхъ были или вновь основаны, или совершенно преобразованы епархіальныя женскія училища и сравнены по курсу ученія и по правамъ съ женскими гимназіями свѣтскихъ вѣдомствъ. Постройка и содержаніе зданій для епархіальныхъ женскихъ училищъ, а равно и все содержаніе самыхъ училищъ производились и производятся исключительно на мѣстныхъ средства Церкви и духовенства, равно какъ на мѣстныя же церковныя средства содержатся отчасти и мужскія духовныя училища ¹⁾. Епархіальныя женскія училища имѣютъ весь-

¹⁾ Напр., въ послѣдніе годы царствованія Александра II точно изъ земли выросло въ Рязани превосходное обширное зданіе женскаго епархіальнаго училища, и это училище и числомъ учащихся, и достоинствомъ преподаванія въ нѣсколько лѣтъ стало на такую высоту, что далеко опередило издавна существовавшую въ этомъ городѣ женскую гимназію. Затѣвалъ постройку, строители имѣли въ рукахъ, кажется, тысячъ двадцать, а чрезъ нѣсколько лѣтъ было воздвигнуто, безъ задолженности, зданіе, стоящее не одну сотню тысячъ рублей. Все это было достигнуто самоотверженною преданностію дѣлу просвѣщенія, неутомимыми трудами и необыкновенною энергіею одного человека, учителя семинаріи, священника Ѡ. А. Орлова, при дѣятельной и сочувственной поддержкѣ со стороны мѣстнаго епископа Палладія (нынѣ Митрополитъ Санктпетербургскій). Мысль о постройкѣ хорошаго зданія въ хорошей мѣстности города принадлежала Ѡ. А., и онъ же осуществлялъ ее, жертвуя свои средства, собиравъ деньги по подписнымъ листамъ,

ма важное значеніе и для духовенства, и для государства: они даютъ возможность лицамъ духовнаго званія и сословія имѣть образованныхъ женъ и матерей, дочерямъ духовенства даютъ хорошее воспитаніе и образованіе, а сиротамъ и полусиротамъ его (къ сожалѣнію пока еще не всѣмъ) даровые: пріютъ, содержаніе, воспитаніе и образованіе, и снабжаютъ ихъ духовнымъ капиталомъ, прибылью съ котораго онѣ могутъ содержать себя во всю жизнь; они снабжаютъ народныя школы благонадежными учительницами ¹⁾).

съ утра до вечера наблюдаи за работами и т. под. А говорить еще, что у насъ нѣтъ людей! Странно говорить это о міровой державѣ, о стомилліонномъ и притомъ православномъ Русскомъ народѣ. Слава Богу, не оскудѣла хорошими людьми Россія, но нужно умѣть отличать людей искренне-религіозныхъ, способныхъ, знающихъ дѣло и усердныхъ дѣятелей, которые обыкновенно къ наградамъ не пристрастны, молвы не любятъ, о своихъ подвигахъ не кричатъ, отъ людей съ противоположными свойствами, которые только показываютъ видъ, что они заботятся объ общемъ благѣ и руководятся возвышенными побужденіями,—отличать и поощрять, а не затирать.

1) Въ настоящее время правительствомъ дѣятельно заботится объ умноженіи церковно-приходскихъ школъ; но умноженіе ихъ было бы очень затруднено, если бы не было епархіальныхъ женскихъ училищъ. Хорошихъ наблюдателей или надзирателей надъ школами найти легко, потому что на всю имперію ихъ требуется только нѣсколько сотъ, — и они получаютъ хорошіе оклады; но приготовить нѣсколько десятковъ тысячъ хорошихъ учителей и учительницъ и удержать ихъ на службѣ за вознагражденіе, котораго едва достаетъ даже на скудное пропитаніе, это очень трудно. А между тѣмъ отъ хорошаго учителя или учительницы школы зависитъ все дѣло школы: у хорошаго учителя, или учительницы она хороша, у плохаго плоха. Конечно, плохихъ учителя или учительницъ ничего не стоитъ удалить; но гораздо труднѣе замѣстить ихъ лучшими. Хорошій составъ учителей и учительницъ можно приготовить только въ теченіе долгаго времени. Недавно одна либеральная газета извѣстельно замѣтила, что для церковно-приходскихъ школъ не достаетъ людей. Мы, напротивъ, думаемъ, что если бы прекратился притокъ кандидатовъ на учительскія мѣста въ земскія и министерскія школы изъ училищъ духовнаго вѣдомства, и если бы находящіеся теперь на службѣ въ земскихъ и министерскихъ школахъ учителя и учительницы духовнаго званія всѣ перешли на службу въ церковно-приходскія школы, то недостатокъ въ людяхъ оказался бы не въ церковно-приходскихъ, а въ земскихъ школахъ. Но, разумѣется, это могло бы быть въ томъ случаѣ, если бы въ церковно-приходскихъ школахъ за тяжкій трудъ учительства давалось вознагражденіе не меньшее, нежели въ земскихъ школахъ; а ожидать, что люди, хотя бы они были и воспитанниками духовной школы, предпочтутъ скудное пропитаніе голодному столу, не возможно, даже не должно. Какъ бы то ни было, но тяжелый крестъ народнаго учительства—въ школахъ земской и грамотности наполовину, а въ церковно-приходской полностью несутъ воспитанники и воспитанницы духовныхъ школъ.

Въ то же царствованіе были настежь открыты двери духовно-учебныхъ заведеній для дѣтей всѣхъ сословій, чтобы духовенство перестало быть кастою ¹⁾, и чтобы дать возможность всѣмъ желающимъ и способнымъ служить Церкви подготовиться къ этому служенію. Мѣра эта, однако, мало оправдала соединившіяся съ нею надежды. Вотъ уже прошло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ духовно-учебныя заведенія принимаютъ въ свои стѣны иносословныхъ, принимаютъ радушно, оцѣниваютъ бозпристрастно и даже снисходительно, даютъ имъ даже льготы, какихъ не удостоиваются свои люди; а между тѣмъ и доселѣ всѣ сословія, начиная дворянскимъ и кончая крестьянскимъ, дали столь мало истинно—хорошихъ дѣлателей на чреду служенія Церкви, что ихъ можно пересчитать по пальцамъ. Особенно, мало желающихъ занять скромный и не легкій постъ сельскаго священника.

Наконецъ, въ цѣляхъ улучшенія матеріальнаго быта духовенства въ то время была принята мѣра неудачная, разумѣемъ сокращеніе состава причтовъ и самаго числа причтовъ. Эта мѣра, если бы она была проведена послѣдовательно, чего, однако, не случилось, могла бы причинить ущербъ благолѣпію церковнаго богослуженія. Кромѣ того, сокращать число членовъ того сословія, которое преимущественно предъ прочими живетъ не по плоти, а по духу, и которое ни одинъ безпристрастный человекъ не посмѣетъ обвинить въ тунеядствѣ, значитъ давать

¹⁾ Безпристрастіе и даже крайняя снисходительность, постоянно оказываемая иносословнымъ при приѣмѣ ихъ въ духовно-учебныя заведенія и во время ученія ихъ тамъ, показываютъ несправедливость обвиненій духовенства въ кастической замкнутости. Духовенство всегда находилось въ близкомъ общеніи съ низшими сословіями, которыя сами не чуждались его: съ купцами, мелкими чиновниками, мѣщанами и крестьянами; а если оно не близко стоитъ къ высшимъ классамъ общества, то потому, что тѣ сами смотрятъ на него свысока и чуждаются его. Не духовенство чуждается кого бы то ни было: совсѣмъ даже напротивъ; а его чуждаются либеральная интеллигенція, раскольники и сектанты и многіе изъ аристократовъ, бюрократовъ и капиталистовъ. Должно къ этому прибавить, что въ нѣкоторой мѣрѣ духовенство не можетъ не быть отчужденнымъ отъ общества. Напримѣръ, православное русское духовенство не бываетъ въ театрахъ, на общественныхъ балахъ, въ свѣтскихъ концертахъ, на народныхъ и другихъ общественныхъ гуляньяхъ, избѣгаетъ бывать на обѣдахъ въ постные дни. Но это такъ и должно быть, и этимъ православное русское духовенство выгодно отличается отъ духовенства латинскаго.

народу и государству только кажущееся облегченіе ихъ бремени, а на самомъ дѣлѣ вредить имъ.

Въ это же царствованіе оживилась богословская литература, которая почти вся полностью принадлежитъ перу духовенства. Почти во всѣхъ губерніяхъ были основаны епархіальныя вѣдомости, въ которыхъ есть очень цѣнныя описанія мѣстныхъ святынь, церковной старины и вообще мѣстной церковной жизни, прошедшей и настоящей. Кромѣ существовавшихъ прежде академическихъ журналовъ, явилось нѣсколько частныхъ богословскихъ періодическихъ изданій. Стали выходить въ свѣтъ учебныя сочиненія по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ. Постепенно были изготовлены учебники по предметамъ семинарскаго и училищнаго образованія, замѣнивши прежнія полуграмотныя записки. Въ столицахъ были основаны Общества любителей духовнаго просвѣщенія. Какъ ни молода еще была тогда наша богословская литература (зрѣлою, полною и богатою она будетъ еще не скоро), однако, напр., въ борьбѣ съ матеріализмомъ и раціонализмомъ она дала обществу не мало сочиненій, переводныхъ и самостоятельныхъ, и журнальныхъ статей, написанныхъ съ достоинствомъ, безъ самопревозношенія и задора, столь вредныхъ дѣлу полемики и столь неприличныхъ богословамъ ¹⁾. Что богословская литература имѣла не малое число читателей, это видно изъ того, что, за исключеніемъ академическихъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей, она была издаваема частными и притомъ небогатыми людьми на ихъ собственные средства.

¹⁾ Недостатокъ нашей апологической литературы только въ томъ, что она нѣсколько запаздывала выходомъ въ свѣтъ. Такъ сочиненіе архимандрита Михаила, направленное противъ книги Ренана „Жизнь Иисуса“ и противъ раціонализма вообще явилась только 7—9 лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ сочиненія Ренана. Нѣсколько запаздывали и переводныя сочиненія противъ матеріализма, изданныя подъ редакціею протоіерей Заркевича. Но въ молодой и небогатой литературѣ, какова русская богословская литература, запаздываніе—неизбѣжное зло. Малочисленность ученыхъ богослововъ, недостатокъ свободныхъ ученыхъ силъ, недостатокъ средствъ на изданіе ученыхъ книгъ, незначительность спроса на такія книги—это обычныя и неизбѣжныя явленія въ малообразованной странѣ. Должно еще сказать, что серьезное апологетическое сочиненіе нельзя написать скоро и легко, а отъ легкихъ статей нельзя ждать существенной пользы; онѣ могутъ оказать даже обратное ихъ цѣли дѣйствіе.

Ростъ богословской литературы продолжается и доселѣ, причемъ въ послѣднее время часть ея, въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія ея въ народѣ, приняла практическое направленіе, стала популярной по содержанію и изложенію. Иные, повидимому, желали бы, чтобы и вся богословская литература стала практической, забывая, что практика, не питаемая теоріею, мелѣетъ, какъ рѣка, отъ которой отведенъ главный ея источникъ.

Но особенно живо было сознано важное значеніе Церкви и духовенства для государства въ царствованіе Александра III, Миротворца. Послѣ несчастнаго событія 1-го марта 1881 года, повергнувшаго всю Россію въ ужасъ и скорбь, поняли, что противъ разрушительнаго вѣянія матеріализма, соціализма и выродка его анархизма успѣшно можно бороться только духовнымъ оружіемъ, и что это оружіе особенно прочно, и дѣйствительно только въ рукахъ Церкви и духовенства. Поэтому духовенству предоставили право наблюденія надъ дѣломъ народнаго образованія въ имперіи и самое широкое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. Далѣе, и правительство, и само духовенство не покидали заботъ объ улучшеніи образованія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ и объ улучшеніи матеріальнаго быта учащихъ и учащихся въ нихъ: были вновь пересмотрѣны и нѣсколько измѣнены уставы духовно-учебныхъ заведеній, духовныя училища снабжены учителями съ академическимъ образованіемъ, возвышены оклады жалованья служащихъ и учащихся въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ и пенсіи профессоровъ въ духовныхъ академіяхъ и оклады содержанія казеннокоштныхъ воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній. Оживилась мисіонерская дѣятельность, и епископъ Николай, основавшій въ Японіи православную Церковь, въ которой теперь насчитывается около 25 т. человѣкъ, является достойнымъ преемникомъ Иннокентія Веніаминова; а для цѣлей внутренней мисіи было умножено число монастырей и общинъ, церквей и приходовъ, обращено бдительное вниманіе на борьбу противъ раскола и сектанства и приняты дѣятельныя мѣры къ ограниченію и ослабленію раскола и сектанства; начавшееся въ царствованіе Александра II распространеніе въ народѣ книгъ Свя-

щеннаго Писанія и религіозно-нравственнаго содержанія продолжается въ возрастающей степенѣ и до настоящаго времени; какъ въ царствованіе Александра II, такъ и въ царствованіе Александра III было умножено число викарныхъ епископовъ и открыто нѣсколько самостоятельныхъ епархій.

Всѣ эти и другія мѣры направлены къ тому, чтобы и всегда свойственные русскому народу вѣра въ Бога и страхъ Божій, почтеніе къ Церкви и уваженіе къ служителямъ ея, строгость жизни и добрые простые нравы, любовь къ отечеству и преданность царю, поддержать, укрѣпить и возвысить; чтобы предохранить народъ русскій отъ злоторныхъ вѣяній невѣрія и лжевѣрія, матеріализма и социализма; чтобы дать ему просвѣщеніе, проникнутое духомъ набожности, церковности, православія.

Наконецъ, нынѣ благополучно царствующій императоръ Николай II, продолжая политику своего Родителя, повелѣлъ отпущать изъ казначейства ежегодно на церковно-приходскія школы 700,000 р. Этимъ положено твердое основаніе дѣлу распространенія грамотности въ народѣ и просвѣщенія его въ духѣ Церкви, дана возможность не скудно оплачивать трудъ дѣлателей и открыть для духовенства и его дѣтей новый источникъ заработка ¹⁾).

Въ итогѣ, за послѣдніе 35 лѣтъ средства для матеріальнаго благосостоянія и, что гораздо важнѣе, для умственнаго развитія и для облагороженія духовенства, равно какъ и богословская производительность его возвысились въ такой степени, какъ никогда прежде. Какая нибудь разорительная война, которая, повидимому, рано или поздно вспыхнетъ въ Европѣ, конечно, отвлечетъ капиталы совсѣмъ въ другую сторону. Но если, несмотря на возможные превратности временъ, и правительство, и само духовенство не оставятъ и впредь заботъ о подъемѣ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія духовенства, то послѣднее въ двадцатомъ столѣтіи, можно чаять,

¹⁾ Мы остановились на очеркѣ преобразовательной дѣятельности духовнаго вѣдомства въ Россіи за послѣдніе 30 лѣтъ отчасти и для того, чтобы показать несправедливость мнѣнія Запада о неподвижности и мертвенности Православной Церкви.

достигнетъ матеріальной обезпеченности, его образованіе—достаточной полноты и высоты и плодъ послѣдняго—богословская литература—нѣкоторой зрѣлости. Помощь папы для этого нашему духовенству вовсе не нужна, да онъ и не можетъ оказать ее ¹⁾).

При полной обезпеченности, духовенство получить возможность всѣ свои силы посвящать пастырскому служенію; пониженности духовенства, уже значительно ослабѣвшей, не будетъ совсѣмъ; уваженіе къ нему народа высокое и теперь, возвысится еще больше; вліяніе духовенства на народъ усилится. Впрочемъ и теперь высокое достоинство русскаго духовенства выражается въ томъ, что оно, несмотря на неблагопріятныя условія своего существованія, исполняетъ и прежде исполняло свой долгъ очень хорошо. И во всѣхъ классахъ, а въ духовенствѣ попреимуществу, самое важное и главнѣйшее есть внутренняя, духовная сила—религіозность, нравственность, таланты, развитіе, образованіе, трудолюбіе, ревностное исполненіе своихъ обязанностей и т. под. Но въ этихъ и прочихъ добрыхъ проявленіяхъ духа русское духовенство стоитъ частію не ниже, а частію и выше духовенства Латинской церкви. Въ религіозности православнаго русскаго духовенства нѣтъ ни фанатизма, ни лицемѣрія, между тѣмъ какъ тотъ и другой недостатокъ составляютъ нерѣдкое явленіе въ рядахъ латинскаго духовенства. Примѣры безрелигіозности въ православномъ русскомъ духовенствѣ—рѣдчайшее исключеніе, а въ латинскомъ духовенствѣ она встрѣчается чаще. Нравственность православнаго русскаго духовенства выше нравственности латинскаго духовенства. По степени образованности православное русское духовенство едва-ли много уступаетъ латинскому. Факты на лицо: духовныя мужскія школы: низшія, среднія и высшія и

¹⁾ Говоря объ обезпеченіи духовенства, мы не желаемъ, чтобы оно было богато; богатство можетъ принести ему больше вреда, чѣмъ даже скудость. Но священно-служители и церковно-служители должны быть обезпечены настолько, чтобы они могли имѣть достатокъ безъ постороннихъ ихъ служенію заработковъ и чтобы, въ случаѣ рановременной смерти ихъ, всѣ дѣти ихъ могли получить приличное ихъ званію воспитаніе и образованіе на государственныхъ, или церковныхъ средствахъ, такъ чтобы никто изъ священно-церковно-служителей не трепеталъ отъ страха при мысли, что если онъ умретъ примѣрно въ сорокалѣтнемъ возрастѣ, то вдова и дѣти его окажутся въ самомъ тяжеломъ положеніи.

женскія среднія вообще не уступаютъ соответственнымъ училищамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ, несмотря на то, что онѣ обставлены бѣднѣе школъ прочихъ вѣдомствъ; духовныя школы не только наполнены, но и переполнены дѣтьми духовенства, не говоря о томъ, что множество дѣтей духовенства учится въ школахъ другихъ вѣдомствъ; среди духовенства не легко встрѣтить даже дьячиху, которая бы пожалѣла отдать послѣдніе гроши на образованіе своихъ дѣтей; несмотря на бѣдность, русское духовенство не только обучаетъ на свой счетъ большую часть своихъ дѣтей, но жертвуетъ свои средства и на устройство самыхъ школъ (духовныя училища, мужскія и женскія и сверхкомплектныя классы въ семинаріяхъ); русское духовенство исключительно изъ своей среды не только готовляетъ людей для занятія всѣхъ мѣстъ своего вѣдомства, начиная съ высшаго сановника и кончая псаломщиками и миссіонерами, но и отпускаетъ въ другія вѣдомства большой избытокъ своихъ людей: дѣтей духовенства встрѣтите на всѣхъ поприщахъ государственной, общественной и частной службы, начиная съ писцовъ и кончая министрами, а особенно ихъ много на поприщахъ науки во всѣхъ спеціальностяхъ послѣдней, искусствъ и педагогической дѣятельности, среди профессоровъ, врачей, технологовъ, учителей всякихъ школъ всѣхъ вѣдомствъ, вообще на тѣхъ постахъ, гдѣ требуются трудъ, знаніе, образованіе, таланты. Такое сословіе не загинетъ, сколько бы ни стѣсняли его враждебныя ему, непонимающіе его люди; не пропадетъ и народъ, ввѣренный его духовному водительство. Для поддержанія, расширенія и процвѣтанія своей дѣятельности русское духовенство не нуждается въ помощи папы и его духовенства. Русское православное духовенство меньше учитъ народъ перомъ и словомъ, но зато больше учитъ его примѣромъ своей доброй жизни, а такой способъ наставленія и труднѣе, и дѣйственнѣе, чѣмъ ученіе словомъ, и свидѣтельствуетъ о высокомъ нравственномъ достоинствѣ духовенства. Писать благонамѣренныя книжки и статьи, громить невѣрующихъ и либераловъ, обличать всевозможныя пороки и нравственную распущенность, это еще не

очень трудно. Но обличительная литература и проповѣдь только тогда идетъ впрокъ, когда она искренняя, когда обличенія изливаются изъ сердца, а не есть головное только сочинительство, хотя бы и искусное. Если писатель, или проповѣдникъ глубоко убѣжденъ въ тѣхъ истинахъ, которыя онъ отстаиваетъ, если душа его отвращается отъ невѣрія, маловѣрія и безнравственности, если онъ болѣетъ своимъ сердцемъ о невѣрующихъ и безнравственныхъ, то слово его и защитительное, и обличительное глубоко проникнетъ въ сердца читателей, или слушателей вѣрующихъ и не можетъ не оказать благотворнаго дѣйствія на самихъ невѣрующихъ и безнравственныхъ. Если, напротивъ, писатель, или проповѣдникъ самъ ни горячъ, ни холоденъ, то писаніе и слово его, какъ бы ни было оно составлено искусно, будетъ только чесать слухъ и цѣли своей никогда не достигнетъ. Если, наконецъ, писатель, или проповѣдникъ самъ—человѣкъ полувѣрующій, или даже невѣрующій или безнравственный, а между тѣмъ для прикрытія своей порочности, или ради карьеры надѣваетъ маску набожности и съ лицемѣрною ревностію изобличаетъ тѣ пороки, которымъ самъ подверженъ, и защищаетъ тѣ истины, въ которыя самъ не вѣритъ, или мало вѣритъ, то такое проповѣданіе есть *мерзость запустѣнія, стоящая на святомъ мѣстѣ*, и приноситъ плоды не менѣе ядовитые, чѣмъ открытая проповѣдь невѣрія. Вотъ такихъ-то бездушныхъ и лицемѣрныхъ ревнителей вѣры среди православнаго духовенства и среди дѣтей его почти нѣтъ ¹⁾, а среди латинскаго духовенства ихъ не мало. Православные русскіе священники говорятъ проповѣди рѣже и не столь искусно, нежели латинскіе патеры; но за то у нихъ

1) Личность Ракитки,—семинариста—карьериста, который въ Бога не вѣруетъ, а своею благонамѣренною кнпжкою обманулъ преосвященнаго,—изображенная Достоевскимъ въ его романѣ „Братья Карамазовы“, быть можетъ взята изъ жизни. Но среди дѣтей духовенства такіе люди—рѣдкое исключеніе. Русскій семинаристъ примозливецъ, роль Тартюфа ему не къ лицу, не подходитъ къ его характеру, и онъ никогда не сумѣетъ разыграть ее такъ искусно, какъ семинаристъ латинской семинаріи, патерь, или аббатъ. Уже поэтому Тартюфы изъ семинаристовъ—рѣдкость. Да и вообще среди простодушнаго славянскаго племени, воспитаннаго притомъ, въ истинной православной вѣрѣ, Тартюфовъ мало. Чаще можно встрѣтить полулицемѣровъ, т. е., людей хотя и вѣрующихъ, по которымъ защищаютъ вѣру и обличаютъ лжеученія не по горячей любви къ истинѣ, а изъ своскорыстныхъ личныхъ расчетовъ. Это—полу-Ракитки. Къ сожалѣнію, въ настоящее время число такихъ полу-Ракитокъ, кажется умножается.

слово не расходится съ дѣломъ, съ жизнью, они искренни ¹⁾. Что русскіе пастыри проповѣдуютъ меньше и рѣже латинскихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ, это до насъ еще оправдывали тѣмъ, что наше православное Богослуженіе гораздо продолжительнѣе латинскихъ мессъ и протестантскихъ литургій и само по себѣ высоко назидательно. Какъ бы ни порицали русское православное духовенство и враги и друзья его за нерадѣніе о проповѣданіи Слова Божія и за другіе недостатки, высокое достоинство его свидѣлствуется тѣмъ фактомъ, что оно, не смотря на бѣдность и другія тяжкія условія своего существованія и не смотря на многія препоны для его дѣятельности, и само сохранило въ чистотѣ православную вѣру, и удержало русскій народъ въ этой вѣрѣ, и даже значительно распространило ее среди другихъ народностей, живущихъ въ Россіи. Порицатели духовенства этого слона-то и не замѣчаютъ. Правда, много есть въ Россіи и раскольниковъ и сектантовъ; но развѣ не было ихъ въ первенствующей Церкви? Даже въ самый цвѣтущій, золотой вѣкъ христіанскаго просвѣщенія Церковь была обуреваема широко распространившимися въ ней ересями—аріанскою, македоніанскою, несторіанскою и еutihianскою. Между тѣмъ какъ русское духовенство и само сохранило чистую православную вѣру, и оберегло ее въ огромной части народа,—папы и латинское духовенство сами первые уклонились отъ чистой истинны древней вселенской Церкви, и ввели въ ересь и заблужденія и народы своей церкви. Чистота истинной вѣры въ народѣ и, въ особенности, въ ду-

¹⁾ Путешествуя по разнымъ странамъ Западной Европы, мы, съ цѣлію ознакомленія съ церковною жизнью Запада, не упустили случаевъ бывать въ костелахъ и киркахъ. Особенно насъ интересовало тамошнее церковное проповѣдничество, и намъ привелось выслушать не мало проповѣдей латинскихъ патеровъ и протестантскихъ пасторовъ. Иные изъ патеровъ по живости, выразительности и разнообразію тѣлеснаго краснорѣчія, по выразительности и разнообразію произношенія, не уступятъ лучшему актеру; проповѣдь одного изъ нихъ была громовою. Но намъ казалось, что это воодушевленіе искусственное, напускное, въ словахъ не было внутренняго огня, и они были холодны. Пасторы жестикулируютъ гораздо меньше, говорятъ и держатъ себя на кафедрѣ спокойнѣе и обнаруживаютъ только немного болѣе живости, подвижности и развязности, нежели русскіе проповѣдники. И патеры и пасторы говорятъ, а не читаютъ проповѣди. Въ этомъ они превосходятъ русскихъ православныхъ проповѣдниковъ, изъ которыхъ огромное большинство читаютъ проповѣди по тетрадкѣ.

ховенствѣ есть высшее благо и безцѣнное преимущество, съ которымъ не могутъ сравниться никакія другія достоинства. Поэтому папѣ вовсе не къ лицу упрекать Православную Церковь въ недостатокѣ достоинства и благоприличія: не православное, а латинское духовенство не имѣетъ истиннаго достоинства. Вмѣсто того, чтобы покивать головой на недостатки православнаго духовенства и обѣщать исправить его чрезъ подчиненіе его своей власти, папа лучше занялся бы исправленіемъ своего собственнаго духовенства, въ рядахъ котораго, хотя есть люди достойные своего званія, но не мало есть патеровъ и монаховъ, которые въ распущенности и невѣріи не уступятъ отцу Вольтера ¹⁾).

Но если бы даже православное духовенство было гораздо хуже, каково оно есть, и нуждалось бы въ преобразованіи и улучшеніи,—не понятно, какимъ образомъ оно улучшилось бы чрезъ соединеніе Православной Церкви съ Латинскою, быть можетъ, оно улучшилось бы чрезъ подражаніе духовенству Латинской церкви и уподобленіе ему? Но довольно съ насъ и того, что мы болѣе двухъ вѣковъ пересаживали съ Запада чуждое Русскому народу и православію безжизненное и слишкомъ формальное схоластическое богословіе и что мы, обезьяннически подражая Западу, наводнили нашу духовную школу и науку варварскою латынью, ненужною даже и самимъ латинянамъ, а намъ совсѣмъ чуждою и бесполезною; какъ будто догматику и другія богословскія, а также словесныя и философскія науки можно лучше изложить и основательнѣе изучить на латинскомъ, а не на русскомъ языкѣ. Опытъ не одной Рос-

¹⁾ Говоря о достоинствахъ и недостаткахъ православнаго русскаго духовенства, мы разумѣемъ преимущественно духовенство центральныхъ губерній, хорошо извѣстное намъ по личнымъ наблюденіямъ. Духовенство окраинное мы знаемъ мало, а потому и не рѣшаемся говорить о немъ съ рѣшительностію. По слухамъ, можно полагать, что оно менѣе религіозно и нравственно, а матеріально богаче, нежели духовенство центра. Весьма возможно, что это дѣйствительно такъ и есть: на окраинахъ и весь вообще народъ хуже, духовно-учебныя заведенія менѣе совершенны, выборъ кандидатовъ на священно и церковно-служительскія мѣста по малолѣдству духовно-учебныхъ заведеній затруднительнѣе и самыя требованія, предъявляемыя къ поступающимъ на служеніе Церкви, по необходимости менѣе строги, нежели въ центральной, коренной Россіи. Замѣчательно, что въ средѣ окраиннаго духовенства процентъ вносословныхъ несравненно выше, нежели въ духовенствѣ центральной Россіи.

сіи, а и другихъ народовъ показываетъ, что, заимствуя у иноземцевъ хорошее, народъ невольно перенимаетъ у нихъ и дурное, и даже дурное, или пустое перенимаетъ чаще, чѣмъ хорошее и полезное. Притомъ, полезное одному народу другому бываетъ не нужно, или и прямо вредно. Въ особенности мы Русскіе не умѣемъ соблюсти мѣру и тактъ въ переимчивости и легко впадаемъ въ крайности. Да и что бы могло православное духовенство заимствовать у духовенства Латинской Церкви? Обязательное безбрачіе? Но оно не согласно съ словами Іисуса Христа: *Кто можетъ вмѣститъ, да вмѣтитъ* (Мѡ. 19, 12), было отвергнуто на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ; въ самой Римской Церкви было узаконено только въ 11-мъ вѣкѣ, а въ Восточныхъ церквахъ оно никогда не существовало и, какъ показалъ опытъ, болѣе благопріятствуетъ безнравственности духовенства, нежели пользамъ Церкви. А если и есть что хорошее въ латинскомъ духовенствѣ, какъ напр., ревность къ проповѣданію Слова Божія и къ школьному учительству, то, чтобы возбудить духъ такой же ревности въ православномъ духовенствѣ, не требуется соединенія Церквей, а нужно поставить православное духовенство въ условія, болѣе благопріятныя для пастырской дѣятельности, а именно, дать ему возможность не терять свое время на занятія чуждыя пастырской дѣятельности, не стѣснять этой послѣдней, а, напротивъ, давать ей возможно большій просторъ и поощрять дѣлателей усердныхъ и способныхъ.

Между тѣмъ какъ на недостатки Православной Церкви, которые будто бы будутъ устранены униіею ея съ Латинскою Церковію, папа только намекнулъ, о нестроеніяхъ политическихъ, государственныхъ и соціальныхъ онъ говоритъ прямо и опредѣленно.

Политическія нестроенія выражаются всего болѣе въ теперешнемъ вооруженномъ мирѣ, который не легче войны, такъ какъ теперь вся Европа стоитъ подъ ружьемъ, а это сопровождается неисчислимыми потерями экономическими и наноситъ огромный вредъ и духовному развитію населенія. Государственныя нестроенія обнаруживаются въ раздорѣ между волею народа и властію правительства; соціальныя—въ борьбѣ между трудомъ и капиталомъ, между рабочими и работода-

лями, между бѣдными и трудящимися классами населенія и капиталистами.

Никто, конечно, не станетъ отрицать, что политическое положеніе европейскихъ государствъ крайне не нормально, затруднительно и тягостно въ настоящемъ и грозитъ опасностями въ будущемъ. Содержаніе и вооруженіе миллионныхъ армій, постройка крѣпостей и флотовъ, упражненія въ стрѣльбѣ поглощаютъ ежегодно миллиарды рублей; мужское населеніе въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ отрывается отъ домашняго очага и отъ мирныхъ занятій; это содѣйствуетъ нравственному огрубѣнію населенія, причиняетъ ущербъ всѣмъ мирнымъ занятіямъ, задерживаетъ ростъ промышленности, торговли, наукъ и искусствъ; самое ожиданіе ужасной кровавой развязки этого вооруженнаго мира давитъ народы Европы тяжкимъ гнетомъ. Если этотъ вооруженный миръ протянется долго, то онъ можетъ привести правительства къ банкротству, народы—къ разоренію и одичанію. Однимъ словомъ, теперешній вооруженный миръ—великое зло и угрожаетъ кончиться ужасною обще-европейскою войною.

Но какъ избавиться отъ этого зла?

Освободиться отъ этого вооруженнаго мира и достигнуть истиннаго мира, по мнѣнію папы, можно не иначе, какъ по милосердію Іисуса Христа.

Въ этомъ мы вполне съ нимъ согласны. Но, спрашивается, развѣ Православная Церковь меньше Латинской можетъ надѣяться получить дары милосердія Христова? Развѣ она менѣ Латинской Церкви достойна и способна привлечь милосердіе Божіе на народы?

Папа, конечно, скажетъ: да, потому что онъ считаетъ Православную Церковь схизматическою, неистинною Церковію. А мы, напротивъ, убѣждены, что Православная Церковь болѣе достойна милости Божіей, нежели Латинская Церковь, потому что первая есть истинная Церковь, а послѣдняя есть Церковь раскольническая и еретическая.

По мнѣнію папы, погасить честолюбіе, алчность и соперничество, отъ которыхъ обыкновенно возгорается война, ничто не можетъ лучше, какъ христіанскія добродѣтели, въ особенности, справедливость.

И въ этомъ мы согласны съ папою, но развѣ въ Православной Церкви менѣ процвѣтаютъ христіанскія добродѣтели, нежели въ Латинской? Не менѣ, а болѣе.

Поэтому и для привлеченія милосердія Христова къ удрученными гнетомъ военщины народамъ, и для процвѣтанія среди нихъ христіанскихъ добродѣтелей не Православной Церкви нужно стать Латинскою Церковію, а, наоборотъ, Латинской Церкви должно принять православіе.

Папа вполне справедливо говоритъ, что Церковь, сообразуясь съ переворотами времени, умѣетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать общему благу, что она способна разрѣшать самыя трудныя вопросы, что она можетъ созидать царство права и справедливости, служащихъ твердыми основами общества, и доставлять благоденствіе царствамъ. Но, по нашему мнѣнію, такое благотворное вліяніе на царства и народы можетъ оказывать только истинная Церковь Христова, какова и есть Церковь Православная, а не Латинская. Что это и на самомъ дѣлѣ такъ, это подтверждается отчасти военною исторіею. Возьмемъ въ примѣръ 19-е столѣтіе. Кто въ это столѣтіе возжигалъ войны? Прежде всего Наполеонъ I. А Наполеонъ I былъ сыномъ Латинской Церкви, былъ императоромъ народа, исповѣдующаго латинскую вѣру. Крымская война была начата опять-таки Французскимъ императоромъ Наполеономъ III, и Франція была во главѣ коалиціи противъ Россіи. Польскій народъ, принадлежащій къ Латинской Церкви, два раза поднималъ знамя бунта противъ православной Россіи. Хотя и не папистическая, но и неправославная Пруссія троекратно возжигала войну, причемъ въ 1870 году за одно съ нею противъ Франціи воевали Баварія и другія южно-германскія княжества, исповѣдующія латинскую вѣру. Намѣревалось было воевать Пруссія и въ четвертый разъ въ 1875 г., чтобы окончательно разгромить Францію, но была удержана Россіею. Латинская Австрія воевала противъ латинской Италіи. Италія вмѣстѣ съ Франціей воевали противъ Папской Области. Донъ-Карлосъ окровавилъ Испанію междоусобицей, и въ этомъ дѣлѣ папа поддерживалъ его такъ же, какъ онъ поддерживалъ польскихъ мятежниковъ противъ Россіи. Напротивъ, православная Россія хотя много разъ бралась за оружіе, но воевала

она или противъ невѣрныхъ Турокъ, защищая христіанскіе народы, приче́мъ въ 1877 г. она была вопреки желанію втравлена въ войну съ Турціею, или противъ невѣрныхъ и разбойническихъ народовъ на Кавказѣ и въ Средней Азіи, искореня тамъ, послѣ завоеванія, жестокости, насилія, дикіе обычаи и всякія беспорядки и внося туда блага мира, разумныхъ законовъ и просвѣщенія, или помага́я слабымъ христіанскимъ народамъ противъ завоевательнаго нашествія сильнаго, какъ это было въ 1805, въ 1807, въ 1813—1815 г.г., или защищая монархическую власть противъ революціи, какъ въ Венгерскую компанію въ 1849 г., или, наконецъ, обороняясь отъ напавшихъ на нее враговъ, какъ это было во время славной отечественной войны и во время Крымской компаніи. Однимъ словомъ, Россія, не смотря на свою мощь, за послѣднее столѣтіе не была завоевательною державою, и если, тѣмъ не менѣе, ея владѣнія значительно увеличились за это время, то это было естественнымъ результатомъ войнъ, которыя не она первая начинала, на которыя она была вызываема и вынуждаема ея врагами. А въ послѣднія два царствованія она не только не держалась завоевательной политики, но даже тушила воинственный задоръ западныхъ народовъ. Императоръ Александръ III справедливо получилъ прозваніе „Миротворца“. Но и императоръ Александръ II не менѣе заслужилъ это названіе. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ не желалъ вести войну съ Турціею, какія усилія онъ употреблялъ къ тому, чтобы уладить дѣло мирно. Его и Россію втянула тогда въ войну коварная политика Англии, Германіи и Австріи. Кромѣ того и общественное мнѣніе въ самой Россіи, возбужденное горячими воззваніями славянофиловъ, требовало войны. Всѣмъ также извѣстно, что только благодаря безкорыстному заступничеству Александра II за Францію въ 1875 г., предотвращено было нашествіе Германіи на Францію. Напротивъ, всѣ другія великія державы Запада: Франція, Германія, Австрія, Англія, если только имѣли возможность и случаи, держались завоевательной политики. Такой контрастъ тѣмъ болѣе поразителенъ, что Россія слыветъ у иностранцевъ подъ именемъ варварской страны, да и дѣйствительно по грамотности и образованности она далеко отстала отъ всѣхъ народовъ Запада. Источникомъ

такого безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ исторіи миролюбія Россіи можно признать мягкій характеръ, кротость и добродушіе Славянъ, каковыя свойства принадлежатъ Германскимъ и Романскимъ народамъ въ меньшей мѣрѣ. Но несомнѣнно, что и православная вѣра, какъ вѣра истинная, смягчила нравъ Русскаго народа гораздо въ большей степени, нежели какъ этого могла достигнуть латинская вѣра относительно исповѣдующихъ ее народовъ. Мало того: сами папы иногда бывали виновниками кровопролитія. Напр., при завоеваніи Папской Области Итальянцы проливали кровь своихъ же собратьевъ, между тѣмъ какъ, для предотвращенія бесполезнаго кровопролитія, папа долженъ былъ бы добровольно отдать свою область, тѣмъ болѣе, что вѣдь ни Апостоль Петръ, ни другіе Апостолы никакихъ областей не имѣли и не желали имѣть. Что бы ни говорили про русское духовенство, но русскіе священники, памятуя, что они приносятъ безкровную жертву и что ихъ обязанность не сражаться, а молиться, никогда не запятнали своихъ рукъ кровью враговъ, между тѣмъ какъ польскіе ксендзы стояли во главѣ повстанскихъ бандъ. Никогда русское духовенство не причиняло никакихъ утѣсненій, или обидъ живущимъ въ Россіи латинянамъ; да и народъ русскій не утѣснялъ ихъ: напротивъ, польское духовенство и папы нѣкогда гнали православіе и православныхъ, въ особенности православное духовенство, въ Литвѣ и въ Юго-Западной Россіи такъ, какъ въ первые вѣка христіанства язычники гнали христіанъ: кощунствовали, грабили, жгли, убивали. Теперь спрашивается, кто же болѣе способенъ низводить блага милосердія Христова на народы—Православная ли Церковь, или Латинская? Кто способенѣе угашать возжигающія войну хищническія склонности—Православная Церковь, или Латинская? Въ какихъ странахъ болѣе процвѣтаютъ добродѣтели человѣческаго миролюбія и христіанскаго миротворчества—въ православныхъ, или въ латинскихъ? Какое духовенство миролюбивѣе—православное, или латинское? Угнетаемая и разоряемая военщиной Европа отъ кого болѣе можетъ ожидать благодѣяній мира—отъ миролюбивыхъ ли православныхъ народовъ Востока, или отъ воинственныхъ народовъ латинскаго Запада?

Проф. А. Д. Бѣляевъ.

(Окончаніе будетъ).

ХРИСТИАНСКОЕ ПРАВОУЧЕНІЕ ШЛЕЙЕРМАХЕРА.

(Окончаніе *).

Какъ бы Шлейермахеръ ни называлъ ту субъективную форму, въ которой выражается наше отношеніе къ Божеству, созерцаніемъ ли универса, чувствованіемъ ли безконечнаго въ конечномъ, или просто чувствомъ нашей безусловной зависимости, какъ основѣ благочестія (последнее опредѣленіе принадлежитъ Вѣроученію, а два первыя Рѣчамъ о религіи въ разныхъ изданіяхъ), главное здѣсь то, что авторъ стремится указать специфическія черты того, что мы называемъ истинно-религіознымъ, а на самомъ дѣлѣ этой цѣли онъ совершенно не достигаетъ и въ этомъ заключается причина, почему онъ къ одному и тому же духовному событію или акту примѣнялъ названія, далеко не тождественныя между собою. Авторъ, видимо, колебался и искалъ выхода изъ этого затруднительнаго состоянія и, благодаря той точкѣ зрѣнія, которую онъ принялъ и отъ которой не отказался, выходъ этотъ не былъ окончательно найденъ. Въ самомъ дѣлѣ, ему хотѣлось показать, что область религіознаго (въ субъективномъ смыслѣ) не есть ни званіе, основанное на научныхъ доводахъ или подкрѣпляемое мышленіемъ рефлексивнымъ, ни воля, какъ обнаруженіе нашей практической дѣятельности подъ вліяніемъ чувства свободы, но непремѣнно чувство въ его специфическомъ признакѣ сознанія безусловной зависимости отъ высшаго трансцендентальнаго міра, отъ безконечнаго цѣлаго въ его высшемъ единствѣ; но это

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1896 г. № 18.

чувство съ практической стороны оказалось дополненнымъ элементомъ преданности безконечному, а съ теоретической—элементами рефлексивнаго мышленія падъ отношеніями единичныхъ способовъ созерцапія къ безконечному—цѣлому. Основная точка зрѣнія является, такимъ образомъ, не вполне выдержанною и, чѣмъ дальше, тѣмъ больше возрастаетъ эта неопредѣленность по мѣрѣ раскрытія Шлейермахеромъ сущности религіознаго процесса, въ отличіе отъ нравственнаго и эстетическаго: такъ, по его мнѣнію, съ религіознымъ чувствомъ безусловной зависимости соединяется желаніе отдаться съ покорностью упиверсу, но это не значитъ дѣятельность въ собственномъ смыслѣ, потому что выводить дѣятельность изъ мотивовъ религіознаго чувства—значитъ нарушать его чистоту, гармонию и самососредоточенность; напротивъ, дѣйствовать въ смыслѣ религіозномъ—это значитъ углубляться внутрь себя, найти единое во внутреннемъ святилищѣ духа и насладиться сліяніемъ съ нимъ. Въ томъ и состоитъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, наше отношеніе къ Божеству, что мы изъ любви къ Нему уничтожаемъ свою личность и, сливаясь съ міровымъ цѣлымъ, побѣждаемъ во всякій моментъ все конечное и преходящее и для этого не требуются какія-либо опредѣленно-религіозныя дѣйствія, имѣющія обязательное значеніе для всѣхъ: всякое такое дѣйствіе, будетъ ли оно состоять въ благочестивыхъ подвигахъ молитвы или духовнаго воздержанія, каждый воленъ избрать по своему личному соображенію и усмотрѣнію (идея, какъ мы видѣли, настойчиво проведенная въ этикѣ христіанской), такъ что всякое такое дѣйствіе имѣетъ и должно имѣть всегда чисто-индивидуальный характеръ.

Послѣ этого мы вправѣ спросить, что же такое религія по опредѣленію Шлейермахера? Она не есть ни знаніе, ни воля, но чувство, и, притомъ, такое, въ которомъ есть элементъ познавательный (рефлексивное мышленіе) и практически-дѣятельный, хотя бы въ смыслѣ самоуглубленія внутрь себя; объектъ ея—ни духъ, ни природа, но безконечное въ смыслѣ единства того и другого; главная цѣль ея—слитіе съ безконечнымъ до полнаго отрицанія личности и самопогруженія въ эту таинственную сферу бытія, а средство, ведущее къ этой цѣли,

не заключается въ какихъ-либо общихъ установленіяхъ и нормахъ, а въ дѣйствіяхъ, сопровождаемыхъ личнымъ соображеніемъ и руководствомъ.

Такое широкое опредѣленіе, даваемое Шлейермахеромъ религіи, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобы повергнуть духъ человѣческой въ болѣзненный, мистическій бредъ индивидуализма, не признающаго никакой религіи, кромѣ религіи чувства, никакого объекта, кромѣ объекта безконечнаго, о которомъ нельзя имѣть какого-либо понятія и съ которымъ нельзя имѣть другого общенія, кромѣ таинственнаго погруженія въ лоно безпредѣльности, но, по здоровомъ соображеніи, это уже не есть въ подлинномъ смыслѣ религія, а ея могила, ибо религія начинается только тамъ, гдѣ существуетъ относительный просторъ для нравственной самодѣятельности лично-сознающаго субъекта, желающаго имѣть тѣсное общеніе, обнаруживаемое въ опредѣленныхъ религіозныхъ дѣйствіяхъ; общеніе съ личнымъ, безпредѣльнымъ Богомъ, съ цѣлью найти въ этомъ общеніи опору для своей нравственной дѣятельности и цѣль для своего бытія, тотъ союзъ или общеніе, въ которомъ также Самъ Богъ дѣйствуетъ и участвуетъ въ Своей божественной милости и благодати. Такая религія не можетъ быть ни индивидуалистическою, ни болѣзненно-мистическою, а выражается здоровымъ синтезомъ общаго и индивидуальнаго, мистически-таинственнаго и реальнаго, какъ основаннаго на правильной гармоніи и дѣйствіяхъ всѣхъ силъ человѣческаго духа въ ихъ тѣсной, внутренней связи.

Правда, при систематическомъ изложеніи въ христіанскомъ Вѣро-и-нравоученіи ученія о Христѣ, какъ „образѣ благочестія“ и о церкви, какъ школѣ христіанской нравственности и вѣры, Шлейермахеру пришлось отступить отъ такого пониманія религіи, но все же общій тонъ его религіозно-философскаго ученія остался тотъ же самый, съ тою только разницею, что въ упомянутыхъ сочиненіяхъ писателя все рѣзче и рѣзче выступаетъ сближеніе религіи съ искусствомъ на основахъ эстетическаго чувства.

Это особенно замѣтно изъ того, какъ нѣмецкій писатель разсуждаетъ въ христіанской этикѣ о богослуженіи въ тѣсномъ смыслѣ слова: здѣсь на первомъ планѣ—пѣніе, музыка, по-

рядокъ при богослуженіи, вообще, внѣшняя, практическая сторона этого дѣла, и ни слова не пишется о томъ, въ чемъ заключается нравственная сторона богослуженія. Точно такъ же умалчивается у него о высшемъ религіозно-нравственномъ основаніи такого учрежденія, какъ христіанская церковь. Въ данномъ случаѣ все дѣло сводится къ тому, что церковь возникаетъ въ силу необходимости и естественности¹⁾, безъ какого-либо внѣшняго повода—по однимъ внутреннимъ основаніямъ, съ цѣлью сообщенія себя другимъ и воспріятія въ себя бытія другихъ—и только. Впрочемъ, въ этикѣ философской дается своеобразное объясненіе дѣлу; тамъ прямо сказано, что „высшая тенденція церкви есть образование такой школы искусства, въ которой чувство каждаго могло бы развиваться и въ которой каждый могъ бы выразить свои собственные чувства свободно“²⁾. Будто бы для этого и существуетъ церковь христіанская?—При этомъ религіозныя и эстетическія представленія упомянутаго писателя такъ тѣсно сплетаются между собою, что весьма трудно отдѣлать одни отъ другихъ, какъ онъ и самъ утверждаетъ это въ словахъ: „искусство такъ относится къ религіи, какъ языкъ къ званію“.³⁾ Или—объявивъ искусство посредницею откровенія, Шлейермахеръ находитъ, что для этого требуется одно главнѣйшее условіе, чтобы „дѣйствіе искусства въ тождествѣ чувства и его выраженія съ отношенія къ личности возвышалось до отношенія къ единству и цѣлостности разума, дабы всякое удовольствіе и неудовольствіе было религіознымъ“,—⁴⁾ причемъ главный критерій, съ помощью котораго можно отличить религіозно-эстетическое удовольствіе отъ всякаго другого состоитъ въ томъ, чтобы оно, съ одной стороны, не было „чувственно-животнымъ“, а, съ другой, имѣло отношеніе къ области трансцендентальной. Пользуясь такимъ неопредѣленнымъ критеріемъ, богословъ приходитъ къ такому заключенію, что религіозна не только религія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,

1) Christ. Sitte, p. 517.

2) Philos. Sitte, p. 423.

3) Ibid p. 339.

4) Ibid. p. 345.

но также и всякое „реальное чувство“ ¹⁾ и всякій синтезъ, который проявляется въ области физической, какъ духъ, а въ нравственной—какъ сердце, поскольку то и другое можетъ возвышаться надъ личностью до одинаго—цѣлаго. Такъ Шлейермахеръ оправдываетъ свою точку зрѣнія въ примѣненіи къ религиозно-эстетическому удовольствію и въ этомъ заключается причина, почему онъ такъ много мѣста удѣлилъ этому элементу въ своей этикѣ христіанской, начиная съ разсужденій объ эстетическихъ удовольствіяхъ и наслажденіяхъ братской любви и кончая подробнымъ описаніемъ эстетической стороны богослуженія въ тѣсномъ и широкомъ смыслѣ слова. По этому опредѣленію выходитъ, что всякое религиозное чувство, какъ выражающееся въ искусствѣ,—непремѣнно эстетично и, съ другой стороны, всякое эстетическое чувство, возвышающееся до идеи одинаго—цѣлаго,—непремѣнно-религиозно; но если различать такимъ образомъ оба эти чувства, значитъ, не дѣлать между ними существеннаго различія. Правда, Шлейермахеръ старается отиѣгитъ ихъ различіе въ томъ отношеніи, что въ религиозномъ чувствѣ всякій единичный фактъ разсматривается, какъ часть міроваго цѣлаго, между тѣмъ какъ объектомъ эстетическаго чувства служитъ единичное созерцаніе цѣлаго, вполне довольствующееся этимъ цѣлымъ, лишь бы только оно выражало нѣкоторую общую идею; короче говоря—объектомъ перваго служитъ созерцаніе безконечнаго въ конечномъ, объектомъ втораго созерцаніе цѣлаго, какъ просто такого; однако, едва ли кого-нибудь можетъ удовлетворить указанное разграниченіе, ибо, если сущность религиознаго чувства состоитъ въ созерцаніи безконечнаго (т. е. міроваго цѣлаго) въ конечномъ, то, вѣдь, никто не станетъ отрицать, что этой идеи на высшихъ ступеняхъ развитія не чуждо также и чувство эстетическое, такъ какъ и оно прозрѣваетъ въ единичномъ отраженіи „вѣчныхъ законовъ“ бытія, вѣчной божественной идеи и въ этомъ-то собственно и состоитъ сущность художественныхъ процессовъ въ природѣ и искусствѣ, чего не только не отрицаетъ Шлейермахеръ, но, наоборотъ, въ сильнѣйшей степени

¹⁾ Ibid. p. 339.

подтверждаетъ, говоря, что искусство есть откровение божественнаго въ символахъ, въ изображеніи (im Darstellung); вторыхъ, если сущность религіознаго чувства состоитъ, какъ сказано, въ томъ, что оно каждую вещь созерцаетъ (разсматриваетъ), какъ часть міроваго цѣлаго, то вѣдь никто не будетъ отрицать того, что также и эстетическое чувство не успокаивается на однихъ единичныхъ созерцаніяхъ и представленіяхъ, но во всемъ ищетъ связи, системы, общаго принципа и, если такую связью будетъ идея божественнаго принципа, дѣйствующаго въ исторіи и природѣ, то спрашивается почему же эстетическому чувству и не подняться до этой высшей божественной идеи и почему ему не разсматривать всѣ, совершающіяся въ исторіи и природѣ, явленія въ связи съ этою идеею, какъ это дѣлали гениальные художники—Данте, Рафаэль, Шекспиръ и др? Такимъ образомъ существенной разницы въ опредѣленіи того и другаго чувства у цитируемаго писателя не оказывается.

Третья особенность религіозно-философскаго міросозерцанія нѣмецкаго богослова заключается въ томъ, что онъ изгоняетъ изъ области религіи все то, что такъ или иначе относится къ области моральной, отрицая въ религіи активную дѣятельность высшихъ моральныхъ силъ и сводя ее къ пассивному, бездѣятельному „чувству безусловной зависимости“ во всемъ, что касается нашихъ отношеній къ Богу. Въ этомъ отношеніи свою ревность онъ доводитъ до того, что, напримѣръ, самоотрицаніе личности, какъ одинъ изъ высшихъ моментовъ христіанскаго самосознанія и жизни, всецѣло объясняетъ вліяніемъ религіозно-субъективнаго чувства, сосредоточивающагося на идеѣ безконечнаго, абсолютнаго бытія и, такъ сказать, сливающагося съ нимъ до исчезновенія личнаго самосознанія, причемъ какъ будто самоотрицаніе личности происходитъ само собою, въ силу законовъ чувства, безъ участія нравственно-дѣятельной воли. Отсюда религія разсматривается, какъ такое настроеніе души, которому болѣе всего приличествуетъ безличность (Unpersonlichkeit), а мораль, какъ такая активно-дѣятельная сила человѣческаго духа, которой болѣе всего приличествуетъ признакъ личности и относительной свободы. Отсюда—замѣтимъ мы—и самыя нравствен-

ныя понятія лишены той высшей религіозной санкціи закона, безъ которой они—пустыя формы, которыя можно наполнить какимъ угодно содержаніемъ, въ особенности, если границею ихъ служить, какъ у Шлейермахера, только граница бытія. Впрочемъ, въ этикѣ христіанской мы познакомились съ этимъ пунктомъ довольно изъ ученія объ отношеніи христіанъ къ божественному Духу, гдѣ было сказано, что мы—орудіе божественнаго Духа и что Духъ возвышаетъ только церковь, какъ цѣлое, безотносительно къ индивидуумамъ. Если мы—орудіе божественнаго Духа и наша свобода не имѣетъ отношенія къ трансцендентальной сторонѣ бытія, то спрашивается, куда же она должна быть направлена? „Къ міру относительной противоположности“, къ относительнымъ цѣлямъ бытія: таковъ отвѣтъ. Слѣдуетъ замѣтить, что такое міровоззрѣніе, въ которомъ отрицается участіе самодѣятельности и свободы въ отношеніяхъ человѣка къ Богу, можетъ въ концѣ концовъ привести къ религіозному фатализму и что взглядъ на религію, какъ только лишь на чувство безусловной зависимости, самая удобная и подходящая почва для него. Въ своемъ мѣстѣ было сказано, насколько это справедливо съ точки зрѣнія истины христіанской; здѣсь остается замѣтить, что такой взглядъ на отношенія человѣка къ Богу противорѣчитъ общечеловѣческому здравому смыслу, такъ какъ имъ убивается всякая энергія къ развитію въ себѣ высшихъ сторонъ религіознаго самосознанія и жизни и то самоотрицаніе личности, о которомъ ведетъ рѣчь Шлейермахеръ и которое должно быть плодомъ величайшихъ нравственныхъ усилій, должно быть—съ его точки зрѣнія, ничѣмъ инымъ, какъ случайнымъ актомъ, блѣдною мимолетно-преходящею тѣнью, такъ какъ оно вполне зависитъ оттого, насколько въ данную минуту расположенъ къ религіозному самосозерцанію тотъ или иной субъектъ и насколько вообще онъ способенъ къ внутреннимъ изліяніямъ субъективнаго чувства. Тогда вмѣсто правильнаго гармоническаго развитія личности, основаннаго на точныхъ законахъ религіозно-нравственнаго бытія, будетъ выступать всюду случайность: случайность минуты и настроенія, силы индивидуальнаго чувства, условій рожденія въ той или иной средѣ и проч. Трудно повѣрить, чтобы такова была дѣйствительность на самомъ

дѣлѣ, потому что, если бы она была такова, то Шлейермахеръ не сталъ бы, въ противорѣчіе самому себѣ, искать путей и средствъ, ведущихъ къ развитію благочестиваго настроенія, совершенствованію личности и т. п.; стало бытъ, религія не представляетъ собою только лишь чувство безусловной зависимости безъ знанія и нравственной самодѣятельности.

При изложеніи нравственно-философскихъ воззрѣній упомянутаго писателя слѣдуетъ имѣть въ виду, что онъ всецѣло занятъ дѣятельностью разума, какъ силы, культивирующей природу и совершенствующей человѣческой родъ.

Поэтому объектъ ея—вся природа, поскольку требуется реализовать въ ней высокія идеальныя цѣли разума, весь человѣческой міръ, поскольку нужно реализовать въ немъ христіанскую идею. Съ этой стороны и самыя задачи нравственныя Шлейермахеръ разсматриваетъ въ двукратномъ отношеніи, какъ задачу воздѣйствія человѣка на природу (культура) и какъ задачу раціональнаго проведенія въ жизнь (церковно-общественную и государственную) христіанской идеи. Въ обоихъ случаяхъ разумъ, или всеобщая человѣческая интеллигенція, служитъ главнымъ руководителемъ оплотомъ. Въ чемъ же заключается высшее благо, къ которому долженъ стремиться человѣкъ? Высшій образъ высшаго бытія, равно какъ совершеннѣйшее пониманіе совокупности всего опредѣленнаго бытія есть полное проникновеніе и единство разума и природы; это и есть, по опредѣленію Шлейермахера, высшее благо. То же самое единство разума и природы въ примѣненіи къ христіанству получаетъ у него значеніе царствія Божія. Обычное въ христіанской теологіи опредѣленіе Бога, какъ высшаго блага, нашъ авторъ считаетъ неправильнымъ (*nicht correct*), потому что христіанское самосознаніе имѣетъ Бога только въ Спасителѣ; слѣдовательно, спасеніе есть высшее благо, а историческое осуществленіе его—царство Божіе. Поэтому для отдѣльнаго высшее благо есть участіе въ царствѣ Бога (*κληρονομία ἐν τῇ βασιλείᾳ τοῦ θεοῦ*).—Діалектическій базисъ всего изслѣдованія о морали образуютъ, по замѣчанію Шлейермахера, двѣ противоположности: первая изъ нихъ есть противоположность между разумомъ *организирующимъ* и *символизирующимъ*. Дѣ-

тельность разума имѣетъ характеръ организаціи тогда, когда онъ обращаетъ природу въ качествѣ своего органа, орудія (zum Werkzeug), при этомъ, если „съ одной стороны нравственный процессъ бываетъ совершенъ только въ томъ случаѣ, когда вся природа чрезъ разумъ сдѣлается органомъ разума,—цѣль которая никогда абсолютно не достигается, то, съ другой,—начало этого процесса имѣетъ своимъ условіемъ уже данное (существующее) единеніе разума и природы“. ¹⁾ Организационная дѣятельность разума, рассматриваемая въ границахъ нравственнаго бытія, есть постепенное уничтоженіе противоположности между первоначально-свойственной разуму природы и природою совершенствующеюся, никогда не тождественной съ первой (nie ganz mit ihr eins werdenden Natur),—идеаль, который едва ли когда будетъ достигнутъ, потому что даже въ человѣческой любви вмѣстѣ съ началомъ единенія лежитъ уже нѣчто „неорганическое и менѣе организованное“ ²⁾ (Unorganisches und minder organisirtes). Но для того, чтобы организационная дѣятельность разума вѣрнѣе достигала своей цѣли, нужно, чтобы разумъ былъ познающимъ, т. е. чтобы все, дѣлающееся для него органомъ, было въ то же время символомъ, и дѣятельность разума, производящая это познаніе, есть дѣятельность *символизирующая*, причемъ ни одно состояніе отпечатлѣваемости (Dargestellt-Sein) разума въ природѣ немислимо безъ возбужденія и произвола. Непосредственный символъ разума есть *сознаніе*, все другое есть только символъ разума, поскольку оно есть образъ и выраженіе сознанія. Въ нравственномъ процессѣ обѣ стороны дѣятельности разума обуславливаютъ другъ друга и, слѣд., неразрывны: символъ есть единство разума и природы, поскольку въ немъ содержится вся полнота воздѣйствій (Gehandelthaben) на природу, органъ, напротивъ, такое единство, которое установлено природою, какъ дѣятельность въ состояніи развитія (Handelnwerden); отсюда органъ есть природа въ качествѣ „переходнаго пункта“ для дѣятельности разума, а символъ—природа, покоящаяся съ разумомъ и въ разумѣ ³⁾ (mit und in der Vernunft). Вторая

¹⁾ Philosoph. Sitte, § 124, 131—135.

²⁾ Ibid. § 148, 160.

³⁾ Ibid. § 152, 163—4.

противоположность, на которой основывается понятие высшаго блага, есть противоположность между духовною *всеобщностью* и *индивидуальностью*. Къ совершенству человѣческаго рода, по словамъ Шлейермахера, существенно принадлежит то, что отдѣльные индивидуумы, несмотря на свое тожество, въ то же время „внутренно“ другъ отъ друга отличаются и каждый опредѣляется безусловно особеннымъ образомъ. Отсюда всякое нравственное бытіе имѣетъ въ себѣ двойкій характеръ — тожественнаго, всеобщаго, такъ какъ всѣ дѣйствующіе индивидуумы чрезъ свой разумъ тожественны, и въ то же время индивидуальнаго, различнаго въ себѣ (*in sich verschiedenes*), такъ какъ дѣйствующіе индивидуумы внутренно между собою различаются; вслѣдствіе этого также и въ каждомъ нравственномъ прогрессѣ или совершенствованіи то и другое должно имѣть свои законныя права: общественность и раздѣленіе индивидуумовъ; но такъ какъ никакое абсолютно-первое начало этического процесса, по діалектическому закону, немислимо, то должна существовать „первоначальная“ общественность и „первоначальное“ раздѣленіе индивидуумовъ въ качествѣ необходимаго условія для нравственнаго процесса. Особенное, какъ безусловно-отдѣльное, первоначально усваивается въ человѣческой природѣ посредствомъ происхожденія (*Abstammung*) чрезъ рожденіе, а тожественное, какъ безусловно-связное, дано первоначально, благодаря климатическимъ различіямъ, т. е. различіямъ расъ и народностей ¹⁾). Оба эти условія не зависятъ отъ человѣческой воли и потому имѣютъ характеръ необходимости, хотя, впрочемъ, попытки и стремленія нѣкоторыхъ вернуть все человѣчество къ единой семьѣ имѣютъ глубоко-нравственное основаніе. Такимъ образомъ, изъ этихъ двухъ противоположностей — разума всеобщности и индивидуальности, съ одной стороны, организующей и символизирующей дѣятельности разума, съ другой, въ ихъ общей связи и взаимопропикновеніи возникаетъ понятие *высшаго блага* (*des höchsten Guts*), такъ что все нравственное бытіе въ цѣломъ своемъ составѣ есть не что иное, какъ состояніе организаци (*organisirtsein*) и символизаци (*symbolisirtsein*) разума съ

¹⁾ Ibid. § 192, 235—240.

его равносущественнымъ (gleichbleibender) и разнственнымъ (differentiirender) отпечаткомъ. Но изъ понятія самому себѣ равнаго и одинаго разума въ состоянїи отдѣльности его бытія въ опредѣленномъ цѣломъ природы (Naturganzen), какъ средоточнаго пункта его особенной сферы, возникаетъ понятіе *личности*, какъ понятіе, тождественное съ нравственнымъ благомъ, при этомъ различіе между индивидуальностью и личностью состоитъ въ томъ, что индивидуальное бытіе—качественно отлично отъ другаго (отъ другихъ), а личное бытіе есть нѣчто, само себя отличающее отъ другихъ и утверждающее другихъ подлѣ себя и, посему, должно внутренне отличаться отъ другихъ. Понятіе лица и личности принадлежитъ всецѣло къ области нравственныхъ понятій, ибо оно означаетъ способъ, какъ существуетъ единое и многое ¹⁾ (das Eine und Viele): чѣмъ меньше напимѣрь человекъ или народъ отличаетъ себя отъ другихъ и чѣмъ меньше наравнѣ съ собою онъ утверждаетъ и признаетъ другихъ, тѣмъ меньше онъ образованъ морально въ своей личности; въ этомъ смыслѣ семья, народъ есть такая же совершенно личность, какъ отдѣльный человекъ. При этомъ также слѣдуетъ замѣтить, что каждое отдѣльное существо не есть личность совершенная, потому что въ этомъ случаѣ она должна вмѣщать въ себѣ разумъ всецѣло, т. е. во всѣхъ его противоположностяхъ, чего быть никогда не можетъ; нѣтъ, каждае отдѣльное существо есть „образъ высшаго блага“ и даже добро, только отдѣльное и одностороннее, пребывающее въ односторонности пола,—истинно же нравственное благо (добро) реализуется въ семьѣ, какъ базисъ для всѣхъ высшихъ нравственныхъ формъ,—государствѣ, какъ основѣ для выработки организующею дѣятельностью разума нравственно-правовыхъ понятій,—въ свободной общительности (die freie Geselligkeit), какъ формѣ, въ которой всѣ элементы нравственнаго блага подводятся подъ категорію индивидуально-организующей дѣятельности разума и, наконецъ, въ церкви, какъ органическомъ единствѣ ²⁾. Во всѣхъ этихъ формахъ бытія проявляется только одна сторона нравственно-

¹⁾ Philosoph. Sitte, p. 240.

²⁾ Ibid. § 259, p. 352, 374, 408 в д.

добраго, именно: организующая дѣятельность разума, то подѣ категорією всеобщности, то—индивидуальности; въ такомъ же смыслѣ проявляется въ нихъ и другая сторона нравственно-добраго,—дѣятельность символизирующая, то подѣ формою всеобщности, какъ *знаніе*, то подѣ формою индивидуальности, какъ *чувство*. Знаніе есть нравственный актъ въ силу того, что въ немъ утверждается единство духа и природы въ словѣ, языкѣ: мысль, выраженная въ словѣ, разбиваетъ границы личности и дѣлается общимъ достояніемъ всѣхъ, равно и истинная нравственность чувства заключается въ томъ, что оно противоположно мысли не абсолютно, а только относительно, причемъ истинно-нравственнымъ оно бываетъ тогда, когда ему соотвѣтствуетъ точное выраженіе (*Darstellung*): чувство безъ выраженія или выраженіе безъ чувства должно считаться всегда безнравственнымъ. Первая противоположность символизирующей дѣятельности (знаніе) находитъ свое истинное выраженіе и примѣненіе въ „національномъ обществѣ знанія“ (академія, университетъ), вторая противоположность (чувство)—въ національной церкви: „сущность церкви, говоритъ Шлейермахеръ, состоитъ въ органическомъ единствѣ массъ одного и того же типа для субъективной дѣятельности функцій познанія подѣ противоположностью клира и народа“, ¹⁾ при этомъ дается понятъ, что всѣ дѣйствія субъективнаго познанія сводятся ни къ чему иному, какъ только къ искусству.

Мы уже упоминали, что Шлейермахеръ основнымъ содержаніемъ и цѣлью разумно-этической дѣятельности считаетъ единство духа и природы (*die Einheit des Geistes und Natur*). Но чѣмъ же отличаются между собою духъ и природа? Въ сущности—ничѣмъ, ибо какъ природа стремится утвердить единство духа и себя, такъ и духъ,—съ тою только разницею, что тамъ преобладаетъ вещное, а здѣсь—разумное. Природа есть не что иное, какъ не чрезъ нравственный процессъ возникшее единство духа и природы, слѣдовательно, естественное единство; соотвѣственно этому и разграниченіе областей—нравственнаго и физическаго устанавливается такимъ образомъ: нравствен-

¹⁾ Ibid. § 289, 421.

ный процессъ есть продолженіе (Fortsetzung) и въ то же время видоизмѣненіе (Umkehrung) физическаго. ¹⁾ Въ соотвѣтствіе этому дѣлается различіе также между естественнымъ закономъ и нравственнымъ: первый есть всеобщее выраженіе того, что въ природѣ и дѣйствительно чрезъ нее осуществляется; второй, напротивъ, есть только выраженіе того, что совершается въ области разума и чрезъ него. Нравственный законъ есть подлинно законъ, потому что это само бытіе, или „самое внутреннее опредѣленіе нашего Я“, та опредѣляющая сила настроенія, благодаря которой всякое проявляющееся дѣло такъ или иначе приближается къ области истинно-нравственнаго, но зато также естественный законъ не можетъ быть мыслимъ безъ долженствованія (ohne ein Sollen), потому что требованіе должнаго и въ природѣ имѣетъ не меньше значеніе, чѣмъ въ сферѣ нравственной и, если бы мы, замѣчаетъ Шлейермахеръ, весь универсъ могли привести къ этой формулѣ, то она, конечно, была бы совершеннымъ выраженіемъ бытія. ²⁾ Что касается цѣли нравственнаго процесса, то она никогда абсолютно не достигается, потому что это значило бы—достигнуть абсолютнаго безразличія (absolute Indifferenz), чего не можетъ достигнуть жизнь по самому существу своему въ ея распаденіи на противоположности и въ ея стремленіи къ смѣшанному бытію (gemischtes Leben), вмѣщающему въ себѣ организованное вмѣстѣ съ неорганизованнымъ, единое вмѣстѣ съ множественнымъ, добрымъ и единичнымъ.

Таковъ общій обликъ этико-философской системы Шлейермахера. Въ ней, какъ и въ его Діалектикѣ, нельзя не видѣть вліянія Шеллинговой философіи, въ основѣ которой, какъ извѣстно, лежитъ мысль объ абсолютномъ, какъ индефферентномъ единствѣ субъекта и объекта и о всякомъ различіи, какъ количественномъ перевѣсѣ. Но если Шеллингъ часто ограничивался только одними обѣщаніями указать принципы, на основаніи которыхъ безконечное имѣетъ связь съ конечнымъ, единое съ различнымъ, идеальное съ реальнымъ, то Шлейермахеръ принимаетъ безъ всякихъ колебаній понятіе объ абсо-

¹⁾ Phil Sitle, § 124, 135.

²⁾ Sittenlehre § 61 (I. Schaller, 212—214).

лютномъ, какъ индифферентномъ единствѣ, какъ существенномъ основаніи знанія и воли, чуждомъ всякому развитію и движенію и, вслѣдствіе этого, трансцендентальномъ. Отсюда его философская метода въ точности соотвѣтствуетъ основнымъ опредѣленіямъ безразличія и относительнаго различія (по крайней мѣрѣ по формѣ), такъ-какъ, по нему, всѣ формы развитія дѣйствительности суть относительныя единства и вмѣстѣ съ тѣмъ проявляютъ относительный перевѣсъ содержащихся въ этихъ формахъ элементовъ. Въ этомъ раздѣленіи единства на противоположность состоитъ сущность *спекулятивной* методы изслѣдованія, которой строго держался нашъ авторъ: по его воззрѣнію, вся природа представляетъ эту противоположность и этотъ относительный перевѣсъ; если, при этомъ, разумѣется перевѣсъ реального надъ идеальнымъ, то это составитъ понятіе природы, если, наоборотъ, разумѣется перевѣсъ идеального надъ реальнымъ, то получится представленіе духа. Каждая, затѣмъ, сторона противоположности имѣетъ двойную противоположность, либо организованнаго и неорганизованнаго, активнаго и пассивнаго, либо частнаго и всеобщаго. Тотъ же самый принципъ и та же самая метода оказали соотвѣтствующее вліяніе также и на *психологическія* воззрѣнія Шлейермахера, которыя онъ старается раскрыть, какъ въ Діалектикѣ, такъ и въ Этикѣ, съ возможною полнотою: когда рѣчь идетъ о чувствѣ, какъ реальномъ показателѣ трансцендентальнаго основанія, оно есть единство мышленія и воли, напротивъ, когда идетъ рѣчь о чувствѣ съ точки зрѣнія дѣйствительной противоположности, то оно есть основа, распадающаяся на двѣ противоположности знанія и воли въ ихъ разныхъ функціяхъ и обнаруженіяхъ; и если, съ другой стороны, абсолютное единство, какъ таковое, существуетъ въ чувствѣ въ смыслѣ индивидуальномъ (*in individueller Weise*), то понятно, какой широкой просторъ должна имѣть у нашего автора индивидуальность въ области религіозно-моральной, въ основѣ которой также лежитъ чувство, только съ добавленіемъ „благочестивое“ чувство (*die Frömmigkeit*). Но гдѣ же тотъ объединяющій элементъ, который долженъ связывать разныя индивидуальности въ одинъ общій организмъ, въ одно живое цѣлое? Такого объединяющаго элемента въ его философіи мы не нашли. У Шлейермахера всякое знаніе, всякая воля, съ метафи-

зической стороны, обоснована чрезъ идею абсолютнаго, но то, какъ справедливо замѣчаетъ Шаглеръ, что „обосновываетъ безпротивоположное въ себѣ единство, есть всегда только моментъ абстрактнаго субстанціальнаго тождества субъекта и объекта безъ формъ субъективности, свободы, самосознанія, въ отношеніи къ которымъ оно (единство) остается всетаки болѣе всего при относительномъ перевѣсѣ, вслѣдствіе чего эта конечная противорѣчащая сущности духа категорія дѣлаетъ всѣ формы духа непонятными, несвободными, недуховными, такъ какъ онѣ еще разъ должны подчиняться относительному перевѣсу“¹⁾; и —мы должны сказать, что дѣйствительность, построенная на принципахъ абстрактныхъ, не есть подлинно дѣйствительность, такъ какъ въ ней не указано господствующаго принципа. Почему, напр., въ обѣихъ этикахъ тщательно разсматривается перевѣсъ знанія или воли, индивидуальности или всеобщности въ четырехъ нравственныхъ формахъ учреждений—церкви и государства, школы и свободной общезительности? Чѣмъ обуславливается связь этихъ различныхъ обществъ и учреждений? По мнѣнію Шлейермахера, связь эта узаконяется „чрезъ безразличіе и внѣшнее вліяніе“²⁾. Но нужно замѣтить, что всякое единство, утвержденное только чрезъ безразличіе и внѣшнее вліяніе, обѣщаетъ, въ сущности, распаденіе духовной связи на самостоятельные элементы и это одинаково приложимо, какъ къ „общему духу“, такъ и къ индивидуальному. Очевидно, нужна какая-либо внутренняя связь, которая бы въ одно и то же время служила бы принципомъ *единенія* и принципомъ *развитія*, но такой внутренней связи, такого, такъ сказать, внутренняго цемента, скрѣпляющаго все человѣчество и все бытіе въ одно живое цѣлое, авторъ, кромѣ субъективнаго чувства любви, не постарался указать, отчего и всѣ эти соображенія о культурномъ значеніи обществъ, академій, университетовъ и пр. лишены своей подлинно-нравственной основы; потому что—повторяемъ—если основнымъ понятіемъ нравственности считать только господство разума надъ природою, то это—еще—не есть истинная нравственность, а только подготовка къ ней; истинная же нравственность начинается только тогда, когда

1) Vorles. über Schleierm. p. 232.

2) Ibid. p. 219 и 337. Phil Sitto, p. 359—370.

въ основаніи ея лежитъ идея лично-живого Бога, подѣ влияніемъ которой только и могутъ быть различаемы явленія добра и зла. истинно-нравственнаго и безнравственнаго, хорошаго и худого. Правда, въ свое время было немало серьезныхъ причинъ къ тому, чтобы съ особеннымъ вниманіемъ останавливаться на разсмотрѣніи идеала человѣческой культуры, такъ какъ недавно было еще время, когда всюду относились пренебрежительно къ элементу человѣческому, къ царству природы, которое, однако, есть предположеніе для царства благодати (Мартенсенъ), забывая, что настоящая жизнь имѣетъ также цѣль саму въ себѣ сообразно со всѣмъ ея назначеніемъ; но дѣлать отсюда заключеніе, что въ образованіи, культурѣ заключается подлинный смыслъ и основаніе для нравственнаго развитія человѣчества—значитъ впадать въ другую крайность—въ преувеличенную оцѣнку идеала человѣчности на счетъ идеала религіозной морали; между тѣмъ, по своему внутреннему содержанию, оба эти идеала различны настолько, насколько различны между собою идеалы—автономической и теонической, или воля, исключительно управляющаяся собою, или вращающаяся около живого Бога съ тѣмъ, чтобы въ Немъ найти смыслъ человѣческой жизни и въ Немъ обрѣсти истинную реальность для міра и разныхъ человѣческихъ союзовъ и взаимоотношеній. Съ этой точки зрѣнія всѣ формальныя понятія въ области нравственности,—понятія нормы для жизни, понятія свободы и долга получаютъ свое особенное содержаніе, особенный смыслъ—въ зависимости оттого, какой идеаль имѣется въ виду—автономическій или теоническій. Что сдѣлалъ съ этими понятіями Шлейермахеръ, мы уже видѣли. Не различая по существу понятій естественнаго и нравственнаго, естественно-физическаго и нравственно-культурнаго, онъ смѣшалъ одно съ другимъ и понятія, имѣющія отношеніе къ нравственности, онъ перенесъ на природу, а то, что прнадлежитъ понятію природы,—на область нравственныхъ явленій. Гдѣ кончается одно, гдѣ начинается другое, трудно понять, равно какъ трудно понять и то, какимъ образомъ человѣкъ, воплощающій въ себѣ одностороннее понятіе добра, можетъ достигнуть чего-либо въ смыслѣ нравственнаго совершенства.

Такъ можно разсуждать, только стоя на точкѣ зрѣнія пантеизма и Шлейермахеръ, дѣйствительно, сочувствуетъ ему, вы-

ражая это сочувствіе чрезвычайно разнообразно и въ пониманіи, и въ опредѣленіи нравственныхъ задачъ человѣчества, и въ опредѣленіи религіи съ устраненіемъ отъ нея Божества, какъ безпротивоположнаго единства, и въ пониманіи сущности міроваго процесса, въ которомъ открывается Богъ или абсолютное, и въ ученіи о Христѣ, и о церкви и т. п. И нужно сознаться, что если Шлейермахеръ и сочувствуетъ главнымъ основаніямъ пантеистической идеи, то не выдерживаетъ своего сочувствія до конца, вслѣдствіе чего его пантеизмъ можно назвать пантеизмомъ *непоследовательнымъ*, всюду побивающимъ себя и путающимся въ логическихъ противорѣчіяхъ. Самая крупная неслѣдовательность выражается у него уже въ томъ, что Божество, съ одной стороны, устраняется отъ какого-либо прямого и непосредственнаго въ телеологическомъ смыслѣ вліянія на міръ, а, съ другой, это участіе неоднократно подтверждается либо тѣмъ, что все въ мірѣ устроено и направлено къ соединенію божественнаго и человѣческаго во Христѣ и учрежденію церкви, какъ конечной цѣли божественнаго міропромышленія, либо тѣмъ, что божественное содѣйствіе въ мірѣ выражается въ общемъ направленіи всей злой жизни, какъ условіи добра ¹⁾, хотя бы добро упорядочивалось Богомъ и въ общей натуральной связи вещей и проч.; о другихъ противорѣчіяхъ и недомолвкахъ мы не будемъ говорить. Какъ бы ни объяснялись эти крупные въ логическомъ отношеніи промахи, все же слѣдуетъ сказать, что попытка перенесенія качествъ Божества на природу и міръ не можетъ пройти для писателя даромъ и такъ или иначе, но должна встрѣтить массу неожиданныхъ противорѣчій при уясненіи разныхъ сторонъ религіозно-нравственной жизни; тѣмъ болѣе эта попытка должна кончиться полною неудачею при уясненіи христіанства съ его Богооткровеннымъ характеромъ. Изъ всего этого легко заключить, могутъ ли быть вообще удачны попытки къ примиренію идей супранатурализма и натурализма подъ угломъ зрѣнія пантеистической идеи и можно ли вообще безъ идеи лично-живого Бога, дѣйствующаго въ мірѣ въ качествѣ Промыслителя и Законодателя, правильно понять и надлежащимъ образомъ осмыслить все то, что относится къ фактамъ и явленіямъ религіозно-нравственнаго бытія.

И. Розановъ.

¹⁾ Christl. Glaube. I, p. 247.

НРАВСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ БЕЗЪ РЕЛИГИИ.

Наторпа: „Религія въ предѣлахъ челоѵчности. Глава для обоснованія соціальной педагогикѣ“. Фрейбургъ. 1895 ¹⁾.

Эта небольшая книжка или вѣрнѣе брошюра (въ ней 120 страницъ), посвященная вопросу о религіозномъ обученіи въ школахъ, представляетъ большой интересъ и для нѣмцевъ, на языкѣ которыхъ она написана, и для англичанъ, у которыхъ именно теперь ведутся оживленныя пренія о преподаваніи религіознаго ученія въ школахъ, и для насъ русскихъ, не потому, чтобы въ ней можно было найти какія-нибудь руководящія идеи, но потому что критическое разсмотрѣніе ея положеній много можетъ способствовать выясненію благаго значенія начинаній нашей высшей духовной власти, серьезно озабоченной въ настоящее время вопросомъ о наибольшей плодотворности религіознаго обученія.

Одной изъ важнѣйшихъ или—точнѣе—самой важной задачей школьнаго воспитанія является воспитаніе нравственное. Какими средствами и какими воздѣйствіями можно развить въ ребенкѣ нравственныя качества? Думали и продолжаютъ еще думать, что религіозное обученіе наилучшимъ образомъ содѣйствуетъ нравственному воспитанію, религія объясняетъ смыслъ нравственныхъ нормъ и даетъ основанія для нравственной дѣятельности. Наторпъ утверждаетъ, что въ настоящее время религія (онъ разумѣетъ прежде всего лютеранское исповѣданіе), не имѣетъ такого благодѣтельнаго значенія. Религія въ настоящее время является бесполезною, религіозное обученіе бесплод-

¹⁾ Natorp, Religion innerhalb der Grenzen der Humanität. Eine Kapitel zur Grundlegung der Socialpädagogik. Freiburg. 1895.

нымъ, тѣ формы или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ формъ, въ которыхъ проявляется церковная жизнь, Наторпъ готовъ называть даже вредными. Отсюда, повидимому, слѣдуетъ тотъ выводъ, что для нравственнаго воспитанія въ школахъ нужно искать средствъ и пособій въ чемъ-либо другомъ, а не въ религіи. Повидимому, при обсужденіи вопроса о томъ, какой характеръ должна имѣть школа, Наторпъ долженъ отдать предпочтеніе школѣ французской, откуда тщательно изгнаны Богъ и религія и гдѣ преподается лишь автономная мораль. Но Наторпъ не увлекается примѣромъ своихъ западныхъ сосѣдей. Нападая на существующія церковныя формы и приемы религіознаго обученія, онъ является рѣшительнымъ сторонникомъ идеи церкви и приверженцемъ религіи. Церковь по идеѣ есть человѣческая община и взаимоотношенія членовъ въ этой общинѣ должны быть высоконравственнаго характера. Религія кромѣ догматовъ заключаетъ въ себѣ правила морали, по своимъ свойствамъ прямо соответствующія лучшимъ требованіямъ человѣческой природы. Наторпъ настаиваетъ, что именно эта сторона религіи (т. е. нравственное религіозное ученіе) и должна исключительно быть предметомъ преподаванія въ школахъ. Ученіе догматическое, вообще все трансцендентное не должно быть предметомъ школьнаго преподаванія. При такихъ условіяхъ религія не только не окажется во враждѣ съ наукою, нравственностію и искусствомъ (познаніемъ, волей и фантазіей), но будетъ съ ними въ союзѣ. Преподаваніе религіи не должно быть конфессіональнымъ. Тамъ, гдѣ религіозное обученіе преподается подъ формою лютеранскаго, кальвинистическаго, реформатскаго или иного, всегда одно исповѣданіе вышается на счетъ другихъ, которыя порицаются и представляются въ невыгодномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ, конфессіональное преподаваніе религіи, по самому своему характеру, окazyвается враждебнымъ основной цѣли религіи: религія имѣетъ въ виду привести людей къ единенію, а конфессіональное преподаваніе религіи раздѣляетъ людей и сѣетъ вражду. Что религіозное обученіе возможно безъ обозначенія вѣроисповѣдныхъ разностей, это, по мнѣнію Наторпа, доказываетъ примѣръ Англии. Тамъ еще съ 1870 года существуютъ Board schools (пан-

сіоны), гдѣ христіанское ученіе преподается и дается знакомство съ источниками христіанскаго вѣроученія безъ изложенія различныхъ теорій пониманія этихъ источниковъ и вытекающихъ изъ этого различія вѣроисповѣдныхъ особенностей различныхъ фракцій англійскаго населенія (въ Англии необыкновенное множество сектъ). Конфессіональное преподаваніе религіи, по мнѣнію Наторпа, будетъ всегда бесплоднымъ. Ребенокъ можетъ только заучивать догматическія формулы, а не усвоятъ ихъ сердцемъ, онѣ для него будутъ лишь мертвымъ знаніемъ и естественно, что впоследствии онъ отнесется къ этому знанію отрицательно, какъ и относится къ нему большинство. Этого взгляда, говоритъ Наторпъ, держался Песталоцци, его держатся и всѣ дѣйствительные педагоги нашего времени. Послѣ школы, церковь можетъ и должна всѣхъ тѣхъ, которые пожелаютъ, собирать для преподаванія имъ церковнаго ученія.

Такова сущность воззрѣній Наторпа. Онъ чувствуетъ, что развить въ людяхъ гуманность или, по просту говоря, чело-вѣчность безъ религіи нельзя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что для счастья чело-вѣчества достаточно, чтобы люди были гуманными—не дѣлали бы другимъ того, чего не хотятъ, что бы дѣлали имъ другіе. Онъ не отрицаетъ религіи, какъ ученія о сверхчувственномъ мірѣ, о мірѣ загробномъ и т. д., но онъ думаетъ, что для юнаго возраста знакомство съ такимъ ученіемъ можетъ быть только вреднымъ, и не думаетъ, что для зрѣлаго возраста такое знакомство должно быть необходимымъ. То сознаніе нужды въ церкви и религіи, которое чувствуется у Наторпа, должно быть признано знаменательнымъ и поучительнымъ. Педагогикѣ приходится признаться, что нравственные навыки также не могутъ безъ религіи развиться и окрѣпнуть въ душѣ чело-вѣка, какъ растеніе не можетъ вырасти безъ воздуха, влаги и солнца. Но если нравственность не можетъ найти себѣ опоры и стимула внѣ религіи, то, спрашивается, можетъ ли религія заключиться въ одну нравственность? Можетъ ли религія быть безъ догмы, не содержать никакого исповѣданія? Такой религіи, скажемъ мы, не было и не будетъ и не только ея не будетъ, какъ живого исповѣданія, но ея нельзя выду-

мать хотя бы и для школьнаго преподаванія. Наторпъ ссылается на англійскія инконфессіональныя школы, но относительно этихъ школъ на самомъ дѣлѣ нельзя сказать, чтобы въ нихъ не излагалось никакого исповѣданія догматовъ; нѣтъ, въ нихъ обходятся только спорныя догматы. Приемъ этотъ чисто англійскій, и всѣ неудобства этого приема англичанамъ приходится терпѣть уже около трехъ столѣтій. Когда въ XVI столѣтіи въ Англии вспыхнула церковная реформація и образовалось много религіозныхъ партій, правительство озаботилось составить такое вѣроученіе, противъ котораго не могли бы возразить если не всѣ, то по крайней мѣрѣ значительнѣйшее большинство. Для достиженія этой цѣли исповѣданіе было составлено туманно и обще, такъ, что каждый могъ бы толковать его по своему вкусу и вотъ, въ теченіе трехъ столѣтій англичане спорятъ о томъ, какъ понимать свое исповѣданіе, у нихъ возникло три главныхъ церковныхъ направленія и множество сектъ и выдвинутый ими нынѣ на очередь вопросъ о инконфессіональномъ обученіи тоже обязанъ своимъ происхожденіемъ неустойчивости ихъ вѣроученія: дѣти въ школахъ принадлежатъ самымъ различнымъ исповѣданіямъ. Кто долженъ учить ихъ закону Божію? или, говоря, конечно, гиперболически, въ школахъ не должно ли быть столько же законоучителей, сколько и учениковъ?

Мы не думаемъ, чтобы Наторпъ, настаивая на томъ, что религіозное обученіе должно быть инконфессіональнымъ, сумѣлъ представить учебникъ, по которому возможно бы было производить желательное ему обученіе. Какъ ни излагать христіанское ученіе, изложеніе все же окажется несогласнымъ или съ ученіемъ лютеранъ или кальвинистовъ, или соцініанъ, или меннонитовъ, или квакеровъ и т. д. Если же отбросить всѣ конфессіональныя разности, тогда останется менѣе даже, чѣмъ одна мораль, потому что и нравственныя требованія въ различныхъ христіанскихъ исповѣдавіяхъ не всѣ одинаковы.

Теорія религіозно-нравственнаго обученія безъ религіозно-догматическаго въ высшей степени неясна. Что-нибудь одно: или учить просто морали, или морали основанной на догматахъ. Наторпъ же говоритъ намъ: учите сначала человѣка ре-

лигіозной морали, а потомъ можно его учить и догматамъ. Признавая первое неяснымъ, о второмъ должно сказать, что всякій вѣрующій въ догматы признаетъ его несправедливымъ. Догматическое ученіе религіи выясняетъ человѣку сущность и смыслъ всего существующаго, опредѣляетъ ему его положеніе и назначеніе въ мірѣ и даетъ несомнѣнныя нормы для дѣятельности; мораль же оторванная отъ догматовъ есть мораль только сердца и разума, но наше сердце не всегда чисто, а нашъ разумъ не всегда ясенъ и потому имъ всегда нужно руководительное начало въ догматическомъ ученіи. И догматическое ученіе должно быть преподаваемо въ возможной степени въ возможно раннемъ возрастѣ, ибо имъ опредѣляется все міровоззрѣніе и вся душевная настроенность человѣка. Всякій вѣрующій, что исповѣдуемые имъ догматы истинны, всегда будетъ стремиться воспитать и возрастить въ вѣрѣ въ эти догматы и своихъ дѣтей, и требованіе Наторпа, чтобы дѣтямъ не сообщали догматическаго ученія, является и жестокимъ и для вѣрующихъ людей нравственно невозможнымъ. Наторпъ говоритъ, что послѣ школы церковь можетъ или должна преподавать свое ученіе тѣмъ, *кто пожелаетъ*. Станный взглядъ. Всякое лицо или общество, считающее себя пребывающимъ въ религіозно-нравственной истинѣ, чувствуетъ и настойчивую душевную потребность, и нравственную обязанность сообщить свои вѣрованія другимъ. Наторпъ не хочетъ замѣтить, что онъ отрицаетъ великую заповѣдь Іисуса Христа, благодаря исполненію которой апостолами и ихъ преемниками, міръ теперь въ значительной мѣрѣ сталъ христіанскимъ, а не языческимъ (Мѡ. 28, 19—20, Мрк. 16, 15). Наторпъ отрицаетъ нужду въ религіозномъ обученіи школьниковъ на томъ основаніи, что оно оказывается бесполезнымъ и не вліяетъ благотворно на обучаемыхъ, но это показываетъ только, что дѣло обученія производится плохо, а не то, чтобы въ немъ не было нужды. Формально-холодное обученіе истинамъ религіи, разумѣется, очень легко можетъ быть бесплоднымъ, но преподаваніе истинъ религіи должно быть жизненнымъ и сердечнымъ, а не схоластическимъ.

Въ настоящее время у насъ святѣйшій синодъ усиленно за-

ботится о религіозно-нравственномъ обученіи и воспитаніи народа, и намъ думается, что въ этомъ отношеніи наши церковно-приходскія школы могли бы быть полезны и поучительны и для нѣмецкихъ педагоговъ. Дѣти въ этихъ школахъ обучаются Закону Божию, церковному пѣнію и призываются къ дѣятельному участию въ Богослуженіи; они не только учатъ о церкви, но они живутъ жизнью церкви, Богослуженіе закрѣпляетъ въ ихъ чувствахъ то, что на урокахъ Закона Божія усваиваетъ ихъ мысль. Отвлеченность и недостаточность протестантскаго культа лишаетъ его благотворнаго религіозно-нравственнаго значенія, излишняя вещественность латинскаго иногда способствуетъ развитію въ его участникахъ болѣзненно экстаическихъ состояній, но въ величественно-прекрасномъ православномъ богослуженіи духъ и матерія находятся въ полной гармоніи и эта гармонія воспринимается душою вѣрующихъ и производитъ въ ихъ душѣ религіозно-нравственный подъемъ силъ, двигающій ихъ на добрыя дѣла.

Безъ служенія Богу и безъ знанія Бога нельзя быть истинно добрымъ; мало этого, безъ таковаго служенія и знанія и не зачѣмъ быть добрымъ. При отрицаніи или незнаніи Бога отнимается возможность самаго опредѣленія добра и тѣмъ болѣе отнимается возможность доказать обязательность служить добру. Вотъ почему Наторпъ, утверждая, что дѣтямъ не слѣдуетъ преподавать вѣроученіе, и предлагая неясную теорію религіозно-моральнаго обученія, предлагаетъ, по нашему мнѣнію, произвести такой экспериментъ надъ невинными дѣтьми, который можетъ сопровождаться страшными нравственными послѣдствіями и за который должно будетъ дать строгій отвѣтъ Богу (Мѡ. 18, 6).

С. Г.

Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности.

(Продолженіе *).

Кирхманъ смѣшиваетъ два совершенно различныхъ чувства — удивленіе и уваженіе. Чувство удивленія возникаетъ въ каждомъ пожившемъ и имѣющемъ извѣстную опытность человѣкѣ, совершенно независимо отъ его нравственнаго состоянія, при видѣ явленій, выдающихся въ какомъ бы то ни было отношеніи. Все превосходящее наши силы вызываетъ чувство удивленія. Мы удивляемся рѣдкой физической силѣ, какому-нибудь трудному, хотя бы и совершенно бесполезному, искусству, сильнымъ художественнымъ и научнымъ талантамъ, миллионному богатству, блестящему успѣху, выдающемуся вліянію и могуществу, ловкости мошеннической продѣлки, холодному равнодушію или дьявольскому злорадству при совершеніи жестокихъ преступленій ¹⁾. Но удивленіе само по себѣ есть чувство созерцательное по преимуществу, оно не имѣетъ того активнаго характера, который въ чувствѣ уваженія сказывается въ формѣ стремленія къ подражанію и повиновенію уважаемому. То, чему мы удивляемся, можетъ и привлекать и отталкивать насъ. Это зависитъ отъ того, насколько цѣнны для насъ тѣ явленія, необычайность которыхъ возбуждаетъ удивленіе. Напримѣръ, чѣмъ исключительнѣе въ душѣ человѣка господствуетъ страсть къ деньгамъ, чѣмъ болѣе удивляютъ насъ жертвы, приносимыя имъ для удовлетворенія этой страсти, тѣмъ отвратительнѣе для насъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, за 1896 г. № 6.

¹⁾ Alex. Bain. Les emotions et la volonté. Paris. 1885 г. p. 144.

скупецъ. Чѣмъ полнѣе успѣхъ, купленный цѣною удивительныхъ подлостей и преступленій, тѣмъ болѣе онъ отталкиваетъ насъ. Такимъ образомъ, необычайность явленія не всегда возбуждаетъ уваженіе, въ составъ котораго входитъ стремленіе подражать и повиноваться предмету уваженія. Иногда она вызываетъ лишь удивленіе—чувство, не связанное съ опредѣленнымъ направленіемъ дѣятельности въ отношеніи къ предмету удивленія. При какихъ же условіяхъ возникаетъ чувство уваженія?—при двухъ условіяхъ. Во-первыхъ, если наблюдатель способенъ различать явленія со стороны ихъ нравственной цѣнности, во-вторыхъ, если онъ встрѣчаетъ въ какомъ-либо человѣкѣ эти нравственные цѣнные свойства въ превосходной степени. Такимъ образомъ, чувство уваженія предполагаетъ наличность нравственности какъ въ субъектѣ, такъ и въ объектѣ уваженія.

а) Зависимость уваженія отъ нравственнаго состоянія испытывающаго это чувство доказывается тѣмъ, что предметы уваженія мѣняются въ зависимости отъ развитія нравственныхъ идеаловъ. Нравственные идеалы человѣчества въ его исторіи и въ жизни индивидуума постепенно одухотворяются. На низшихъ ступеняхъ развитія человѣкомъ обладаетъ культъ храбрости и физической силы. Въ классической древности видъ здороваго и сильнаго тѣла вызывалъ восторгъ и желаніе стяжать тѣ же свойства. Отсюда многочисленныя гимназіи, въ которыхъ тѣлесная сила искусственно развивалась посредствомъ физическихъ упражненій. Въ настоящее время дѣти являются самыми искренними поклонниками физической силы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, какимъ почтеніемъ пользуются въ школахъ сильные и смѣлые мальчики, съ какимъ восхищеніемъ болѣе слабые рассказываютъ о ихъ подвигахъ, съ какимъ удовольствіемъ подражаютъ имъ и какъ охотно дѣти даютъ почувствовать свою силу слабѣйшимъ и маленькимъ животнымъ. Видоизмѣненіемъ культа физической силы служитъ культъ богатства. Среди извѣстнаго класса современнаго населенія ничто не вызываетъ такого уваженія и подражанія, какъ богатство. Наоборотъ, для человѣка, возвысившагося надъ этой

вульгарной и позорной точкой эрѣвнїа, привлекательнѣй жизнь ученаго, художника, героя добродѣтели, хотя бы она и сопряжена была съ величайшими лишенїями. Лучшимъ подтвержденїемъ этого служитъ дуэль, явленїе, имѣющее глубокїе историческїе корни на западѣ и искусственно воспитываемое у насъ. Поклонники этой кулачной расправы считаютъ презрѣннымъ прощающаго обиды и почтеннымъ „смывающего“ ихъ своею или чужою кровїю.

Чувство простаго пассивнаго удивленїа переходитъ въ чувство уваженїа лишь въ томъ случаѣ, если выдающїяся свойства предмета удивленїа находятъ откликъ въ душѣ наблюдателя, если эти свойства уже равнѣ были для него желательны. Тогда только, видя въ другомъ наиболѣе полное осуществленїе своихъ завѣтныхъ стремленїй, человекъ получаетъ наиболѣе сильное побужденїе для дѣятельности, направленной къ прїобрѣтенїю для себя тѣхъ же свойствъ. Здѣсь происходитъ то же, что съ голоднымъ. Голодь съ особенною силою начинаетъ мучить человека и возбуждать къ дѣятельности тогда, когда онъ видитъ предъ собою вкусную пищу. Мученїа жажды бываютъ особенно нестерпимы тогда, когда миражъ дразнитъ путника песчаной пустыни или когда моряка, лишеннаго прѣсной воды, манятъ къ себѣ прозрачныя струи моря.

Итакъ, удивленїе, которое возбуждаютъ въ человекѣ выдающїяся свойства извѣстнаго авторитета, можетъ переходить въ чувство уваженїа и возбуждать къ подражанїю лишь въ томъ случаѣ, если эти свойства и безъ того уже были предметомъ безсознательныхъ или плохо сознаваемыхъ стремленїй.

б) Зависимость уваженїа отъ степени нравственнаго совершенства предмета уваженїа видна изъ слѣдующихъ особенностей возникновенїа и развитїа этого чувства.

аа) Прежде всего обратимъ вниманїе на лица, которыя обыкновенно внушаютъ къ себѣ уваженїе. Мы уважаемъ обыкновенно родителей и воспитателей, умственныхъ, нравственныхъ и религіозныхъ руководителей общества. Все это—люди, которые извѣстны намъ главнымъ образомъ со стороны своего нравственнаго влїянїа на насъ. Наоборотъ, мы уже менѣе уважаемъ

равныхъ, т. е., тѣхъ, съ кѣмъ насъ связываютъ не одни только нравственные интересы. Наконецъ, люди, лишенные на нашъ взглядъ всякаго нравственнаго содержанія, возбуждаютъ тѣмъ менѣе уваженія, чѣмъ они сильнѣе, вліятельнѣе и выше по своему общественному положенію.

бб) Значеніе нравственнаго совершенства въ чувствѣ уваженіе доказывается также тѣми средствами, которыя обыкновенно употребляются для сохраненія къ себѣ уваженія въ другихъ. Всякія слабости, ошибки и погрѣшности, замѣчаемыя въ характерѣ уважаемаго человѣка, понижаютъ наше уваженіе къ нему. Извѣстно, что никто такъ мало не уважаетъ великаго человѣка, какъ его лакей. Поэтому для сохраненія уваженія къ себѣ необходимо или быть безукоризненнымъ, или прятаться. Такъ какъ первое встрѣчается очень рѣдко, то обыкновенно практикуется второе. Это инстинктивно сознаютъ всѣ авторитеты въ мірѣ, покупающіе уваженіе уединеніемъ, замкнутостію и таинственностью образа жизни. Далай-Лама и китайскій богдыханъ прекрасно знаютъ, что самый ревностный поклонникъ перестанетъ вѣрить въ ихъ божественное достоинство, если поживетъ съ ними недѣли двѣ въ одной комнатѣ, и предпочитаютъ скрываться отъ толпы. Опираясь на это наблюденіе, Борисъ Годуновъ у Пушкина совѣтуетъ своему сыну стоять не слишкомъ близко къ народу.

Потому-то, если авторитетъ не боится быть на виду, то это служитъ для него лучшею рекомендаціей.

сс) О связи между нравственнымъ совершенствомъ и уваженіемъ говоритъ также то обстоятельство, что разстояніе и смерть вліяютъ на уваженіе повышающимъ образомъ. Смерть отодвигаетъ отъ насъ образъ человѣка на такое грамадное разстояніе, что изъ нашихъ глазъ исчезаютъ уже всѣ его слабости и мелкія погрѣшности. Для воображенія остаются доступными лишь общія очертанія его нравственнаго облика, общее направленіе его воли, такъ что дѣйствіе на насъ его нравственнаго достоинства не встрѣчаетъ препятствія въ незначительныхъ и мелкихъ уклоненіяхъ его воли.

Но какое же дѣйствіе можетъ произвести авторитетъ въ

томъ случаѣ, если требованія его произвольны и не соотвѣтствуютъ скрытымъ нравственнымъ стремленіямъ тѣхъ, къ кому они обращены,—если они противны этимъ стремленіямъ или по крайней мѣрѣ безразличны съ нравственной точки зрѣнія? Очевидно, въ первомъ случаѣ человѣкъ будетъ противиться имъ, а во второмъ будетъ оставаться къ нимъ равнодушнымъ. Добиться исполненія своихъ требованій въ данномъ случаѣ авторитетъ можетъ только однимъ путемъ—посредствомъ устрашенія. Но при этомъ требованія авторитета во-первыхъ будутъ исполняться лишь внѣшнимъ образомъ и съ внутреннимъ противодѣйствіемъ. Предписанія авторитета опредѣляютъ въ этомъ случаѣ лишь дѣло, а не самую волю, не возбуждаютъ въ ней желанія, соотвѣтствующаго повелѣнію. Во-вторыхъ, мотивомъ въ подобныхъ случаяхъ является уже не уваженіе, а чисто эгоистическій страхъ, нравственное значеніе котораго отрицаетъ самъ Кирхманъ.

Имѣя въ виду все сказанное относительно чувствъ удивленія и уваженія и объ ихъ отношеніяхъ къ волѣ, мы останавливаемся предъ слѣдующей дилеммой. Если мы признаемъ психологической основой нравственности уваженіе, то должны будемъ сознаться, что эта мнимая основа нравственности предполагаетъ уже ея существованіе, потому что самое чувство уваженія можетъ возникнуть лишь въ томъ случаѣ, если во 1-хъ требованія авторитета согласны съ нравственнымъ закономъ и если во 2-хъ въ душѣ тѣхъ, къ кому обращается авторитетъ съ такими требованіями, уже ранѣе существуютъ, хотя бы и въ бессознательномъ видѣ, нравственныя стремленія. Если же, зная этотъ кругъ, мы дѣйствительно поставимъ своею задачею вывести нравственность изъ авторитета, при предположеніи отсутствія ея какъ въ повелѣвающемъ, такъ и въ подчиненныхъ, то единственнымъ дѣятелемъ въ возникновеніи нравственности должны будемъ признать страхъ и возвратиться къ эгоистической этикѣ утилитаризма.

3) Въ заключеніе критики ученія Кирхмана мы должны высказаться также противъ его третьяго положенія, согласно которому авторитетъ предписываетъ законы произвольно. По-

добное мнѣніе можетъ имѣть основаніе только въ поверхностномъ истолкованіи нѣкоторыхъ фактовъ исторіи. Извѣстно, какимъ большимъ вліяніемъ пользуются иногда жрецы и вожди. Отсюда поспѣшно дѣлаютъ заключеніе, что стоитъ только этимъ главамъ первобытныхъ обществъ что-нибудь приказать отъ имени ли Божества, или отъ своего собственнаго, чтобы воля ихъ стала закономъ для ихъ подчиненныхъ. Болѣе глубокіе, не обольщающіеся видимостью историческіе взгляды, въ настоящее время почти общепризнанные, сводятся напротивъ къ признанію сильной зависимости одной личности отъ окружающаго общества. Согласно этому воззрѣнію, вожди не изобрѣтаютъ и не предписываютъ произвольно измышленныхъ законовъ, а служатъ лишь истолкователями нравственныхъ стремленій, глубоко заложенныхъ въ духѣ отдѣльныхъ личностей. Справедливость этого воззрѣнія не трудно доказать по отношенію ко всѣмъ перечисленнымъ у Кирхмана авторитетамъ.

Представителями Божества Кирхманъ считаетъ жрецовъ. Предписанія этихъ послѣднихъ отъ имени боговъ могутъ имѣть авторитетъ въ глазахъ народа лишь въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ его представленію о Божествѣ. Это общій законъ религіозной вѣры, приложимый какъ къ истиннымъ, такъ и къ ложнымъ религіямъ. Воля Божества дѣлается извѣстной народу чрезъ пророковъ. Но какъ отличить истиннаго пророка отъ ложнаго? Очевидно, что критерій для такого различенія лежитъ въ самихъ слушателяхъ проповѣди. Нужно, чтобы они сами признали въ проповѣди голосъ Бога. Для человѣка Богъ всегда является существомъ въ высшей степени совершеннымъ. Поэтому только ту проповѣдь человѣкъ признаетъ исходящей отъ Бога, въ которой онъ видитъ выраженіе понятныхъ для него и высоко цѣнимыхъ совершенствъ. Отсюда тотъ фактъ, что Боги различныхъ народовъ соотвѣтствуютъ нравственному состоянію этихъ послѣднихъ. Замѣчено, что боги людоѣдовъ тоже людоѣды. „По наружному виду, говоритъ Климентъ Александрійскій, каждый рисуется боговъ подобнымъ себѣ. Такъ „Эіопляне, какъ говоритъ Ксенофанъ, изображаютъ ихъ чернолицыми и со вздернутымъ носомъ; Фракіяне—голубоглазыми и

съ мѣднокраснымъ цвѣтомъ лица.“ Равнымъ образомъ каждый предполагаетъ и существованіе въ нихъ души, подобной собственной душѣ. Такъ боги варваровъ отличаются суровостью и жестокосердіемъ; боги грековъ болѣе кротки, но имъ свойственны всѣ наши страсти. Что же слѣдуетъ изъ всего этого? А то, что люди нравственно дурные составляютъ себѣ и понятія о богахъ такія же; люди же добродѣтельные воображаютъ ихъ прекрасными“. ¹⁾

Неотразимое вліяніе христіанской проповѣди на сердца людей обуславливалось тѣмъ, что она затрогивала и оживляла нравственныя стремленія, дремавшія въ душѣ человѣка. Человѣкъ съ умиленіемъ слушалъ ее, находя въ ней ясное выраженіе собственныхъ смутныхъ чаяній. Такъ, проповѣди ап. Петра слушатели повѣрили потому, что „умилились сердцемъ“ ²⁾.

Съ другой стороны лучшимъ опроверженіемъ язычества для христіанскихъ апологетовъ служило указаніе на безнравственность боговъ народной мифологіи. ³⁾ Опровергая обвиненія христіанъ въ томъ, что они будто бы по предписанію своей религіи совершаютъ человѣкоубійство и кровосмѣшеніе, Тертуліанъ говоритъ, что никто не повѣрилъ бы въ божественное происхожденіе религіи, предписывающей такіе ужасы. „Скажите пожалуйста, спрашиваетъ онъ язычниковъ, согласились ли бы вы купить безсмертіе такую цѣною? Конечно, нѣтъ. Вы не повѣрили бы, что его можно купить такую цѣною. А если бы и повѣрили, то навѣрное не захотѣли бы его, а если бы и захотѣли, то не могли бы достигнуть его“. ⁴⁾

Такимъ образомъ только такая проповѣдь можетъ быть признана выраженіемъ воли Бога, которая соотвѣтствуетъ идеалу совершенства, цѣнность котораго уже ранѣе признается слушателями ея. Слѣдовательно, произвольныя предписанія жрецовъ, выдаваемые ими за волю Боговъ, могутъ имѣть автори-

¹⁾ Строматы кн. VII гл. 4 (стр. 802—803).

²⁾ Дѣян. 2, 37.

³⁾ Св. Іустинъ, Аѳинагоръ, Минуцій Феликсъ, Клементъ Александрійскій и др.

⁴⁾ Apol. 8.

тетность въ глазахъ народа лишь въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ его понятіямъ о нравственномъ совершенствѣ, въ противномъ случаѣ народъ не повѣритъ въ ихъ божественное посланничество, и ихъ предписанія не могутъ возбудить ни въ комъ чувства уваженія. Такимъ образомъ, религіозный авторитетъ жрецовъ, изъ котораго Кирхманъ хочетъ объяснить происхожденіе нравственныхъ понятій, уже предполагаетъ существованіе нравственности у тѣхъ, кто считаетъ ихъ за посланниковъ боговъ.

Тоже самое нужно сказать и о вождяхъ. Во первыхъ, сами они стоятъ подъ вліяніемъ обычаевъ и понятій своего племени. Далѣе, въ настоящее время духъ народа, его нравы, возрѣнія, вкусы, стремленія дѣйствуютъ на каждую единицу неуправимыми, но многочисленными путями. Въ силу этого можетъ слагаться типъ нѣмца, русскаго, француза. На первыхъ ступеняхъ развитія это вліяніе племени на единицу бываетъ еще неотразимѣе, потому что обособленіе (индивидуализація) возрастаетъ по мѣрѣ развитія культуры, въ началѣ же этого движенія впередъ племя представляетъ собой однородную массу. Вслѣдствіе этого вождь такого первобытнаго общества неизбежно является выразителемъ нравственнаго и юридическаго сознанія своего племени, какъ бы сильно ни стремился онъ къ самостоятельности и произволу.

Съ другой стороны, предписанія вождя могутъ имѣть значеніе и оказывать прочное вліяніе на бытъ только тогда, когда общество такъ или иначе подготовлено къ усвоенію этихъ новеллъ. Примѣры безуспѣшности самыхъ благодѣтельныхъ реформъ, если онѣ предпринимаются преждевременно и не имѣютъ корней въ дѣйствительномъ состояніи общества, вполне доказываютъ это. Исторія убѣждаетъ насъ, что всѣ древніе законодатели, оказавшіе прочное вліяніе на жизнь народовъ, черпали свои законы изъ обычнаго права. Они узаконяли то, что еще ранѣе исполнялось силою обычая. Такимъ образомъ, выясненная зависимость вождя отъ племени дѣлаетъ невозможнымъ полный и грубый произволъ съ его стороны. Вождь является не изобрѣтателемъ нравственности, а выразителемъ нравственнаго состоянія своего племени.

Накопецъ, авторитетъ народа точно также не создаетъ нравственность, а уже предполагаетъ ея существованіе. Обычай въ древнихъ обществахъ дѣйствительно оказываетъ могучее давленіе на личность, замѣняя собою право. Но обычай есть плодъ совокупнаго (коллективнаго) творчества всего племени. Въ немъ очевидно не можетъ быть ничего такого, чего не заключалось бы въ каждой единицѣ, вложившей свою долю въ его образованіе. Обычай въ этомъ отношеніи напоминаетъ языкъ. Если бы въ каждомъ человѣкѣ не было способности къ членораздѣльной рѣчи, то очевидно, что языкъ никогда не могъ бы возникнуть. Точно также, если бы въ единицахъ не существовало признанія цѣнности извѣстныхъ поступковъ, то обычай, освящающій ихъ, никогда не могъ бы возникнуть. Такимъ образомъ, сила и авторитетность обычая покоится не столько на силѣ и могуществѣ народа, способныхъ внушать къ себѣ уваженіе въ единицахъ, сколько на томъ, что обычай находитъ откликъ въ нравственныхъ стремленіяхъ единицъ.

Итакъ, перечисленные Кирхманомъ авторитеты никогда не могутъ произвольно предписывать законы, во-первыхъ потому, что сами они стоятъ подъ вліяніемъ племени или общества, а во-вторыхъ потому, что только соотвѣтствіе повелѣній скрытымъ стремленіямъ обществъ сообщаетъ этимъ послѣднимъ силу и прочность. Нравственныя предписанія авторитетовъ предполагаютъ уже существованіе нравственности, которую Кирхманъ старается объяснить изъ ихъ произвола.

Первая изъ указанныхъ ранѣе задачъ нашей критики ученія Кирхмана—указаніе его недостатковъ—окончена. Перейдемъ теперь ко второй—къ указанію его положительныхъ сторонъ, которыя съ извѣстнымъ пополненіемъ должны быть усвоены исторіей нравственности.

II. Отвергая чувство уваженія въ качествѣ единственнаго принципа объясненія нравственности, мы должны однако признать за нимъ значеніе одного изъ элементовъ объясненія.

Уваженіе не есть только нравственное побужденіе, стоящее внѣ всякаго необходимаго отношенія къ содержанію нравственности, какъ полагаетъ Кирхманъ, а само входитъ въ составъ

содержанія нравственности. Отношенія менѣе совершенныхъ въ нравственномъ смыслѣ членовъ общества къ болѣе совершеннымъ въ томъ только случаѣ вызываютъ нравственное одобреніе, если они проникнуты чувствомъ уваженія. Чѣмъ выше нравственное значеніе лица, къ которому мы имѣемъ моральныя отношенія, тѣмъ болѣе уваженія требуетъ отъ насъ нравственное сознаніе. Поэтому въ отношеніи къ Богу, личности превосходящей своими совершенствами всякую опытную дѣятельность, мы должны имѣть высшую степень уваженія—благоговѣніе. Но уваженіе должно имѣть мѣсто не въ отношеніяхъ только къ наиболѣе совершеннымъ членамъ общества, но и по отношенію къ равнымъ и низшимъ. Какъ бы низко ни палъ человѣкъ, психологическія основы нравственности никогда совершенно не уничтожаются въ немъ, исключая можетъ быть болѣзненные случаи. Поэтому нужно оказывать уваженіе и падшимъ, которое должно относиться къ искрамъ добра въ душѣ человѣка, готовымъ при благопріятныхъ условіяхъ разгорѣться въ яркій пламень. Пусть презрѣніе и негодованіе относится къ преступленію, а не къ преступнику. Необходимость уваженія въ данномъ случаѣ тѣмъ яснѣе, что оно служитъ однимъ изъ условій нравственнаго возрожденія. Вѣра въ собственныя силы имѣетъ огромное значеніе во всякомъ дѣлѣ. Человѣкъ легко можетъ пройти по узкой доскѣ, лежащей на землѣ, но если ту же доску перекинуть чрезъ пропасть, то лишь характеръ рѣдкой силы можетъ воспользоваться этимъ мостомъ: назойливая мысль о возможности паденія дѣлаетъ походку колеблющейся и ненадежной. То же самое наблюдается и во всякомъ дѣлѣ. Вѣра въ успѣхъ есть залогъ успѣха. Поэтому-то не слѣдуетъ постоянно указывать падшему на его слабость и преступность, чтобы не убить въ немъ вѣры въ возможность исправленія. Наоборотъ, уваженіе, которое оказываютъ ему, убѣждаетъ его въ томъ, что для него не все еще потеряно, и на эту-то увѣренность онъ можетъ опереться, желая возстать отъ своего паденія.

Итакъ, уваженіе входитъ въ составъ содержанія нравственнаго закона. Но лишь поверхностный и крайне односторонній

моралистъ рѣшится утверждать, что уваженіемъ исчерпывается все его содержаніе. Взаимныя отношенія людей, предписываемыя нравственнымъ закономъ, не ограничиваются уваженіемъ, но состоятъ также въ сочувствіи, любви и искренности. Поэтому необходимо признать, что основою содержанія нравственности служитъ не одно уваженіе, но и другія склонности—каковы состраданіе, сорадованіе и любовь.

Но уваженіе является принципомъ слишкомъ узкимъ для извлеченія изъ него содержанія нравственности не потому только, что изъ него нельзя вывести добродѣтелей любви и искренности, но и потому, что самыя отношенія между нравственно высшимъ и низшимъ, если они опредѣляются только чувствомъ уваженія, не могутъ вполне соответствовать требованіямъ нравственности.

Уваженіе само по себѣ служитъ выраженіемъ нѣкотораго единенія между уважаемымъ и уважающимъ, потому что, преклоняясь предъ выдающимся нравственнымъ достоинствомъ, человѣкъ до нѣкоторой степени усваиваетъ его себѣ. Если человѣкъ восхищается достоинствами другого, то воля его находится уже на пути къ пріобрѣтенію ихъ для себя, потому что радость, соединенная съ представленіемъ извѣстнаго предмета, указываетъ на то, что воля уже стремится къ нему. Поэтому уваженіе, испытываемое нами къ человѣку съ выдающимися нравственными достоинствами, отождествляетъ до нѣкоторой степени насъ съ нимъ въ общемъ нравственномъ стремленіи. Но если уваженіе ограничивается однимъ восхищеніемъ достоинствами другого, восхищеніемъ, не переходящимъ въ дѣйствительное подражаніе ему, то это отождествленіе является слишкомъ не полнымъ. Стремленіе не переходитъ въ дѣйствіе только въ томъ случаѣ, если оно слабо или встрѣчаетъ препятствіе въ другихъ стремленіяхъ. Поэтому, если въ уваженіи менѣе совершеннаго къ болѣе совершенному и есть нѣкоторое отождествленіе ихъ воли, то отождествленіе это далеко не полное. Отсюда уваженіе столько же разъединяетъ, сколько объединяетъ людей: оно всегда указываетъ разстояніе, раздѣляющее двѣ воли. Для того, чтобы чувство этого разстоянія не возрасло до отчужденія,

необходимо, чтобы чувство уваженія получило восполненіе со стороны любви, которая есть самая выдающаяся объединяющая сила. Сліяніе съ любовью не только освобождаетъ чувство уваженія отъ его недостатковъ, но и содѣйствуетъ наиболѣе полному его развитію. Любовь питаетъ и охраняетъ уваженіе. Всякая слабость, всякій нравственный промахъ, замѣчаемый въ томъ, къ кому мы относились съ уваженіемъ, понижаетъ въ насъ это чувство. Болѣе того, уваженіе, какъ и все вообще, гораздо легче подорвать, чѣмъ создать. Зданіе, старательно воздвигаемое безукоризненностію всей жизни, иногда приходитъ въ колебаніе отъ одного ложнаго шага. Любовь снисходительно относится къ слабостямъ другого и покрываетъ ихъ собою. Отсюда уваженіе, если оно соединяется съ любовью, отличается большою прочностью и постоянствомъ.

Далѣе, любовь не только охраняетъ, но и возбуждаетъ уваженіе. По мнѣнію Мальбранша и французскихъ спиритуалистовъ, любовь имѣетъ свою причину въ совершенствахъ другого, потому, что бессознательно ищетъ въ нихъ восполненія собственныхъ недостатковъ. Въ основѣ такихъ представленій лежитъ доля истины. Совершенства другого часто служатъ первымъ источникомъ для возникновенія любви. Но это справедливо по отношенію не ко всѣмъ видамъ любви. Причиною любви къ животнымъ и неодушевленной природѣ не можетъ быть уваженіе къ ихъ моральнымъ свойствамъ ¹⁾. Мать даже сильнѣе любитъ свое больное и безобразное дитя. Справедливѣе другое мнѣніе ²⁾, согласно которому любовь не есть жажда восполненія собственныхъ недостатковъ и несовершенствъ въ нравственномъ превосходствѣ другого, а скорѣе зависитъ отъ полноты силъ, ихъ излишка, изливающегося отъ субъекта къ объекту. На возникновеніе ея вліяетъ не столько свойство любимаго, сколько характеръ и природа любящаго. Это подтверждается нѣкоторыми эмпирическими наблюденіями. Всѣмъ хорошо из-

¹⁾ См. подробности о немъ: *A. Gormiez, Psychologische Analysen auf physiologischer Grundlage. Th. 2 Hälfte 2 S. 450—452, Magdeburg. 1878 r*

²⁾ *Guyau Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction. Paris 1885, pp. 18—25.*

вѣстно, что натуры мелкія и посредственныя не способны къ любви не столько по силѣ ихъ эгоизма, сколько по слабости всѣхъ проявленій душевной жизни. Даже любовь къ самому себѣ у нихъ не имѣетъ страстности, свойственной сильнымъ характерамъ. Замѣчено, что хищныя животныя сильнѣе привязываются къ человѣку, чѣмъ травоядныя. Ларошфуко былъ отчасти правъ, сказавъ, что слабость вреднѣе для добродѣтели, чѣмъ пороки. Положеніе слабаго и равнодушнаго Пилата въ отношеніи къ истинѣ было гораздо безнадежнѣе, чѣмъ состояніе страстнаго гонителя ея—Савла. Люди больные и старыя, т. е. утратившіе полноту силъ, часто становятся сухими и эгонстичными, наоборотъ, наивысшая способность къ любви и жертвѣ падаетъ на юность, весну нашей жизни, время полнаго разцвѣта силъ. Мы не хотимъ, конечно, сказать этимъ, что всѣ старики дѣлаются эгонстами. Бываютъ люди, надѣленные такою полнотою нравственныхъ силъ, что кажется, будто юность продолжается въ теченіе всей ихъ жизни. Ихъ какъ будто тяготитъ избытокъ силъ, который они стремятся излить на другаго, „Я желалъ бы имѣть друга, говоритъ Сенека, чтобы было за кого умереть“ ¹⁾. Такіе люди обыкновенно дарятъ свою любовь. Наоборотъ, если бы любовь обуславливалась совершенствами любимаго и коренилась въ стремленіи къ восполненію собственныхъ недостатковъ, тогда натуры слабыя и мелкія, т. е., наиболѣе нуждающіяся въ восполненіи, были бы самыми любящими.

Мнѣніе Гюйо и Горвица относительно зависимости любви отъ полноты силъ любящаго подтверждается и тѣмъ, что для возникновенія этого чувства не существуетъ одной какой-нибудь причины. Любовь охватываетъ человѣка по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Таковыми служатъ то обиліе силъ, красота или умъ, то, наоборотъ, слабость и безпомощность, то благодарность, то жалость, то общность интересовъ и жизненнаго опыта. Иногда любовь возникаетъ даже изъ ненависти и сознанія причиненнаго другому зла. Часто бываетъ даже, что

¹⁾ Письмо IX изъ книги Jules Simon'a, *Le devoir*, Paris, 1882, p. 109.

любовь нельзя оправдать никакими основаніями. Все это показываетъ, что сила, проявляющаяся въ любви, скопляется въ душѣ человѣка независимо отъ совершенствъ окружающихъ лицъ и старательно ищетъ лишь поводовъ для своего обнаруженія. Поэтому и достаточно бываетъ одного какого-нибудь рѣзкаго впечатлѣнія, чтобы вызвать ее къ жизни.

Наконецъ, на то же указываетъ и значеніе жертвы для укрѣпленія любви. Обыкновенно, чѣмъ болѣе усилій, тревогъ и лишеній переноситъ человѣкъ изъ-за любви къ другому, тѣмъ дороже становится для него этотъ послѣдній.

Потому-то мать часто сильнѣе любитъ больное дитя, лишаящее ее сна и спокойствія и превращающее всю ея жизнь въ сплошную тревогу.

Но не обуславливаясь совершенствами своего объекта, любовь всегда бываетъ связана съ его идеализаціей. Любовь желаетъ блага любимаго, она хочетъ, чтобы онъ обладалъ всѣми совершенствами и потому охотно вѣритъ въ нихъ. Мать открываетъ въ своемъ ребенкѣ такія достоинства, которыхъ вовсе не замѣчаетъ чужой. Люди добрые и любящіе обыкновенно съ трудомъ замѣчаютъ недостатки другихъ и бываютъ слишкомъ склонны вѣрить въ честность и добродѣтель людскую. Вотъ въ этой-то идеализаціи и лежитъ условіе, благопріятствующее возникновенію чувства уваженія. Такимъ образомъ любовь не только охраняетъ, но и рождаетъ уваженіе.

Обозрѣніе системы Кирхмана приводитъ насъ къ слѣдующимъ отрицательнымъ и положительнымъ результатамъ

1) По своему отношенію къ удовольствію и страданію чувство уваженія не имѣетъ никакихъ преимуществъ сравнительно съ другими чувствами, предметомъ которыхъ не служитъ собственное „я“.

2) Уваженіе нисколько не уясняетъ возможности происхожденія содержанія нравственности изъ произвольныхъ велѣній авторитета, потому что само оно предполагаетъ существованіе нравственности какъ въ душѣ уважающаго, такъ и въ характерѣ уважаемаго.

3) Уваженіе есть одинъ изъ составныхъ элементовъ содержанія нравственнаго закона, но не единственный.

4) Уваженіе пріобрѣтаетъ истинно-нравственный характеръ, прочность и благопріятную почвѣ для своего возникновенія и развитія, если соединяется съ любовью.

Перейдемъ теперь къ другимъ системамъ морали чувства и попытаемся подобнымъ же образомъ указать тѣ ограниченія, при которыхъ онѣ могутъ быть приняты для выясненія психологическихъ основъ нравственности.

И. Поповъ.

(Продолженіе будетъ).

ЦѢННОСТЬ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

ГЛАВА XII.

Попытка основать мораль безъ обязанности.

Прежде, чѣмъ идти далѣе, я долженъ рассмотреть послѣднее усиліе, которое дѣлаютъ въ наше время для того, чтобы сохранить мораль, не признавая въ ней ничего *трансцендентнаго*.

Одно изъ свойствъ нашего вѣка состоитъ въ стремленіи соединять матеріалистическое или, если угодно, патуралистическое отрицаніе съ склонностью къ идеальному. Увлекаясь одновременно и наукой, и искусствомъ, нашъ вѣкъ желалъ бы найти въ наукахъ о природѣ универсальное объясненіе вещей; это-то и заставляеть, или располагаетъ его все сводить къ физическому порядку; но онъ желалъ бы также сохранить все высшее, сводя его, съ цѣлію объясненія, на низшее, хотя и съ сохраненіемъ въ немъ его цвѣта и красоты,—чтобы можно было наслаждаться имъ умственно и нравственно. Онъ думаетъ сорвать превосходный плодъ нравственности съ того же самаго дерева, которое производитъ и все остальное. Это—такъ сказать нравственная эстетика на почвѣ полнѣйшаго натурализма.

Разсмотримъ опытъ этой эстетики, такъ какъ мы не должны оставлять безъ рассмотрѣнія никакихъ сомнѣній относительно безусловно оригинальнаго и высокаго характера долга, посредствомъ котораго мы вступаемъ въ нравственный міръ.

Формула этой теоріи весьма ясна: это—*мораль безъ обязан-*

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1896 г. № 12.

ности ¹⁾. Нѣтъ обязанности, такъ какъ говорить объ обязанности значитъ допускать нѣчто трансцендентное: мораль, безкорыстіе, преданность, даже самопожертвованіе,—все это удерживается, признается возможнымъ и даже объясняется безъ помощи идеи обязанности.

Это очень ясно, очень опредѣленно. Точка зрѣнія вполнѣ натуралистическая, вполнѣ научная,—въ ходячемъ смыслѣ этого слова. Ограничиваясь одной природой, представители этой морали думаютъ сохранить то, что ее превышаетъ. Для этого, прежде всего, стремятся показать и доказать, что обязанность, которую мы называемъ *нравственною* и которую лучше слѣдовало бы, по этой системѣ, называть *мистическою*, есть не что иное, какъ иллюзія. Происхожденіе же иллюзіи объяснить весьма легко: ее можно разсѣять, не затрогивая самой морали. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возникаетъ та иллюзія, которую мы называемъ нравственною обязанностью?

Она происходитъ отъ соединенія слѣдующихъ трехъ факторовъ: эволюціи, метафоры и естественныхъ законовъ жизни. Стоитъ только хорошо понять это соединеніе и тогда, по этой теоріи, объяснится, какимъ образомъ создается иллюзія, и какъ, подъ ея обманчивой наружностью, скрывается нѣчто прочное. Если, въ самомъ дѣлѣ, и есть въ нравственной иллюзіи что либо прочное, остающееся послѣ того, какъ иллюзія разсѣвается,—такъ это именно законы жизни. Такимъ образомъ, и не выходя изъ области природы, можно объяснить то, что, по видимому, ее превышаетъ. Чтобы опредѣлить ее еще точнѣе, и притомъ опять-таки не выходя изъ области природы, объясняютъ *генезисъ* этой метафизической и мистической иллюзіи (которая состоитъ именно въ томъ, что люди начинаютъ думать, будто они выступаютъ изъ границъ природы, возвышаются надъ нею), равно какъ и ея историческое образованіе—эволюціей; затѣмъ, посредствомъ анализа выдѣляютъ психологическіе эле-

¹⁾ Таково именно заглавіе сочиненія Гюйо, вложеніе и критическій разборъ котораго составляетъ всю эту главу: *Очеркъ морали безъ обязанности и безъ санкціи* (*Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction*).

менты, заключающіеся въ этой иллюзіи, и наконецъ въ законахъ жизни, т. е., опять-таки въ природѣ находятъ ея объективное основаніе. При помощи такихъ пріемовъ объясненія, удастся одновременно и разсѣять эту „иллюзію“ и сохранить изъ нея то, что составляетъ ея хорошую сторону и выгоду (*bénéfice*): когда она исчезаетъ, отъ нея, при такомъ объясненіи, еще остается нѣчто, достаточное для обезпеченія морали и ея научной состоятельности.

Удалось ли мнѣ передать, какъ слѣдуетъ, то, что есть оригинальнаго въ этой теоріи? Хорошо ли я намѣтилъ эту натуралистическую точку зрѣнія, которую любятъ называть теперь научной и которую защищаютъ съ такимъ искусствомъ и съ такимъ горячимъ желаніемъ относиться съ благоговѣніемъ,—хотѣлось бы сказать: съ *любовію*,—къ высшей и чистѣйшей нравственности? ¹⁾

Я надѣюсь на это и если я вдаюсь здѣсь, быть можетъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, въ подробности теоріи, то это затѣмъ, чтобы возможно лучше показать, въ чемъ состоитъ ея оригинальность,—оригинальность вполне достаточная для того, чтобы увлечь столь своеобразно настроенные умы „конца“ нашего „вѣка“ (*fin de siècle*).

Обязанность,—съ нравственною отвѣтственностью, съ одной стороны, и безкорыстіемъ и жертвою, съ другой,—объясняется, съ этой точки зрѣнія, такъ, что все трансцендентное, все мистическое, какъ принято говорить, уничтожается, причемъ однако же, хотятъ сохранить ея реальныя дѣйствія или результаты, т. е., факты практическіе. Все сводится къ тому, чтобы „направлять жизнь сообразно съ требованіями самой жизни“ ²⁾.

Такъ какъ жизнь по своей природѣ экспансивна и плодотворна, то въ живомъ существѣ происходитъ нѣчто въ родѣ внутренняго стѣсненія или давленія,—именно благодаря тому избытку жизни, который въ немъ заключается и требуетъ про-

¹⁾ *Очеркъ морали безъ обязанности*, стр. 230: „Мораль, натуралистическая и позитивистическая въ своемъ основаніи, упирается своею вершиною въ свободную метафизику“....

²⁾ *Очеркъ морали безъ обязанности*, стр. 245.

явленія. И вотъ оно спѣшитъ дѣйствовать; а такъ какъ чело-вѣкъ живетъ въ обществѣ, то онъ имѣетъ естественную на-клонность все представлять себѣ по образу и подобію чело-вѣческаго общества: и вотъ, пользуясь метафорой, онъ говоритъ о внутреннемъ законѣ и объ отвѣтственности. Съ теченіемъ времени и подъ вліяніемъ эволюціи, первоначальное происхо-жденіе чувствованій и понятій мало-по-малу изглаживается и, такимъ образомъ, въ сознаніи, наконецъ, почти уже ничего не остается ни изъ этого чувства давленія жизни, или внутрен-няго стѣсненія, ни изъ этихъ общественныхъ фактовъ, такъ что нравственная обязанность является уже чѣмъ-то простымъ и первоначальнымъ, а между тѣмъ она, какъ только что ска-зано, есть не что иное, какъ именно давленіе (*pression*) жиз-ни въ насъ, соединенное съ образами соціальнаго происхож-денія. Тотъ же самый законъ экспансивности, въ соединеніи съ извѣстной теоріей риска, получившей теперь такой автори-тетъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ психологическихъ наблюденій, объясняетъ преданность и даже жертву. Здѣсь также, съ те-ченіемъ времени изглаживается первоначальное происхожденіе этихъ движеній духа, почему и начинаетъ казаться, будто въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ чувствомъ *mi generis*, съ простымъ и несводимымъ ни къ чему другому понятіемъ, въ которомъ находятъ характеръ трансцендентности, соединенный съ таинственнымъ очарованіемъ и мистическимъ авторитетомъ.

Вотъ попытка замѣнить нравственную обязанность и ея ко-ролларіи (вытекающія изъ нея положенія) „эквивалентами“ (т. е., равносильными чувствованіями и понятіями). Разсмотримъ эту попытку.

Я обращаюсь прежде всего къ понятію обязанности. Въ немъ вся суть дѣла. Безъ обязанности даже самопожертвова-ніе было-бы ничто, такъ какъ въ немъ не заключалось бы тогда ничего нравственнаго. Не всегда, конечно, самопожер-твованіе обязательно, какъ мы увидимъ это далѣе; но стоитъ только отнять нравственную обязательность, допустить, что нѣтъ ничего нравственно-обязательнаго,—и тогда самопожер-твованіе уже не будетъ болѣе нравственнымъ поступкомъ, но

будеть страстью,—страстью, такъ сказать пожирающею (dévorante). Слѣдовательно, если обязанность объясняется посредствомъ „давленія жизни, которая требуетъ обнаруженія и стремится сообщаться ¹⁾ другимъ,—то самопожертвованіе перестаетъ существовать, какъ нравственное явленіе. Тогда это лишь потребность или инстинктъ,—но уже не обязанность. Сказать: я *долженъ* сдѣлать это, по вашему, значитъ сказать: я расположенъ, готовъ, намѣренъ сдѣлать,—μῆλλω, какъ говорили греки; и при томъ—намѣренъ или готовъ сдѣлать потому, что могу, потому, что меня влечетъ или побуждаетъ естественная склонность. Но развѣ *это* мы понимаемъ подъ словомъ долгъ? Нѣтъ, ваши „эквиваленты“ здѣсь недостаточны. Поставивъ на первомъ планѣ потребность, которая должна объяснять страсть, вы въ сущности не нашли ничего, что содержало бы, хотя бы лишь въ зародышѣ, обязанность или долгъ въ нравственномъ смыслѣ этого слова.

Затѣмъ, какое значеніе придаете вы, въ вашей теоріи, репрессивному характеру нравственнаго закона? Видѣтъ въ немъ лишь этотъ его характеръ, безъ сомнѣнія, было бы заблужденіемъ; но не меньшее заблужденіе будетъ и—не признавать этого свойства. Если нравственный законъ часто имѣетъ характеръ импульсивный; если вѣрно, что не всегда его можно сравнивать съ барьеромъ, передъ которымъ мы должны останавливаться; если онъ открываетъ для нашей дѣятельности поприще, на которое мы должны вступить и на которомъ должны подвизаться впередъ: то перестаетъ ли, вслѣдствіе всего этого, быть вѣрнымъ то, что въ насъ существуютъ склонности, несогласныя съ нравственнымъ закономъ? Но, если обязанность есть лишь „давленіе жизни“, требующей проявленія, то откуда мы возьмемъ силу противостоятъ этимъ склонностямъ? Безспорный фактъ, что между нравственнымъ закономъ и нашими желаніями часто бываетъ столкновеніе, конфликтъ. Въ насъ постоянно поднимается и, такъ сказать, клокочетъ

¹⁾ *Очеркъ морали безъ обязанности*, passion, особенно кн. I-ая, гл. IV в кн. IV, гл. II. Заключение.

что-то такое, чему противостоить и противорѣчить нравственный законъ. Какъ-же объяснить это столкновение тою обязанностью, какую воображаетъ разсматриваемая теорія?

Тотъ, кто видитъ въ человѣческой нравственности лишь выраженіе естественныхъ наклонностей, ровно ничего въ ней не понимаетъ. Для того, чтобы поступать нравственно, еще недостаточно слѣдовать своимъ наклонностямъ и, такъ сказать, открывать шлюзы своей природы. Напротивъ, необходимо сдерживать себя и ограничивать. Даже и въ томъ случаѣ, когда нравственный поступокъ соотвѣтствуетъ природной наклонности, всетаки, не въ этомъ соотвѣтствіи заключается его нравственное достоинство. Онъ пріобрѣтаетъ этотъ характеръ изъ другого источника. Всѣ моралисты дѣлали, на примѣръ, различіе между благотворительностью или добротой *по темпераменту* и—благотворительностью или добротой *по добродѣтели*. Не то, чтобы преодоленіе трудностей составляло здѣсь нравственную цѣнность: нѣтъ, если въ добротѣ по добродѣтели есть нравственное достоинство, а въ добротѣ по темпераменту его нѣтъ, то это зависитъ не отъ того, что въ первомъ случаѣ требуется побѣда надъ собою, преодоленіе своихъ наклонностей, но—отъ того, что здѣсь имѣетъ мѣсто уваженіе къ закону, любовь, которая и движетъ душу къ высшему и святому. Не противиться своей природѣ, слѣдовать только ея побужденіямъ, хотя бы даже и хорошимъ, не значитъ еще быть добродѣтельнымъ: это не есть нравственность, но есть лишь слѣпая потребность, инстинктъ. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно говорить о человѣческой жизни и человѣческой нравственности и въ то же время забывать объ этой наклонности къ эгоизму, которая существуетъ въ душѣ каждаго человѣка, а, слѣдовательно, и—о необходимости искоренять эгоизмъ, каковая необходимость есть, такъ сказать, первый членъ и первое условіе нравственной дѣятельности? ¹⁾ Странное явленіе: въ новыхъ

¹⁾ Именно это и выразилъ Платонъ столь-энергично въ *Республикѣ* и *Федонѣ*. Съ тѣхъ поръ, какъ явилось христіанство, мы встрѣчаемъ это положеніе вездѣ. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Мальбраншъ: *Трактатъ о морали* (*Traite de morale*), гл. V: „Въ извѣстные моменты, когда плоть заявляетъ о себѣ и страсти возбуж-

школахъ нравственности о человѣкѣ имѣютъ довольно бѣдное понятіе,—въ немъ все хотятъ объяснить безъ помощи какой-нибудь высшей идеи; но вмѣстѣ съ тѣмъ этому человѣку—животному усвояютъ какую-то непонятную доброту, на которую и возлагаютъ безконечныя надежды! Воображаютъ, что со временемъ *альтруизмъ*, какъ принято теперь выражаться, одержитъ верхъ и восторжествуетъ надъ всѣмъ, такъ что въ золотомъ вѣкѣ, о которомъ теперь такъ мечтаютъ и который будто-бы готовится наукой, человѣчеству не нужна уже будетъ болѣе добродѣтель: добро будетъ твориться, какъ бы само-собой, безъ всякаго усилія съ нашей стороны ¹⁾). Само движеніе жизни будто бы естественно стремится къ добру. Повторяю еще разъ: думать такъ, значитъ обнаруживать странное непониманіе человѣка. Мораль, которая неспособна противорѣ-

дены, человѣкъ готовъ, еслибы было возможно, пожертвовать всѣмъ міромъ ради своей славы и своихъ наслажденій—Гратри, *Познаніе души* (Connaissance de l'âme), въ превосходной главѣ „*Два Очага*“ (Deux Foyers): „Могу ли я не видѣть того, что я люблю себя больше, чѣмъ кого-либо другого, чѣмъ порядокъ, справедливость и истину, а слѣдовательно, больше, чѣмъ Бога; что не только люблю себя больше, чѣмъ ближнихъ, но что даже согласенъ, ради того, чтобы получить хотя каплю счастья, допустить страданіе другого? Пусть каждый заглянетъ въ глубину своего сердца. Кто не испыталъ въ своей жизни минутъ звѣрской страсти, въ припадкѣ которой онъ способенъ допустить уничтоженіе хотя-бы всего рода человѣческаго, лишь бы только хоть этою цѣною удовлетворить свое вождельвіе?... И въ *Источникахъ* (Sources), II часть, стр. 42: „Очевидно всѣ люди рождаются въ страсти, въ склонности къ себѣ больше, чѣмъ къ другимъ“... Паскаль говоритъ то же самое. И Кантъ повторяетъ то же, но—съ еще большею силой.

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ въ *Data of Ethics* пишетъ: „Послѣдній видъ альтруизма будетъ состоять въ наслажденіи удовольствіемъ, происходящимъ отъ нашего сочувствія радостямъ другихъ, которыя произведетъ счастливое прамѣненіе ими всѣхъ своихъ силъ: это будетъ радость сочувствія (симпатія), которая ничего не стоитъ тому, кто ее испытываетъ, но которая многое прибавитъ къ его эгоистическимъ радостямъ“. И въ другомъ мѣстѣ: „Истинно-честный человѣкъ, который иногда встрѣчается, уплачивалъ свой долгъ, не только не помышляетъ о принужденіи закона,—религіознаго или гражданскаго,—но не думаетъ даже и объ обязанности, которую мы будто бы налагаемъ на себя сами. Онъ дѣлаетъ добро *изъ чистаго удовольствія* его дѣлать и, конечно, онъ не потерпитъ, чтобы хоть что-нибудь помѣшало ему его дѣлать“. Да, я съ этимъ согласенъ; но съ однимъ ограниченіемъ: онъ будетъ дѣлать это по требованію добродѣтели и нравственнаго закона, а не по одной только естественной склонности.

чить и противиться природѣ,—такая мораль есть утопія, опровергаемая ежедневнымъ опытомъ.

Но перейдемъ къ теоріи риска. Вы прибѣгаете къ риску, чтобы объяснить самопожертвованіе ¹⁾. Вы указываете на нѣкоторые, незамѣченные до сихъ поръ, ресурсы человѣческой природы,—открываете въ элементахъ нашей природы, наименѣе замѣтныхъ и, такъ сказать, самыхъ скромныхъ,—неожиданныхъ союзниковъ вашей морали. Вы искусно показываете, какимъ образомъ и здѣсь, подъ вліяніемъ эволюціи, рискъ физическій становится рискомъ нравственнымъ и метафизическимъ; вы изучаете до тонкости рискъ спекулятивный и рискъ практической и объявляете, что все это,—и великія философскія гипотезы и нравственный героизмъ,—въ сущности одного происхожденія со страстью къ приключеніямъ и со склонностью къ опасностямъ.

Но, хотя бы даже и не требовалось по всѣмъ этимъ вопросамъ дѣлать никакихъ значительныхъ оговорокъ, всетаки одно, по крайней мѣрѣ, вполне очевидно,—именно, что вся эта теорія никакимъ образомъ не объясняетъ самой нравственной обязанности преданности и самопожертвованія. Здѣсь мы достигаемъ того взгляда, который можно было бы назвать самымъ глубокимъ во всей этой философіи. Вы говорите, что, въ сущности, жизнь и долгъ одно и то же: жизнь внушаетъ, поддерживаетъ и объясняетъ долгъ, а долгъ есть лишь выраженіе жизни. Въ этомъ положеніи вашемъ есть доля истины и она-то именно и придаетъ всей теоріи ея привлекательность и кажущуюся силу. Да, дѣйствительно, между жизнью и долгомъ существуетъ тайная гармонія: даже и въ томъ случаѣ, когда долгъ, какъ говорятъ, распинаетъ нашу плоть и умерщвляетъ (*mortifie*) ее, онъ въ то же время и тѣмъ самымъ оживляетъ и животворитъ (*vivifie*) нашу природу. Возьмемъ эти слова въ ихъ истинномъ смыслѣ и тогда вполне справедливо будетъ сказать, что долгъ есть выраженіе жизни, т. е., истинной жиз-

¹⁾ *Очеркъ морали безъ обязанности*, стр. 218 и *passion. et. str.* 227: „Актъ чистой любви“..

ни. А такъ какъ между долгомъ и жизнью существуетъ глубокая гармонія, то и между различными царствами природы существуютъ также аналогіи, такъ что, на примѣръ, въ томъ или другомъ растеніи, которое умираетъ, послѣ того какъ принесло свой плодъ, можно находить образъ или символъ этой чудесной плодотворности жертвы. Все это такъ. Однако, если долгъ является выраженіемъ жизни, то не иначе какъ подъ тѣмъ условіемъ, если мы будемъ разсматривать природу съ иной точки зрѣнія и инымъ образомъ, чѣмъ какъ это дѣлаете вы. Вѣдь вы умалчиваете о долгѣ, такъ какъ видите въ немъ лишь ложно-мистическое выраженіе жизни и природы. Вы не показываете, что между долгомъ и жизнью существуетъ глубокое согласіе: вы просто сводите долгъ къ жизни, а въ самой жизни принимаете во вниманіе лишь количество и интенсивность, такъ какъ признаете иллюзіей все, превышающее ту физическую и натуралистическую точку зрѣнія, съ которой вы на все смотрите. Итакъ, прежде всего сохранимъ долгъ, какъ онъ существуетъ,—съ его истиннымъ характеромъ, который есть характеръ нравственный, и тогда мы будемъ въ состояніи показать, что этотъ нравственный законъ гармонируетъ, въ сущности, съ природой, т. е., съ истинной природой, которая выражаетъ идеаль и въ которой, вслѣдствіе этого, необходимо принимать во вниманіе качество и совершенство.

Вы говорите объ *истинной* жизни ¹⁾, о жизни болѣе *высокой, возвышенной* ²⁾, о *высокой экзальтаціи* жизни ³⁾; по правдѣ сказать, вы не имѣете на это права. Принимая чисто натуралистическую теорію, обо всемъ этомъ нельзя говорить, такъ какъ уже самое употребленіе только что приведенныхъ словъ показываетъ, что въ жизни обращается вниманіе не на *интенсивность, силу*, но на *качество*. Ничто въ вашей системѣ не даетъ вамъ права говорить, что *высота идеала* ⁴⁾ объясняетъ героическія усилія; такъ какъ, по вашимъ сло-

1) *Очеркъ морали безъ обязанности*, стр. 245.

2) *Ibid*, стр. 224 в *passim*.

3) *Ibid*, стр. 250.

4) *Очеркъ морали безъ обязанности*, стр. 237.

вамъ, въ созерцаніи *красоты* цѣли можно почерпать мужество, достаточное для преодоленія всѣхъ препятствій, лежащихъ на пути къ подвигу ¹⁾. Ничто также не дозволяетъ вамъ заявлять, что „всѣ наши мелкія радости ничто въ сравненіи съ тою радостію, которую доставляетъ осуществленіе какой-нибудь *возвышенной* мысли“ ²⁾; что „бываетъ иногда потребнѣе сильно чувствовать себя великимъ и сознавать *возвышенность* своей воли“ ³⁾; что, наконецъ, „весьма рѣдко случается, чтобы человѣкъ палъ *настолько низко*, чтобы совершить, на примѣръ, подлость (*tâcheté*) съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, а тѣмъ болѣе съ удовольствіемъ“ ⁴⁾. Мнѣ нравятся всѣ эти замѣчанія и они, конечно, дѣлаютъ вамъ честь; но ни одно изъ нихъ не имѣетъ законнаго основанія въ вашемъ ученіи. Вы говорите о величіи, о возвышенности, о высокомъ идеалѣ. Но какъ можете вы все это цѣнить, смотря на все съ натуралистической точки зрѣнія? У васъ есть только одинъ термометръ для измѣренія количества или интенсивности жизни; а всѣ эти, столь часто повторяющіяся у васъ выраженія, предполагаютъ нѣчто совершенно иное, — *степень качества или совершенства*. Но что даетъ вамъ ваша теорія для установки этой новой мѣры?

Стюартъ Милль, говоря о счастіи, дѣлаетъ различіе между благородными и неблагородными удовольствіями, между благородной жизнью и жизнью низменною, вульгарною, пошлою ⁵⁾ и вообще соображеніе о *качествѣ* поступка или жизни, — какъ онъ и самъ въ этомъ сознается, — является у него каждый разъ, когда ему нужно произнести оцѣнку жизни или намѣтить цѣль человѣческихъ усилій. До такой степени вѣрно, слѣдовательно что необходимо или допустить существованіе чего-то превышающаго природу, разсматриваемую съ натуралистической точки зрѣнія, или-же отказаться отъ всякой морали. Но допустить

1) Ibid. стр. 237.

2) Ibid. стр. 237.

3) Ibid. стр. 211.

4) Ibid. стр. 224.

5) Смори послѣднюю страницу его *Ложики* и гл. II *Утилитаризма*.

первое,—это, очевидно, значитъ вступить именно въ ту область, которую теперь столь охотно называютъ *мистической*.

Выше я уже отклонилъ это послѣднее слово; теперь намъ слѣдуетъ рассмотреть и оцѣнить его ближе. Оно не ясно. Оно не имѣетъ своего собственнаго значенія. Если, въ самомъ дѣлѣ, подъ словомъ мистицизмъ подразумѣвать преобладаніе чувства и особенно воображенія, то оно несправедливо и ложно. Если же подразумѣвать подъ нимъ религіозную вѣру, религіозную экзальтацію, или что-либо подобное, то оно въ данномъ случаѣ, т. е., при разсужденіи о нравственности, неумѣстно, такъ какъ область нравственности, взятая сама по себѣ, не совпадаетъ съ областью религіозной. Наши философы—натуралисты, выбирая это слово, хотятъ сказать, что мы обращаемся къ чему-то пустому, иллюзорному, что насъ обманываетъ призракъ, и тѣмъ самымъ они хотятъ дать намъ понять, что мы представляемъ себѣ обязанность и весь строй нравственныхъ отношеній, какъ что-то недоступное чувствамъ, превышающее все остальное,—какъ природу, такъ и самого человѣка. Вотъ этотъ именно взглядъ и заслуживаетъ здѣсь нашего вниманія. Мы должны замѣтить имъ, что они невѣрно употребляютъ слово, дѣлая его синонимомъ всего тщетнаго, пустаго, призрачнаго; хотя они вполне правы, когда утверждаютъ, что нравственная обязанность есть нѣчто своеобразное, особенное, въ сравненіи съ другими явленіями. Они говорятъ неточнымъ языкомъ, хотя и вѣрно выражаютъ возвышенный характеръ нравственной обязанности, понимаемой въ смыслѣ простой первоначальной и несводимой ни на что другое идеи. Они отлично видятъ, что такое понятіе о нравственной обязанности ставитъ ее выше всего, дѣлаетъ изъ нея нѣчто, ни съ чѣмъ несоразмѣрное во всемъ мірѣ. Они, слѣдовательно, по своему выражаютъ тотъ же трансцендентный характеръ нравственной обязанности, который усвояемъ ей и мы. Въ самомъ дѣлѣ, признавая свою зависимость отъ нравственнаго закона и подчиняясь ему, я считаю его не только внутреннимъ, но и высшимъ сравнительно со всѣмъ тѣмъ, что существуетъ въ этомъ мірѣ, и даже сравнительно съ самимъ собою. Это—существенное свойство нравственнаго закона. Ког-

да я говорю, что онъ есть выраженіе моей воли, то я разумѣю мою идеальную волю и, если вижу въ немъ выраженіе моей человѣческой природы, то разумѣю лишь свою идеальную природу. Онъ выражаетъ не то, что я есмь въ дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ, но то, чѣмъ я *долженъ быть* по принципу и по идеѣ. Онъ предписывается мнѣ и повелѣваетъ мною. Какъ только я его созналъ, я уже выхожу изъ области природы и вступаю въ міръ невидимый, высшій. Какъ существо нравственное, я житель царства, или города, — какъ хотите назовите, — въ которомъ я признаю надъ собою иного владыку, а уже не инстинктъ и не силу. Это — царство цѣлей, говоря языкомъ Канта. Это городъ умовъ или духовъ, говоря языкомъ Лейбница. Я нахожу въ немъ, въ этомъ высшемъ царствѣ, существенно нравственный авторитетъ; встрѣчаю законодателя, голосъ котораго слышу въ своемъ разумѣ и въ своей совѣсти. И именно чрезъ это-то я и сознаю себя человекомъ, т. е., существомъ, отличнымъ отъ животнаго.

Вотъ къ какому результату приводитъ насъ разсмотрѣніе обязанности закона, въ чисто-нравственномъ смыслѣ этого слова. Но именно этого-то и не хотятъ замѣчать и, такъ какъ подобныя слова какъ-бы сами собою попадаютъ на языкъ, когда мы говоримъ о нравственномъ мірѣ, то стремятся по крайней мѣрѣ уменьшить и ослабить ихъ значеніе, истолковывая ихъ, какъ метафоры. Этотъ „законъ“, это „царство“, этотъ „городъ“, — что же такое все это? — спрашиваютъ насъ. Что это, какъ не слова, заимствованныя изъ соціальной и политической области и перенесенныя, посредствомъ метафоры, въ міръ идей? Это вѣрно, — отвѣчу я; но стоитъ лишь вдуматься и всѣ эти иносказательныя выраженія, которыя, при сравненіи ихъ съ буквальнымъ смысломъ, кажутся намъ какъ бы производными отъ него и даже, если хотите, его искаженіями, — всѣ эти выраженія окажутся болѣе вѣрными и болѣе содержательными, чѣмъ самый ихъ буквальный смыслъ: именно ихъ-то мы и должны будемъ тогда признать первоначальными, истинными, подлинными, а буквальный смыслъ, напротивъ, — производнымъ, понятнымъ лишь при ихъ свѣтѣ. Безспорно, конечно, что въ

соціальному и политическому міру существуютъ законы и общества; но гдѣ найдете вы то, что составляетъ *сущность* закона и общества, какъ не въ томъ, что мы называемъ міромъ идеальнымъ и нравственнымъ? Могли ли бы быть законы, если бы не существовало закона попреимуществу? Могли ли бы существовать общества, если бы общество по преимуществу,—общество умовъ или духовъ, соединенныхъ между собою спекулятивнымъ и практическимъ разумомъ,—не служило невидимымъ образцомъ, типомъ или идеаломъ для всѣхъ остальныхъ? И какой авторитетъ былъ бы возможенъ безъ высшаго авторитета невидимаго верховнаго Владыки, голосъ котораго мы слышимъ въ разумѣ и совѣсти? Такимъ образомъ, не нравственный міръ былъ измышленъ по образу соціального и политическаго строя, но, наоборотъ, самый соціальный и политическій строй организованъ по образу и подобию нравственнаго міра. Нравственный міръ не есть лишь блѣдная копія или несовершенное подражаніе соціального, который находится передъ нашими глазами, но, наоборотъ,—этотъ послѣдній служитъ символомъ перваго.

Хотятъ уничтожить такъ называемые нравственные догматы, хотятъ создать мораль, которая бы обходилась безъ этихъ догматовъ ¹⁾. Но это невозможно: умирая, эти догматы оживаютъ снова ²⁾. Что бы тамъ ни думали, но для того, чтобы сохранить хоть какой нибудь остатокъ нравственности, необходимо признавать различіе между тѣмъ, что *есть*, и тѣмъ, что *должно быть*,—необходимо, чтобы въ основѣ нравственныхъ дѣйствій и фактовъ лежала мысль о томъ, что *должно*

¹⁾ Фулье. *Критика системъ современной морали*. Предисловіе. „Въ былое время написано много трогательныхъ страницъ для доказательства „вымиранія“ религіозныхъ догматовъ: въ наше время можно бы было написать еще болѣе трогательныя страницы по вопросу, гораздо болѣе жизненному,—именно по вопросу о томъ, какъ вымирать нравственные догматы. Въ самомъ дѣлѣ, не падаетъ ли въ концѣ концовъ в самую идею долга, подъ высшею формою категорическаго императива,—этотъ послѣдній догматъ и тайное основаніе всѣхъ остальныхъ догматовъ,—не рушится ли и онъ послѣ того, какъ рушилось все то, что его поддерживало“.

²⁾ См. превосходную статью Каро (въ *Revue des deux Mondes*): *Какъ умираютъ догматы и какимъ образомъ они возраждаются снова?*

быть¹⁾. Но разъ это признано, все остальное отсюда слѣдуетъ неизбежно: будетъ ли то, что признается *долженствующимъ* быть, нравственно или безнравственно, но уже самый фактъ такого признанія чего-то *долженствующаго* быть заставляетъ насъ вступить въ высшій порядокъ явленій. Такимъ образомъ, *или* всѣ эти „эквиваленты“ и суррогаты, которые съ такимъ стараніемъ придумывали для того, чтобы замѣнить нравственность, не содержатъ въ себѣ ничего нравственнаго, а, слѣдовательно, и не способны замѣнить нравственность; *или же* они еще сохраняютъ въ себѣ нѣкоторыя истинно-нравственныя черты и тогда необходимо признать, для обоснованія морали и урегулированія жизни, принципъ, превышающій природу и человѣка,—трансцендентный, сущность котораго и выражаютъ, хотя ошибочно и неточно, называя его мистическимъ.

ГЛАВА XII.

Нравственный міръ.

Обязанность открываетъ намъ врата новаго міра. Войдемъ въ него и осмотримъ.

Идея нравственной обязанности не похожа на *всѣ* остальные. Ея нельзя свести ни на какую другую идею. Это—идея простая и первоначальная. Это данная разума и сознанія. Я хочу рассмотреть теперь все то, что она мнѣ даетъ.

Кто говоритъ: „обязанность“, тотъ говоритъ „подчиненность“. Это ясно. Разъ я чувствую и знаю, что обязанъ дѣлать одно и не дѣлать другого,—я уже нахожусь въ зависимости. Однако, это такая зависимость, которая не унижаетъ и не умаляетъ меня, а напротивъ,—возвышаетъ. Почему? Потому что то, что въ данномъ случаѣ управляетъ мною, лучше меня и ищетъ съ моей стороны добровольнаго повиновенія.

¹⁾ „Опытный методъ Бэна, весьма пригодный въ примѣненіи къ простымъ психическимъ феноменамъ, говоритъ Рибо, не такъ удаченъ, по нашему мнѣнію, въ данномъ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ не столько о фактахъ, сколько объ идеалѣ,—не столько о томъ, что *есть*, сколько о томъ, что *должно быть*“. Рибо, *Англійская психологія*, 3-е изданіе, стр. 276.

Событія создаютъ для меня *силу вещей*, которая меня принуждаетъ.

„Законы природы“ управляютъ мною грубо-это факты. Въ нихъ есть что-то болѣе сильное, чѣмъ я. Правда, зная ихъ, я могу ихъ эксплуатировать въ свою пользу, и такимъ образомъ до нѣкоторой степени подчинить себѣ природу. Но это нисколько не мѣшаетъ законамъ быть въ отношеніи ко мнѣ внѣшнею силою, которая меня связываетъ, хотя я и могу иногда своимъ искусствомъ отвратить ея дѣйствіе: законы природы для меня,—необходимость, которая ограничиваетъ меня, стѣсняетъ, а иногда и подавляетъ.

Но здѣсь *въ нравственной области*, я вижу законъ, который, требуя моего повиновенія, является мнѣ какъ *имѣющій право* на такое требованіе.

Это—верховный законъ, требующій отъ меня совершеннаго, полнаго и универсальнаго повиновенія; но зато этотъ законъ совершенно разуменъ и благъ, а потому и достоинъ и можетъ достигнуть съ моей стороны добровольнаго и свободнаго подчиненія. Когда я подчиняюсь тому, что онъ мнѣ повелѣваетъ, то недостаточно того, чтобы я только сообразовалъ съ его требованіями свое поведеніе: я нарушалъ бы его, если-бы, наприм., повинаясь ему фактически, въ то же время сожалѣлъ внутренно о томъ, что онъ существуетъ, и желалъ бы, чтобы его не было. Болѣе требовательный, чѣмъ какой-либо другой законъ, онъ требуетъ искренняго и внутренняго согласія. Внѣшнее согласіе съ нимъ не значитъ ничего. Я обнаруживаю къ нему полное повиновеніе лишь въ томъ случаѣ, если, исполняя то, что онъ мнѣ предписываетъ, въ то же время искренно *желаю*, чтобы законъ *существовалъ*, признаю существованіе его за благо,—если сознаю и признаю то особенное право его на мое уваженіе и на мое повиновеніе, которое даетъ ему его превосходство; если исповѣдую, что онъ обладаетъ *правомъ* требовать моего полнаго повиновенія, внѣшняго и внутренняго; если, наконецъ, нахожу его благимъ, хотя, быть можетъ, и не сумѣлъ бы сказать, въ чемъ именно заключается его благость, хотя бы эта благотворность закона была сокрыта отъ моихъ взоровъ, не-

понятна мнѣ и для меня таинственна, такъ какъ я не знаю ни его происхожденія, ни основанія. Вотъ при какихъ условіяхъ можно сказать, что законъ *уважаютъ*, повинуются ему и вотъ какимъ образомъ первоначальное право, которое ему принадлежитъ,—право, основанное на его разумности и благодости,—обосновываетъ и оправдываетъ его требованія и въ то же время создаетъ мое достоинство. Такъ какъ онъ въ высшей степени разуменъ и благъ, то и власть его абсолютна и мое повиновеніе ему носить благородный и свободный характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, съ того момента, какъ я вижу въ немъ не силу, а право, я вырастаю, подчиняясь ему; возвышаюсь, преклоняясь передъ нимъ: это его первоначальное (primordial) право, отъ котораго происходятъ всѣ другія права и всѣ обязанности, сообщаетъ несравненное величіе тѣмъ, кто его признаетъ.

И вотъ мы вступаемъ въ совершенно новый порядокъ вещей. Если я дамъ полную свободу своему разуму, а самъ буду покорно слѣдовать за нимъ, то я пойму, что уже по одному тому, что для меня существуетъ *обязанность, долгъ*, я принадлежу къ иному міру, чѣмъ тотъ, который познаю своими чувствами, въ которомъ движутся мои члены. Страсти, заботы, предрасудки, соблазны,—отъ предметовъ и отъ людей,—все это слишкомъ часто искажаетъ, омрачаетъ, развращаетъ или, во всякомъ случаѣ, отдѣляетъ мой разумъ отъ истинныхъ источниковъ жизни. Но разумъ человѣка, полнаго свѣжести и жизни, здороваго, сознаетъ что съ той минуты, какъ въ немъ пробудилась обязанность, долгъ, онъ становится именно тѣмъ, что называютъ *личностью*, т. е., живою дѣйствительностью, которая знаетъ, любитъ, хочетъ и потому принадлежитъ къ міру *духовъ*. Этотъ законъ, который есть мой законъ, есть также общій законъ всѣхъ духовъ. Я не одинокъ. Есть общество духовъ и вотъ къ нему то я и принадлежу.

Назову ли я это общество царствомъ или городомъ? Почему бы и нѣтъ?

Я гражданинъ духовнаго Государства, и то прекрасное опредѣленіе гражданина, которое Аристотель даетъ намъ въ своей

Политикъ, можетъ быть вполне примѣнено и ко мнѣ: гражданинъ, по Аристотелю, это тотъ, кто участвуетъ въ управленіи и въ повиновеніи, кто вмѣстѣ и управляетъ и подчиняется. Развѣ этого нельзя сказать и обо мнѣ,—о каждомъ изъ насъ?

Я нахожу въ себѣ законъ,—законъ внутренній, котораго я не получаю извнѣ. Я его понимаю, мыслю и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, какъ-бы создаю, такъ какъ онъ во мнѣ и есть выраженіе моей природы, моей истинной природы, моей сущности,—того, что есть во мнѣ самаго лучшаго, собственно человѣческаго, словомъ—моего разума. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ-бы кѣмъ-то на меня налагается. Онъ выше меня. Слѣдовательно, я участвую и въ управленіи, и въ повиновеніи или, говоря теперь языкомъ Канта, я одновременно и членъ-законодатель и подданный въ томъ нравственномъ государствѣ, въ которое вводитъ меня мое качество нравственной личности или духа.

Какъ мы видѣли уже выше, метафоры эти вполне законны. Если вѣрно, что я не могу представлять себѣ предметовъ высшаго порядка иначе, какъ въ чувственныхъ образахъ, то не менѣе вѣрно и то, что эти послѣдніе понятны и существуютъ въ человѣкѣ, лишь благодаря ихъ отношенію къ первымъ. Слѣдовательно, такъ называемый переносный смыслъ словъ и есть какъ мы уже замѣчали, собственно смыслъ подлинный.

Соціальный строй даетъ намъ матеріалъ для выраженія нравственныхъ понятій; но, съ другой стороны, нравственный строй есть именно тотъ самый образецъ, воспроизвести который стремится общественный строй, и основаніе послѣдняго заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ строѣ нравственномъ.

Законъ, повиновеніе, требованія, предписанія: все это можетъ быть названо въ нѣкоторомъ смыслѣ чувственнымъ, такъ какъ все это воплощено въ соціальномъ строѣ. Но развѣ всѣ эти понятія могли-бы имѣть смыслъ и даже просто существовать, если бы не предсуществовалъ строй нравственный?

Вѣдь повелѣваетъ разумъ: онъ даетъ приказанія и упорядочиваетъ всю нашу дѣятельность, а отъ него уже и всѣ другіе законы заимствуютъ свою силу и *авторитетъ*. Такимъ обра-

зомъ, не только нравственный строй не есть фикція, элементы будто-бы даются гражданскимъ и политическимъ обществомъ; но совершенно напротивъ,—само общество, съ его уставомъ, есть *символъ* общества („града“) духовъ и всего нравственного порядка. Мы уже говорили объ этомъ и здѣсь повторяемъ это снова. Если бытіе чувственное не разсматривать какъ символъ умопостигаемаго и матеріальное—какъ символъ духовнаго; если умопостигаемое, т. е., идея, духъ не есть главное, не есть то, что всему придаетъ смыслъ и составляетъ основу и принципъ всякаго существованія: то исчезаетъ всякая опора для мысли. Вотъ почему платонизмъ, какъ мы это уже замѣчали, такъ неискоренимъ: безъ него, безъ этого платонизма не только мысль человѣческая была-бы непопята, но и вообще ничто не имѣло бы основанія для своего бытія.

Продолжаю. Въ томъ высшемъ мірѣ, въ который вводитъ меня долгъ, уже по одному тому, что для меня существуетъ не только то, что *есть*, но также и то, что *должно быть*,—я нахожу себѣ *владыку, господина*.

Истина оказываетъ на умъ такое вліяніе, которому нельзя противиться, не дѣлая себѣ тайныхъ упрековъ. Такова-же и власть нравственного закона,—только она не теоретическаго, а практическаго характера. Отношенія совершенства, какъ говорилъ Мальбраншъ, регулируютъ не только умъ, но—сердце и волю: они опредѣляютъ уваженіе, любовь и всю практическую дѣятельность.

Итакъ, мы имѣемъ надъ собою владыку. Вотъ полный смыслъ того, что мы сказали въ началѣ этихъ философскихъ размышлений: „я дѣлаю изъ своей жизни не все, что хочу“. У меня есть своя опредѣленная природа, достоинство, идеаль, правила. Я не могу жить кое-какъ, наавось или по прихоти каприза. У меня есть дѣло, которое я долженъ сдѣлать, задача, которую я долженъ исполнить. Я *долженъ* быть человѣкомъ,—*истиннымъ* человѣкомъ. Это слово: „*долженъ*“, этотъ характеръ правила, который принимаетъ въ моихъ глазахъ моя природа, разсматриваемая съ идеальной точки зрѣнія; это достоинство моего существа, которое не позволяетъ мнѣ дѣлать изъ него все, что мнѣ будетъ угодно: все это доказываетъ, что я не принад-

лежу вполне самому себѣ; что мнѣ предназначена роль, не исполнять которую мнѣ не дозволено. Быть человѣкомъ, жить достойнымъ чловека образомъ, τὸ ἀνδρωπείεσθαι, — вотъ въ чемъ заключается моя честь, мое счастье и, въ то же время, мой долгъ, налагаемый на меня свыше.

Вотъ почему я и отвѣтственъ за свое поведеніе. Пожалуй это опять—метафора; но метафора законная! Мы обыкновенно отвѣчаемъ за то, что дѣлаемъ, передъ начальникомъ, который, дѣлаясь нашимъ судьей, спрашиваетъ съ насъ отчета въ нашемъ поступкѣ. Что ты сдѣлалъ, — спрашиваетъ онъ, — съ тѣмъ, что тебѣ было поручено, ввѣрено? Такъ и мое существованіе, моя природа, самое мое бытіе со всѣми его качествами и способностями, — все это мнѣ поручено для того, чтобы я что нибудь изъ всего этого сдѣлалъ: не воспользовавшись всѣми этими дарами, какъ должно, я буду отвѣчать за это.

Что сдѣлалъ ты съ твоею жизнью и съ твоею свободою ¹⁾. Да, дѣйствительно, если бы то, что я изъ себя дѣлаю, было для меня безразлично, то я не былъ бы человѣкомъ; но если подобное безразличіе или равнодушіе мнѣ запрещено, то ясно, что надо мною есть внутренній владыка и господинъ. Есть, слѣдовательно, кто-то, кто, такъ сказать, вручилъ мнѣ меня самого; кто поставилъ мнѣ задачу и предназначилъ меня для этой задачи; кто требуетъ отъ меня отчета въ томъ, какъ я располагаю самимъ собою и какъ выполняю свою задачу.

Нравственная отвѣтственность, безъ которой, — повторяю это еще разъ, — невозможно быть истиннымъ человѣкомъ, есть слѣдствіе нравственной обязанности или, скорѣе, это — та же обязанность, только въ другой формѣ. Въ обязанности законъ предписываетъ и опредѣляетъ поступокъ; въ отвѣтственности онъ, такъ сказать, произноситъ судъ надъ нимъ, — все равно до или послѣ его совершенія. Я рассматриваю поступокъ, который думаю совершить, и говорю, что онъ *долженъ быть* такой, а не иной: вотъ обязанность. Я рассматриваю поступокъ уже совершенный и сужу о немъ: вотъ отвѣтственность. Отвѣтственность, такъ и обязанность, предполагаетъ владыку,

¹⁾ Мюссе. Августовская ночь. (Nuit d'août).

начальника, господина. Теперь спрашивается: кто же этот владыка? Кто мнѣ,—существу живому, свободному, личному,—повелѣваетъ поступать такъ, или иначе и передъ кѣмъ, слѣдовательно, долженъ я отвѣчать за свои поступки? Передъ идеей? Но вѣдь идея, въ собственномъ смыслѣ этого слова, есть нѣчто менѣе реальное, менѣе существенное, менѣе живое, чѣмъ я самъ или, лучше, это—нѣчто существующее и имѣющее силу лишь во мнѣ и благодаря мнѣ. Идея рождается отъ мысли; сохраняется и существуетъ въ мысли и чрезъ мысль. Если идея управляетъ мною, господствуетъ надо мной, побуждаетъ меня, удерживаетъ, одобряетъ или осуждаетъ, принимаетъ въ моихъ глазахъ непререкаемый авторитетъ, являясь мнѣ болѣе реальной и могущественной, чѣмъ я самъ: то она, очевидно, нѣчто иное, чѣмъ просто идея. Это уже не идея, а—сама истина. Истина больше и лучше, чѣмъ идея; она независима отъ моего познающаго и признающаго ее разума. Но и этого еще недостаточно: мы должны, рассуждая послѣдовательно, признать эту идею существомъ—существомъ по преимуществу, такъ какъ это—живой, говорящій авторитетъ, который, въ разумѣ и сознаниі, подчиняетъ себѣ всѣ разумныя существа. Это—Владыка по преимуществу, *Magister et Dominus*, Тотъ, Кто вмѣстѣ и научаетъ, и повелѣваетъ.

Разсмотримъ теперь дѣло съ другой стороны. Нравственный законъ, какъ мы видѣли, есть законъ разумный и благой. Но въ чемъ проявляются и чѣмъ доказываются эти его свойства? Тѣмъ и въ томъ, что всѣ предметы міра имѣютъ каждый свое опредѣленное значеніе, свою цѣну, качество, степень совершенства, такъ что между ними существуетъ іерархія, опредѣляемая именно степенью этого ихъ совершенства: безъ этого законъ былъ бы произволомъ. Мы можемъ и не знать основанія его предписаній; но не можемъ думать, что ихъ не существуетъ. Мы можемъ и не видѣть, почему онъ повелѣваетъ въ данномъ случаѣ то, а не другое; но хотя основаніе этого и ускользаетъ отъ насъ, однако мы не можемъ не быть убѣждены, что оно все таки существуетъ, такъ какъ, если бы его не существовало, то требованія закона были бы, въ концѣ концовъ, простыми случайностями или капризами и нравствен-

ность основывалась бы тогда на совершенно произвольныхъ, такъ сказать, требованіяхъ. Отсюда слѣдуетъ, что извѣстное благо, логически предшествуя закону, должно заключать въ себѣ основаніе закона: это-то благо и есть, слѣдовательно, въ концѣ концовъ, основаніе закона.

Но чтобы найти что нибудь, достойное уваженія со стороны разума или *духа*, надо возвратиться опять къ *духу*. Самое лучшее,—съ чѣмъ должно сравнивать все остальное и съ чѣмъ все должно сообразоваться, выраженіемъ чего все должно служить, есть *духъ*, т. е., личность, полное существо, цѣль, къ которой все направляется, *finis sui*, какъ говорили въ школѣ Аристотеля, *цѣль въ себѣ*, какъ говоритъ Кантъ. Это—благо, совершеннѣйшее, превосходиѣйшее, благо въ высшемъ смыслѣ слова. Что можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, лучше существа активнаго, дѣйствующаго, которое знаетъ самого себя, владетъ и управляетъ собой, которое любитъ, желаетъ, въ своемъ мышленіи руководится истиною, а въ своихъ привязанностяхъ и въ своемъ поведеніи—нравственнымъ закономъ? Если во всемъ остальномъ и есть что либо хорошее, то это только подобіе, отраженіе, слѣдъ духа, или же его средство и орудіе. Итакъ, все относится къ духу и имъ измѣряется; все имѣетъ въ немъ свое правило, свою цѣль и свой принципъ.

Однако, углубляясь въ себя, я нахожу, что, хотя я и признаю себя духомъ и безспорно есмь духъ, однако, говоря относительно, я отнюдь не есмь бытіе наилучшее. Моя собственная природа или сущность, по сравненію съ тѣмъ, что я есмь фактически, есть лишь идеаль. Но вѣдь даже и идеальная моя природа не есть абсолютное совершенство: есть форма духовнаго бытія, несравненно высшая. Это—высочайшій Духъ, Которому нечего искать ни внѣ себя, ни выше себя: ни истина, ни законъ не составляютъ чего-либо отъ Него отличнаго; бытіе и энергія лишь въ Немъ одномъ имѣютъ свое начало и свой принципъ, такъ что все существуетъ лишь чрезъ Него. Такое существо и есть самое совершенное изъ всѣхъ. Это—Духъ по преимуществу, къ Которому все направляется, Которымъ завершается, верховное Благо, высшая дѣйствительность, Властитель (*souverain*), доступный пониманію, достойный любви и подражанія.

Такимъ образомъ, благодаря нравственному закону, разсматриваемому со стороны его высочайшаго объекта и послѣдняго основанія, я нахожу надъ собою Существо живое, личное и выхожу изъ холодной и блѣдной области тѣней, невещественныхъ призраковъ и отвлеченныхъ идей. Обязанность указываетъ мнѣ мѣсто въ мірѣ реальномъ и живомъ и вводитъ меня въ общество духовъ. Законъ не есть отвлеченность; такъ какъ существуетъ верховный законодатель и отвѣтственность ставить меня предъ лицомъ высшаго Судіи; нравственное благо возводитъ меня къ верховному Благу, т. е., къ верховному Существому.

Вотъ почему я и себя сознаю существомъ живымъ и при томъ живущимъ жизнью высокой. Какъ могъ бы я получать этотъ свѣтъ, правило, законъ отъ чистой идеи? Я могу получить все это только отъ существа живущаго подобно мнѣ,—только лишь несравненно болѣе превосходною жизнью. Этотъ законъ, который часто останавливаетъ и удерживаетъ меня среди моей бурной жизни и кипучей дѣятельности,—какъ можетъ онъ быть простою абстракціею? Этотъ идеаль, который привлекаетъ меня къ себѣ, со всѣми моими силами, который возбуждаетъ во мнѣ всю мою энергію,—какъ можетъ онъ быть лишь измышленіемъ моего разума? Возможно-ли, чтобы живое освѣщалось, направлялось, сдерживалось, возбуждалось тѣмъ, что само не имѣетъ жизни? Возможно-ли, чтобы живое получало отъ безжизненнаго энергію жизни,—все болѣе и болѣе интенсивной, все болѣе и болѣе могучей, значительной, богатой, высокой?—Нѣтъ, этого пельзя допустить. Жизнь и одна жизнь даетъ разгадку жизни.

Для человѣка существуютъ три области.

Первая—это область чистыхъ и простыхъ фактовъ; чистаго и простаго воспріятія, чистаго и простаго опыта.

Вторая—это область идей, отвлеченностей: наука, искусство и мораль суть плоды трудовъ въ этой области.

Наконецъ, третья—это область дѣйствительности понятой, или, по крайней мѣрѣ, доступной пониманію, область идеи полной, совершенной, живой. Въ ней все живетъ. Наука, отвлеченная наука, снова возвращается здѣсь къ жизни, благодаря своей власти надъ дѣйствительной природой. Искусство такъ же стремится къ жизни и возвращается къ ней, благодаря

своимъ благороднымъ „фикціямъ“ и своимъ созданіямъ, въ которыхъ всегда есть нѣчто конкретное рядомъ съ фикціей и несуществующимъ. Наконецъ, и мораль,—спекулятивная, равно какъ и практическая,—здѣсь также находитъ жизнь: она находитъ свой настоящій объектъ, уясняетъ самой себѣ свой настоящій характеръ и сознаетъ свой подлинный принципъ и свое основаніе лишь въ томъ случаѣ, когда переступаетъ за область отвлеченностей и достигаетъ живой дѣйствительности.

Такимъ образомъ мораль заставляетъ насъ выйти изъ природы, но не въ пустоту и не въ царство тѣпей; нѣтъ, тотъ высшій міръ, въ который она насъ вводитъ, есть міръ живой. Можно сказать, что именно Жизнь направляетъ и влечетъ къ себѣ жизнь,—Жизнь полная, совершенная, верховная регулируетъ жизнь частную несовершенную, недостаточную, зависимую; она привлекаетъ ее къ себѣ и возвышаетъ до себя, заставляя ее сообразоваться съ собой и какъ-бы наполняя собой.

И даже сама природа для того, кто смотритъ на нее съ этой высшей точки зренія, не оказывается въ противорѣчій съ моралью: вѣдь все совершенное и въ собственномъ смыслѣ правственное *живо*, а природа и есть *жизнь*. Все направляется къ жизни,—даже жертва. Я теперь это понимаю. Смерть ни для чего не служитъ ни основаніемъ, ни цѣлью: это—только средство. Смерть сокрушаетъ препятствія, разбиваетъ оковы, освобождаетъ отъ нихъ.

Ты не уничтожаешь, ты освобождаешь ¹⁾... говоритъ поэтъ, обращаясь къ смерти. То же слѣдуетъ сказать и о всякомъ самоотверженномъ поступкѣ, о всякой жертвѣ, такъ какъ все это есть своего рода умираніе, частичная смерть. Словомъ, все происходитъ отъ жизни и идетъ къ жизни. Одна лишь воля, отдаляющаяся чрезъ грѣхъ отъ жизни, идетъ къ смерти: грѣхъ рождаетъ смерть ²⁾. Это-то и есть истинная смерть. Но самоотреченіе, жертва,—все, что убиваетъ желаніе, страсть, плоть и даже самый разумъ съ его мелочностью и кичливостью, волю съ ея ограниченностью и сумасбродствомъ,—всѣ эти виды смерти суть лишь средства къ жизни.

¹⁾ Ламартинъ: *Пероя размышленія*, Безсмертіе.

²⁾ Посланіе Св. ап. Іакова, I, 15.

Нѣтъ ничего болѣе глубокаго, болѣе существеннаго и практически вѣрнаго, болѣе дѣйствительнаго и плодотворнаго, какъ слѣдующія Евангельскія слова, которыя выражаютъ, если позволительно такъ выразиться, одну изъ формулъ жизни. „Кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее; а кто потеряетъ душу свою, тотъ обрѣтетъ ее“¹⁾.

И какъ тѣсно все связано въ глазахъ того, кто умѣетъ видѣть! Развѣ мы уже не сказали, что жизнь даже въ своей низшей формѣ,—жизнь органическая,—стремится расходоваться, сообщаться? Жить значитъ употреблять свои силы, тратить, терять ихъ, т. е., умирать. А, съ другой стороны, и умирать—значитъ жить; такъ какъ только употребляя жизнь, пользуясь ею, тратя ее, мы получаемъ радости жизни. Перейдемъ отъ этихъ низшихъ проявленій жизни въ высшія области и мы увидимъ, что законъ жизни повсюду одинъ и тотъ же отказаться отъ частной эгоистической жизни, потерять ее,—значитъ идти къ истинной жизни. Умереть—значитъ жить и, чтобы жить, надо умереть. Самоотверженіе, самоотреченіе, самоумерщвление,—все это обнаруживаетъ на насъ *животворное* дѣйствіе. Такииъ образомъ, когда нравственный законъ сдерживаетъ, обуздываетъ, убиваетъ наши желанія, то онъ дѣлаетъ все это лишь для того, чтобы мы сохранили свою жизнь. Жизнь, которая есть только жизнь: таковъ принципъ и предѣлъ (терме) всего. Все зависитъ отъ вѣчнаго и совершеннаго¹⁾ Существа, источника всякой жизни. Отъ Него все исходитъ и къ Нему восходитъ. Имъ все сохраняется и направляется. Олъ—альфа и омега, первое и послѣднее слово всего.

Вотъ каковъ въ цѣломъ этотъ нравственный порядокъ, въ который вводитъ насъ понятіе объ обязанности! Какое богатство и какая гармонія!

Разъ нравственная обязанность признана,—передъ нами открывается міръ, недостижимый для чувствъ. Его существованіе признаетъ и доказываетъ разумъ; однако, не тотъ резонирующій вульгарный разумъ, который не можетъ выйти изъ области абстрактныхъ идей, но—тотъ, который вводитъ насъ въ область сверхчувственной дѣйствительности. Все человѣческое

¹⁾ Ев. Матѳея, X, 39; XVI, 25; Марка: VIII, 35; Луки: IX, 24; Иоанна: XII, 25.

существо стремится въ эту область: обособленный, разобщенный съ источниками жизни, разумъ или не входитъ въ нее, или не удерживается въ ней. И вотъ въ этомъ-то сверхчувственномъ, но реальномъ и живомъ мірѣ мы и находимъ своего Владыку,—Судію, Законодателя и вмѣстѣ верховное Благо, совершенную Жизнь,—Того, Которымъ и ради Котораго живутъ и умираютъ. Но именно объ этомъ всего менѣе и хотятъ слушать въ наше время. „Ни Бога, ни Господина“ (Ni Dieu, ni Maître): таково теперь мнѣніе и тайное желаніе многихъ! Ничего нѣтъ выше человѣка! Конецъ религіознымъ и нравственнымъ догматамъ! Конецъ „мистической нравственности“, какъ принято теперь говорить. Нѣтъ ничего трансцендентнаго. Истина, законъ, долгъ: отъ всѣхъ этихъ словъ, если только они еще сохраняютъ свой смыслъ, хотятъ теперь освободиться и, такъ какъ тѣмъ не менѣе „древняя мораль“, очевидно, еще сохраняетъ въ себѣ и проводитъ въ жизнь свой высокій принципъ (безъ котораго, впрочемъ, она и не могла-бы болѣе существовать), то многіе теперь прямо отвергаютъ мораль или,—что въ сущности одно и то же,—выдумываютъ новую, въ которой нѣтъ уже болѣе ничего нравственнаго. Тщетныя усилія! Человѣкъ не можетъ обходиться безъ повелителя и господина и, если онъ отвергаетъ Того, Который обитаетъ въ небесахъ, то онъ непременно попадетъ въ рабство къ Тѣмъ, которые живутъ на землѣ. Онъ хочетъ эмансипировать свою жизнь; но тѣмъ самымъ онъ ее губитъ. Только, если-бы онъ согласился подчинить свою жизнь власти Законнаго Господина, онъ спасъ бы ее. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, когда нѣтъ морали, въ собственномъ смыслѣ этого слова, то что же остается? Природа и при томъ природа въ низменномъ, тиранническомъ смыслѣ. Человѣкъ зависитъ отъ элементовъ—это буквально вѣрно. Во всемъ,—и въ своихъ мысляхъ, и въ своей наукѣ, и въ практической дѣятельности,—онъ результатъ медленной эволюціи. Въ его природѣ нѣтъ ничего, кромѣ матеріальныхъ элементовъ. Онъ подчиненъ безусловному детерминизму. Чтобы сбросить съ себя это иго, ему необходимо взять на себя другое, а именно—иго разума и совѣсти, иго истины и долга, т. е. (конечно, для того, кто умѣетъ видѣть и понимать)—иго Бога. In regno nati sumus: Deo parere libertas. est ¹⁾).

¹⁾ Сенека, *De vita beata*, XV, 7.

ГЛАВА XIV.

БѢДСТВІЯ ЖИЗНИ.

Я начинаю понимать теперь, что такое жизнь. Прежде всего она есть нѣчто серьезное: человѣкъ долженъ исполнить свою задачу, которая состоитъ въ томъ, чтобы жить, какъ подобаетъ человѣку,—жить истинно человѣческой жизнью. Истинно же человѣческая жизнь есть жизнь разумная, или, говоря точнѣе, жизнь нравственная. Правило, подлинный законъ человѣческой жизни есть именно законъ долга, или законъ нравственный. Этотъ законъ указываетъ жизни ея цѣль и опредѣляетъ ея смыслъ. Если я спрошу себя, что долженъ я думать о жизни, то я отвѣчу себѣ: она дана мнѣ для того, чтобы исполнять мой долгъ, исполнять нравственный законъ, въ чемъ именно и заключается цѣль человѣческаго существованія и человѣческой дѣятельности“. Жизнь, рассматриваемая такимъ образомъ, возвышается, упрощается, просвѣтляется. Я признаю ее съ этой точки зрѣнія благородной; не теряюсь уже болѣе въ сложныхъ подробностяхъ, которыя скрываютъ ея истинное значеніе; постигаю или начинаю постигать самую суть дѣла. Понимая цѣль и смыслъ жизни, я понимаю вмѣстѣ съ тѣмъ и ея назначеніе,—понимаю, что я воспользуюсь жизнью надлежащимъ образомъ лишь въ томъ случаѣ, если буду употреблять ее согласно нравственному закону. Однимъ словомъ, жизнь сообразная съ нравственнымъ закономъ: вотъ та формула, которая, опредѣляя понятіе о жизни, опредѣляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ея употребленіе. Такимъ образомъ, я могу теперь составить себѣ опредѣленное сужденіе о жизни и сказать, что изъ нея слѣдуетъ дѣлать.

Но если нравственная жизнь есть жизнь, сообразная съ закономъ долга, а законъ долга самъ имѣетъ свое основаніе и свой принципъ въ верховномъ и всеблагомъ Существѣ, то нравственною жизнью должна быть признана такая жизнь, которая реализуетъ добро, т. е., въ которой человѣкъ пріобрѣтаетъ возможное для него совершенство и прилѣпляется—своими мыслями, чувствами, желаніями, своимъ поведеніемъ, словомъ всѣмъ, что онъ есть и чѣмъ можетъ быть—къ абсолютному

совершенству. Говоря иначе, нравственная жизнь есть такая жизнь, въ которой человѣкъ повинуется Богу—верховному Разуму и верховному Благу.

Вотъ на какія высоты поднялись мы, слѣдуя разуму, для того, чтобы судить о жизни и опредѣлить, что мы должны изъ нея дѣлать. И если даже теперь мы спустимся съ этихъ высотъ, то во всякомъ случаѣ отъ пребыванія на нихъ у насъ останутся два важныхъ пріобрѣтенія: во первыхъ, уваженіе къ нравственному закону и во вторыхъ вѣра въ добро. Никакое дальнѣйшее открытіе не можетъ уже отнять у насъ этого пріобрѣтенія. Подвигаясь въ своемъ изслѣдованіи впередъ, мы должны и будемъ помнить, что нравственный законъ имѣетъ совершенно исключительный (original) характеръ,—есть нѣчто высокое, величественное, священное, по вмѣстѣ съ тѣмъ и—нѣчто суровое, часто противорѣчащее нашимъ желаніямъ, принуждающее насъ, обуздывающее, хотя и соответствующее болѣе глубокимъ нашимъ стремленіямъ и основнымъ законамъ жизни. Вотъ почему, въ концѣ концовъ, онъ ведетъ именно къ жизни,—даже и въ томъ случаѣ, когда предписываетъ жертвы и осуждаетъ на смерть. Мы должны помнить затѣмъ, что добру принадлежитъ послѣднее слово. Вѣдь нравственное благо, добро,—это именно и есть полная и совершенная жизнь. Разъ мы поймемъ, что такое добро въ его основѣ и принципѣ,—мы навсегда признаемъ за нимъ послѣднее слово во всемъ; во всѣхъ вопросахъ: вѣдь оно ведетъ насъ къ истинной жизни. Итакъ, чтобы ни случилось, будемъ надѣяться и мужаться!

А теперь, бросивъ взглядъ вокругъ и заглянувъ внутрь себя, мы увидимъ зло, какъ фактъ,—фактъ всемірный и вѣчный. Присмотримся-же къ нему ближе и, если можно такъ выразиться, прочувствуемъ его! Слишкомъ часто философы остаются въ своихъ системахъ къ нему равнодушными. Они почти не обращаютъ на него вниманія, а если иногда и замѣчаютъ его, то говорятъ о немъ лишь какъ о какой нибудь вещи: они не чувствуютъ въ достаточной мѣрѣ ни его реальности, ни его глубины.

Попытаемся вникнуть въ вопросъ глубже и, такъ сказать, прочувствовать его, заботясь лишь о томъ, чтобы достигнуть истины. Человѣкъ страдаетъ и страдаетъ много. Есть страда-

ніе физическое. Оставимъ въ сторонѣ всѣ банальные взгляды на предметъ и постараемся воздержаться отъ всякаго преувеличенія. Признаемъ, что существуетъ множество мелкихъ, едва замѣтныхъ благъ, цѣнность которыхъ узнается лишь тогда, когда ихъ теряютъ, и что они дѣлаютъ жизнь сносною и даже пріятною. Но не будемъ становиться въ ряды тѣхъ людей, которые легко мирятся со страданіями другихъ и громко кричатъ, когда страдаютъ сами. Нѣтъ, будемъ открыто говорить, что существуютъ острые, жестокія, мучительныя страданія, равно какъ—крайне тяжелыя состоянія, недуги, болѣзни, которыя длятся иногда очень долго. Вотъ первый видъ бѣдствія и зла.

Далѣе, въ интеллектуальномъ порядкѣ мы находимъ проявленіе грубости, звѣрства. Достаточно ли мы обо всемъ этомъ думаемъ? Вотъ люди, т. е., существа разумныя, принадлежащія къ „обществу духовъ“, какъ мы говорили, и однако дошедшія почти до состоянія животнаго,—не подозрѣвающія, такъ сказать, самаго существованія этого высшаго міра, для котораго они созданы, такъ глубоко погружившіяся въ матерію, что все остальное для нихъ, какъ бы недѣйствительно, до того невѣжественныя, что истина для нихъ какъ бы не существуетъ! Затѣмъ, существуютъ еще формы невѣдѣнія, которыя, хотя и въ меньшей степени, но все таки весьма унижательны и плачевны,—мы видимъ слабость и ограниченность ума и вытекающія отсюда сложныя и разнообразныя заблужденія и здѣсь опять таки не будемъ преувеличивать! Не забудемъ, что есть серія истинъ, присущихъ человѣчеству,—почти незамѣтныхъ и, однако, необходимыхъ, такъ какъ безъ нихъ человѣчество не могло бы существовать; признаемъ, затѣмъ, что существуютъ удивительныя успѣхи, чудесныя завоеванія человѣческой мысли. Но все это, конечно, не мѣшаетъ намъ видѣть и глубоко чувствовать все, что въ интеллектуальномъ порядкѣ есть бѣдственнаго, глубоко бѣдственнаго.

Разсмотримъ теперь порядокъ чувствованій! Сколько и здѣсь бѣдствій—другого рода. Сокрушенія сердечныя, печали, нравственныя скорби! А сколько мы видимъ здѣсь слабаго, мелкаго, изменнаго, узкаго, ограниченнаго и при томъ—въ самыхъ лучшихъ нашихъ привязанностяхъ, имѣющихъ къ тому

же смерть концомъ всего! Во сколькихъ такъ же душахъ живетъ невыразимая и неизлечимая скука!

Въ порядкѣ дѣйствій попробуемъ счесть, если намъ это удастся, всѣ неудавшіяся предпріятія, прекрасныя, но обманутыя стремленія, лучшія усилія, оставшіяся безплодными, и въ довершеніе всего—смерть, которая вѣчно и повсюду вторгается, всему мѣшаетъ, все прерываетъ, по своему капризу:.... *Quare mors immatura vagatur?* ¹⁾).

Въ общественномъ порядкѣ мы такъ же найдемъ несовершенства, недостатки и всякаго рода страданія. Надо имѣть особенную предубѣжденность, чтобы ничего этого не видѣть; надо имѣть закоренѣлый эгоизмъ, или странное легкомысліе, чтобы не содрагаться при видѣ всего этого. Организация общества во многихъ отношеніяхъ достойна осужденія. Обратимъ ли мы вниманіе на трудъ, богатства, капиталъ, на заработную плату и т. д.: вездѣ мы увидимъ возмущающіе насъ недостатки и беспорядки, присущіе, повидимому, самому строю вещей,—увидимъ страданія, глубокія, несносныя, упорныя, которымъ нѣтъ, повидимому, конца.

Помышляемъ ли мы о томъ, сколько бѣдствій въ нѣкоторыхъ низшихъ классахъ? Небезпеченное существованіе, тревожная жизнь, которой постоянно угрожаетъ бѣдность и болѣзнь, врожденная слабость, неблагопріятныя обстоятельства, лишенія, тяжелый трудъ, недостатокъ въ работѣ, недостаточность вознагражденія, ежедневныя огорченія и, какъ слѣдствіе всего этого,—одичаніе: звѣрь, сорвавшійся съ цѣпи и порвавшій свои оковы, готовый сдѣлаться хищникомъ,—какъ онъ жалокъ и сколько во всемъ этомъ униженія! Какой ужасъ, а съ другой стороны, какое это жалкое существо,—предметъ, достойный нашего сожалѣнія и участія! Вѣдь въ концѣ концовъ это все же не животное, а человѣкъ. Наконецъ, есть бѣдствіе, которое чувствуется уже во всемъ, на что мною только что указано, но которое я еще не рассматривалъ само по себѣ и не называлъ своимъ именемъ: это нарушеніе нравственнаго закона. Воля возстаетъ на законъ, враждуетъ противъ него и говоритъ ему: нѣтъ. Разуму, выраженіемъ котораго служитъ

¹⁾ Лукрецій, V, 222.

этотъ законъ, добру, Богу, она противопоставляетъ слово отрицанія, слово уничтоженія, если можно такъ выразиться: она желаетъ и стремится сдѣлать, чтобы то, что существуетъ и достойно существованія,—чтобы этого не было. Она употребляетъ на это дѣло разрушенія всю имѣющуюся въ ней энергію. Вотъ въ чемъ состоитъ зло по преимуществу! Но на него-то именно и не обращаютъ должнаго вниманія. Его не смѣютъ назвать по имени. Его умаляютъ, скрываютъ. На него, слѣдуетъ однако взглянуть прямо и открыто признать, что это—подлинное зло, самый источникъ зла. Это уже не заблужденіе, не невѣжество, не несчастье: это преступленіе, culpa, грѣхъ, peccatum.

А кромѣ тяжкаго грѣха сколько существуетъ нравственныхъ бѣдствій, по истинѣ прискорбныхъ для того, кто знаетъ, что такое жизнь нравственная и сколь превосходна и драгоценна она! Когда обо всемъ этомъ хорошенько подумаешь, когда обратишь пристальный взглядъ на зрѣлище вещей вокругъ себя и въ самомъ себѣ,—то почувствуешь полное отвращеніе къ тому, что увидишь: вульгарность, пошлость, ничтожность, низость, мелочность; ограниченность, узкость кругозора, суетность, постоянное несоотвѣтствіе между дѣйствительностью и идеаломъ, мучительное безсиліе привести въ исполненіе то, чего желаешь, а часто даже безсиліе желать того, чего бы хотѣлось...

Я ничего не преувеличилъ и этотъ видъ человѣческихъ бѣдствій по истинѣ можетъ привести въ смущеніе. Такимъ образомъ, жизнь кажется часто дурпой и почти всегда ничтожной. Что же? Значитъ, она дурно устроена? У насъ есть благородная цѣль: можетъ быть, недостаточны наши средства для ея достиженія? Можетъ быть, несовершенны средства, которыми мы располагаемъ? Нѣтъ ли диспропорціи между цѣлью и нашими силами? И на самомъ дѣлѣ, что за скудость въ результатахъ! Разъ человѣкъ есть то, что мы о немъ говорили—существо, имѣющее нравственное достоинство и свое мѣсто въ обществѣ духовъ,—„то что же это за жизнь“, которою онъ живетъ? Дѣйствительная. Какъ, повидимому, недостойна она его! Какъ далека отъ той цѣли, которая ему поставлена! Пусть у него есть благородная цѣль; но вѣдь фактически онъ чаще всего отвертывается отъ нея! Пусть назначеніе его возвышенно; но

вѣдь фактически онъ постоянно упускаетъ его изъ виду и, по-видимому, даже осужденъ на то, чтобы вѣчно упускать.

Не будемъ забѣгать впередъ. Не будемъ судить преждевременно. Не будемъ приходить въ негодованіе. Но, придерживаясь неопровержимаго и очевиднаго факта, скажемъ, что паличное состояніе человѣка—бѣдственно.

Кто не признаетъ этого, у того очень ограниченный умъ и совсѣмъ не великодушное сердце. Не слѣдуетъ, конечно, присоединяться ни къ числу недовольныхъ, ни къ числу отчаянныхъ, такъ какъ и нравственный законъ, и добро все таки еще существуютъ. Но не слѣдуетъ, съ другой стороны, подобно нѣкоторымъ поверхностнымъ умамъ, находить все въ этой жизни хорошимъ. Эти люди равнодушны къ страданіямъ другихъ, которыя ихъ не касаются, и весьма ограничены въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, такъ что ихъ мысли и желанія не идутъ далѣе жалкаго, замкнутаго и эгоистическаго счастья. У нихъ нѣтъ порывовъ, нѣтъ горячности. Сами довольствуясь малымъ, они смотрятъ спокойно, сложивши руки, и на страданія ближняго. Какое жалкое довольство!

Чтобъ избѣжать его, я хочу, такъ сказать, наполнить свою душу страданіями жизни. Видѣть страданій, хотя и волнуетъ, однако вмѣстѣ и облагораживаетъ душу, спасителенъ (*salutaire*) для нея. Полезно видѣть то, что есть, и размышлять о причинахъ существующаго. Рѣшившись сохранить ненарушимое уваженіе къ нравственному закону и непоколебимую вѣру въ добро, я могу лишь выиграть, если увижу зло во всѣхъ его видахъ, увижу бѣдствія человѣческія—глубокія, разнообразныя, всемірныя вѣчныя. Я только что пытался ясно ихъ себѣ представить и дать прочувствовать. Мнѣ остается теперь отыскать ихъ смыслъ и, затѣмъ, если можно, найти противъ нихъ врачевство.

ГЛАВА XV.

Тайны и проблески.

Я ничего не хочу предупреждать. Въ томъ положеніи, до котораго я достигъ, я не въ состояніи еще преодолѣть тѣхъ препятствій, которыя мнѣ представляются. Мысль моя разбивается объ нихъ. Но нѣкоторыя размышленія, которыя вовсе не имѣютъ,

конечно, притязанія быть окончательными рѣшеніями, уже и теперь вполне умѣстны. Нелишне, кажется, высказать сейчасъ же тѣ мысли, которыя внушаетъ видъ бѣдствій человѣческихъ, при ихъ сопоставленіи съ величіемъ нравственности. Здѣсь есть нѣкоторая тайна и вотъ это то именно я и долженъ здѣсь отмѣтить прежде всего.

Я знаю, что вызову со всѣхъ сторонъ возраженія: говорить о тайнѣ, скажутъ мнѣ, не научно и не философично.

Прошу извиненія у моихъ возражателей: указаніе не тайну вполне сообразно и съ истинно научнымъ, и съ истинно философскимъ духомъ. Каждый великій ученый, каждый истинный философъ признаетъ тайну.

Я помню, какъ однажды я говорилъ съ Пастеромъ о тѣхъ радостяхъ, которыя долженъ былъ ему доставлять этотъ міръ безконечно малыхъ существъ, имъ открытыхъ и изслѣдованныхъ. „Говорите лучше,—возразилъ онъ мнѣ,—о чувствѣ моего невѣдѣнія, которое усиливается у меня съ каждымъ шагомъ впередъ въ этомъ неизвѣстномъ мірѣ: я почти ничего не знаю и со всѣхъ сторонъ окруженъ тайною“.

Въ этихъ словахъ конечно нѣтъ и тѣни скептицизма,—нѣтъ отреченія отъ разума. Признавать тайну значитъ умѣть различать между свѣтомъ и тѣнью; твердо придерживаться извѣстнаго; умѣть видѣть предѣлъ и утверждать, что по ту сторону этого предѣла есть еще что-то, что выше этой тѣни есть еще свѣтъ.

Во всемірномъ и вѣчномъ фактѣ человѣческихъ бѣдствій есть что то таинственное,—что то такое, чего я не понимаю. Разъ утверждено существованіе нравственнаго закона и разъ последнее слово должно принадлежать добру, то міръ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ, удивляетъ меня, смущаетъ и даже приводитъ въ негодованіе. Я ничуть не отказываюсь отъ того, что я понимаю, чего я придерживаюсь и что знаю. Я утверждаю, что цѣль жизни человѣческой заключается въ нравственности и что я ни въ какомъ случаѣ не могу изгнать изъ своей души свое уваженіе къ нравственному закону и вѣру въ добро. Мнѣ представится далѣе случай показать, въ какой степени и къ чему меня это обязываетъ и побуждаетъ. Въ данный же моментъ это заставляетъ меня сказать, что

жизнь человѣческая, которая кажется мнѣ такъ дурно устроенной, въ сущности не такова и (ограничусь пока лишь однимъ вопросомъ) что страданіе, которое приводитъ меня въ смущеніе, должно имѣть какой либо смыслъ. Слѣдовательно, въ немъ есть какая то тайна. И даже изъ глубины таинственныхъ тѣней, передъ которыми я благоговѣю, исходитъ отъ времени до времени какой то печальный свѣтъ, который меня успокаиваетъ.

И прежде всего мнѣ кажется, что я не ошибусь, если скажу, что страданье имѣетъ нравственное значеніе въ жизни и въ этомъ его смыслъ.

Страданіе создаетъ человѣка.

Воспитаніе отдѣльнаго человѣка, точно также какъ и воспитаніе всего человѣчества, не обходится безъ страданій. Ничто великое не совершается безъ горя: *Sine dolore non vivitur in amore* ¹⁾). Если любовь резюмируетъ все благородное, прекрасное и великодушное, такъ какъ все это требуетъ для своего осуществленія любви, то слѣдуетъ сказать, что истинная жизнь, — жизнь благородная, достойная, великодушная, не проходитъ безъ горя. Для насъ горе не имѣетъ того, что мы любимъ; цѣною мукъ мы приобретаемъ то, что любимъ; страдаемъ отъ страха потерять приобретенное и т. д. Разъ міръ есть то, что онъ есть, — міръ, исполненный препятствій, гдѣ вѣчно находишься подъ страхомъ смерти, — то какъ же можно въ немъ любить и не страдать? Однако, съ другой стороны, какъ благотворно это страданіе! Оно отрѣшаетъ насъ отъ вещей, изъ которыхъ ни одна недостаточна для того, что бы наполнить сердце. Оно возбуждаетъ въ глубинѣ нашего существа скрытую энергію. Безъ него каждый изъ насъ остался бы на вѣки ребенкомъ. Надо пострадать, чтобы стать человѣкомъ. Я не говорю, что необходимо узнать крайнія послѣдствія горя. Нѣтъ. Но, по крайней мѣрѣ, необходимо испытать препятствія, непріятности, разочарованіе въ чемъ-нибудь, познакомиться съ тяжелымъ трудомъ и жгучей печалью. Если же это такъ, то не начинаемъ ли мы уже въ одномъ этомъ прозрѣвать смыслъ страданія? — Да: оно оказывается теперь однимъ изъ способовъ нравствен-

¹⁾ Подражаніе Иисусу Христу. III, V, 7.

наго воспитанія. Намъ придется еще къ этому возвратиться и я хотѣлъ здѣсь дать лишь общее указаніе. Важно тотъ-часъ же отмѣтить, что нравственныя понятія, сначала какъ будто колеблемыя страданіемъ, получаютъ затѣмъ въ страданіи высокій, прекрасный и вполне удовлетворяющій насъ смыслъ. Это успокаиваетъ насъ и подкрѣпляетъ.

Ты создаешь человѣка, о Горе! да всего человѣка вполне,
Какъ плавленникъ переплавляетъ золото, а пламя—сталь.

Кто не знаетъ тебя, тотъ ничего не знаетъ въ этой жизни;
Онъ лишь обременяетъ землю, но не живетъ на ней;
Онъ носится въ жизни, какъ въ облакахъ.

Въ тотъ часъ, когда измѣняютъ все средства, онъ не умѣетъ
Вновь подкрѣпить свои силы горячими потоками слезъ.
Онъ не умѣетъ бороться со своимъ собственнымъ сердцемъ
Той мучительной борьбой, въ которой стонетъ побѣдитель;
Не умѣетъ вознести къ небу умоляющій вопль
И, собравъ послѣднее усиліе, утвердиться на слабѣющихъ ногахъ,
Чтобы въ своемъ отчаяніи, которому Богъ одинъ свидѣтель,
Опереться на препятствіе и устремиться вдаль ¹⁾.

Есть и другое, не менѣе драгоцѣнное указаніе: бѣдствія человѣческія возбуждаютъ въ душѣ того, кто ихъ созерцаетъ, совершенно особенное чувство: сострадательность и жалость.

Я не говорю о той надменной, пренебрежительной, презрительной жалости, которая, оказывая помощь, въ то же время какъ-бы уничтожаетъ несчастнаго однимъ взглядомъ. Я не говорю точно такъ-же и о пустой и притворной чувствительности. Я говорю о сердечной жалости, которая только и есть истинная жалость. Быть въ безопасности отъ зла и чувствовать себя вмѣстѣ съ тѣмъ тронутымъ бѣдствіями другихъ до готовности раздѣлить и нести ихъ вмѣстѣ съ ними,—это прекрасное и весьма благородное настроеніе! Благодаря ему устанавливается какое то таинственное общеніе между людьми, которыхъ все остальное раздѣляетъ. Самое глубокое неравенство при этомъ оказывается сглаженнымъ. Какая напр. бездна лежитъ между имущими и неимущими и, однако, благодаря сострадательности имущій отдаетъ неимущему то, что самъ имѣетъ, и чрезъ то самъ какъ бы сливается съ нимъ. Онъ

¹⁾ Ламартинъ. Гармоніи, II, VIII, Гимнъ Скорби.

какъ бы беретъ на себя, насколько это оказывается для него возможнымъ, страданіе другого, облегчаетъ его, помогаетъ ему — благодѣтельнымъ поступкомъ, который дѣйствителенъ даже и тогда, когда обстоятельства дѣлаютъ его почти бесполезнымъ. Это происходитъ потому, что поступокъ, на который побуждаетъ сострадательность, идетъ отъ сердца. Жалость связываетъ души между собой. Благодаря ей, образуется общеніе душъ, — „градъ духовъ“, въ которомъ всѣ жители любятъ другъ друга ¹⁾. Не служить-ли, поэтому, одною изъ объяснительныхъ причинъ зла то чудо, условіемъ котораго зло служить, именно: человѣчная сострадательность къ человѣческому бѣдствію?

Я нашелъ теперь одну извѣстную форму жизни, которая, если можно такъ выразиться, имѣетъ несравненную красоту. Мнѣ кажется, что я начинаю теперь до нѣкоторой степени понимать состояніе человѣка, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ, т. е., въ этой жизни. Это не есть ни покой, ни наслажденіе. Бываютъ, конечно, въ жизни минуты отдыха, остановки. Но говорить лишь о минутахъ остановки и отдыха, очевидно, значитъ тѣмъ самымъ признавать, что жизнь создана для чего-то другого. Точно такъ-же и непрерывная и удачная дѣятельность не есть именно то, что составляетъ удѣлъ человѣка; онъ стремится къ этому, но не достигаетъ и не можетъ достигнуть этого. Его состояніе это — работа, трудъ, скорбь, *pólos*, какъ говорили греки. Это — усиліе и усиліе, которое дорого стоитъ. Это борьба, борьба со всевозможными препятствіями, внутренними и внѣшними, борьба съ природой, борьба людей между собой и т. д.

Однако, съ другой стороны, въ этой борьбѣ люди могутъ оказывать другъ другу взаимную помощь, помощь искреннюю, сердечную, а чрезъ это могутъ осуществить на дѣлѣ нравственный законъ, который составляетъ ихъ правило, и стремиться къ добру, которое есть ихъ цѣль: *Per varios casus, per tot discrimina rerum tendimus in Latium...*

* * *

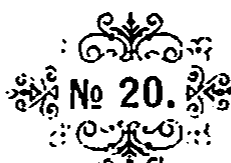
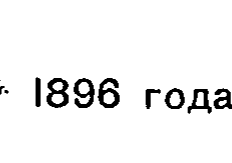
(Продолженіе будетъ.)

¹⁾ Прекрасное выраженіе Б. Гратри: Кризисъ вѣры 201 стр.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Октября № 20. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшая отмѣтка.—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 18-го сентября 1896 года.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая отмѣтка.

Отъ Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго поступило къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода сообщеніе о томъ, что въ память и въ ознаменованіе дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ: прихожане Николаевской церкви слободы Григоровки, Харьковскаго уѣзда, пріобрѣли на собственные средства для названной церкви иконы: святителя чудотворца Николая, въ металлической вызолоченной ризѣ, съ таковою же лампадою, и Преображенія Господня.

На всеподданнѣйшемъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора о таковыхъ выраженіяхъ вѣрноподданническихъ и религіозно-патріотическихъ чувствъ Его Императорскому Величеству, въ 7-й день минувшаго сентября, благоугодно было Собственноручно начертать: „Прочель съ удовольствіемъ“.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Съ 1-го апрѣля по 1-е октября 1896 года на устройство зданія для общезитія и актовaго зала въ Семинаріи поступило: а) взносовъ отъ церквей Харьковскаго училищнаго округа 4499 руб. 32 к., б) взносовъ отъ причтовъ Харьковской епархіи 3363 руб. 75 коп. и в) пожертвованныхъ отъ церквей 2-го Ахтырскаго округа 25 руб.,

итого 7888 руб. 7 коп., а всего съ прежде поступившими 100458 руб. 27 коп. Увѣдомляя о семъ, Правленіе считаетъ долгомъ выразить жертвователямъ глубокую благодарность за ихъ сочувствіе нуждамъ Семипаріи.

Журналы Съѣзда духовенства Купянскаго училищнаго округа, бывшаго 18-го сентября 1896 года.

Уполномоченные отъ духовенства Купянскаго училищнаго округа, собравшись въ зданіи училища, въ числѣ 8 (а не 12) чловѣкъ, по молитвѣ, избрали закрытою баллотировкою Предсѣдателемъ Священника Андрея Базилевича, и дѣлопроизводителемъ Священника Василя Царевскаго. Не явился на Съѣздъ уполномоченные отъ благочивій: 1-го и 3-го округовъ Купянскаго уѣзда, 3-го Изюмскаго уѣзда и 2-го Старобѣльскаго уѣзда и не представлено никѣмъ о томъ никакихъ объясненій. Постановили: о неявкѣ уполномоченныхъ имѣть сужденіе по окончаніи всѣхъ занятій Съѣзда. Затѣмъ приступили къ занятіямъ въ порядкѣ программы, составленной Правленіемъ училища и утвержденной Его Преосвященствомъ.

1. Слушали журналы предыдущаго Съѣзда духовенства, съ послѣдовавшими на нихъ резолюціями Его Высокопреосвященства. Постановили: принять къ свѣдѣнію, а домъ, предназначенный правленіемъ училища для заразныхъ больныхъ и обремонтированный на мѣстныхъ средства, осмотрѣть всѣми уполномоченными во время перерыва занятій.

2. Разсматривали смѣты прихода и расхода суммъ по содержанию училища въ 1897 году, изъ коихъ видно, что всей суммы предвидится къ поступленію 24958 р. 13 коп., а расходъ предполагенъ въ количествѣ 24932 р. 85 к., остатокъ къ 1898 году выражается въ суммѣ 25 р. 28 коп. Постановили: смѣты утвердить въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ составлены правленіемъ училища.

3. Разсматривали вѣдѣчковые вѣдомости за прошедшій 1895 годъ и нашли, что по всѣмъ вѣдомостямъ поступленіе суммъ за означенный годъ было правильно. Постановили: принять къ свѣдѣнію.

4. Слушали журналы дѣйствій временнаго ревизіоннаго Комитета по повѣркѣ экономическаго отчета о приходѣ, расходѣ и остаткѣ суммъ по содержанию Купянскаго духовнаго училища въ истекшемъ 1895 году, изъ коихъ усмотрѣно, что, какъ при про-

вѣркѣ документальной отчетности, такъ и при наблюденіи за правильностію расходованія суммъ въ текущемъ году, все найдено законно, правильно и сомнительнаго ничего нѣтъ. Постановили: Священниковъ: Іоанна Нечаева, Моисея Петрова и Платона Стаховскаго избрать членами ревизіоннаго Комитета и на будущій годъ, съ изъявленіемъ имъ благодарности за понесенные ими усердные и безмездные труды, со внесеніемъ таковой въ ихъ послужные списки, о чемъ и ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ, а кандидатомъ къ нимъ избрать священника Θεодора Панкратьева.

Послѣ этого былъ сдѣланъ перерывъ занятій, и уполномоченные пожелали лично осмотрѣть домъ для заразныхъ больныхъ учениковъ и мѣсто для разведенія сада.

5. По возобновленіи засѣданія, приступили къ разсмотрѣнію дополнительной смѣты расхода на текущій 1896 годъ, въ количествѣ 570 руб.,— а именно: а) на разведеніе сада и устройство рѣшетки вокругъ него—200 руб.; б) на исправленіе амосовскихъ печей—100 руб.; в) на приобрѣтеніе 60-ти новыхъ одѣялъ—270 руб. При этомъ заслушанъ былъ докладъ Правленія училища, что, по приблизительному исчисленію Правленія, къ 1-му января 1897 года, за покрытіемъ расходовъ, по смѣтѣ на 1896 годъ, можетъ получиться остатокъ училищныхъ суммъ около 2000 руб. Постановили: просить правленіе училища покрыть означенные расходы изъ указанныхъ наличныхъ училищныхъ суммъ.

6. Слушали прошенія: 1) псаломщика Покровской церкви Дмитрія Пономарева о принятіи сына его, ученика 1-го класса Виктора, на полукоптное содержаніе; 2) земскаго фельдшера Θεодора Кузнецова о принятіи сына его Павла въ число полупансіонеровъ, а буде невозможно, о предоставленіи ему правъ взносить за содержаніе его сына прежде бывшую плату—140 руб.; 3) крестьянина Александра Чикина о взносѣ за содержаніе въ училищѣ его сына, ученика 2-го класса Ивана Чикина, не 200 руб., а 140 руб., въ годъ; 4) жены губернскаго секретаря Александры Путилиной о предоставленіи ей права взносить за ученіе и содержаніе въ училищѣ сына ея, Павла Путилина, 140 руб., во все время продолженія его ученія; 5) священника Захарія Жукова о принятіи внука его, ученика приготовительнаго класса Евгенія Жукова, родившагося въ свѣтскомъ званіи его отца, со взносомъ за содержаніе его въ общежитіи платы, установленной для лицъ духовнаго званія; 6) священника Евлампія Макухина

о дозволеніи ему вносить за содержаніе въ училищѣ внука его, ученика 3-го класса Валентина Соколова, изъ свѣтскаго званія прежнюю плату 140 руб. въ годъ. Принимая во вниманіе недостаточность училищныхъ суммъ съ одной стороны, а съ другой то обстоятельство, что лица свѣтскаго званія не принимаютъ никакого участія въ содержаніи училища личными своими средствами ни до, ни послѣ обученія своихъ дѣтей въ училищѣ, кромѣ установленныхъ взносовъ, и, слѣдовательно, не могутъ по всей справедливости пользоваться привилегіями училища наравнѣ съ духовенствомъ, постановили: выше поименованнымъ просителямъ въ ихъ просьбѣ отказать, а правленіе училища просить принимать на будущіе время дѣтей, родившихся въ свѣтскомъ званіи а тѣмъ болѣе, внуковъ духовенства, съ обязательнымъ для лицъ свѣтскаго званія взносомъ 200 руб., хотя-бы эти дѣти и отличались примѣрными успѣхами и поведеніемъ; и саломщику же Дмитрію Пономареву, какъ воспитывающему одного только сына, объявить, что онъ взносы за содержаніе своего сына можетъ произвести изъ своихъ личныхъ средствъ.

7. Слушали докладъ правленія училища о томъ, сколько слѣдуетъ взимать платы за содержаніе въ училищномъ общежитіи съ иноокружныхъ и иноепархіальныхъ учениковъ. По всестороннемъ обсужденіи этого вопроса, исходя изъ той мысли, что духовенство хотя и перемѣщается изъ одного училищнаго округа въ другой, все-же служить своей епархіи и своими общими средствами поддерживаетъ училища епархіи, остановились на томъ, что съ иноокружныхъ учениковъ слѣдовало бы взимать одинъ только установленный взносъ за содержаніе въ училищѣ (безъ взноса за право—обученія), и выразили желаніе, чтобы эта мѣра была принята во всѣхъ духовныхъ училищахъ Харьковской епархіи, а иноепархіальныхъ, какъ не участвующихъ въ содержаніи мѣстныхъ училищъ, считать наравнѣ со свѣтскими лицами. Постановили: просить правленіе училища взимать съ иноокружныхъ учениковъ одинъ только взносъ за содержаніе ихъ въ училищѣ, безъ установленного взноса за право обученія, а предъ Его Высокопреосвященствомъ ходатайствовать о примѣненіи сей мѣры при принятіи учениковъ иноокружныхъ и въ другихъ училищахъ Харьковской епархіи.

8. Слушали докладъ Смотрителя училища, о томъ, что Настоятель Купянскаго Собора, Протоіерей Іоаннъ Левандовскій, обратился къ нему съ просьбою предложить настоящему Съѣзду духовенства, не соблаговолитъ ли онъ числящійся на Купянскомъ Со-

борѣ долге училищу, въ количествѣ 231 р., скостить со счетовъ училищныхъ суммъ. Во уваженіе того обстоятельства, что съ разширеніемъ Собора, средства его истощились, а храмъ во имя Преображенія Господня (что подъ Соборною колокольней), который уступленъ для пользованія учениковъ духовнаго училища, нуждается въ ремонтнровкѣ, постановили: 231 р. со счетовъ училища изъять, съ тѣмъ условіемъ, чтобы настоятель и церковный староста Купянскаго собора не требовали отъ училища ничего на ремонтнровку означеннаго храма, впредь до устройства при училищѣ особой церкви.

9. Слушали прошеніе эконома училища Илларіона Долгополова о выдачѣ ему единовременнаго пособія въ количествѣ 100 руб., при чемъ смотритель училища доложилъ собранію о честномъ и аккуратномъ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей и что такого человѣка желательнo удержать при училищѣ. Постановили: къ получаемому Долгополовымъ жалованью — 240 руб. прибавить 60 руб. въ годъ лично ему, съ тѣмъ, чтобы эта прибавка производилась съ настоящаго сентября мѣсяца. На этомъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства такая: „23-го сентября. Утверждается“.

Въ вечернее засѣданіе, съ прибытіемъ еще 2-хъ уполномоченныхъ, явились 10-ть человѣкъ. По прочтеніи редакціи журнала утренняго засѣданія и по подписаніи бывшими уполномоченными приступили къ продолженію своихъ занятій.

1. Имѣли сужденіе о томъ, что домъ, предназначенный для заразныхъ больныхъ, отдѣланъ Правленіемъ училища хозяйственнымъ образомъ и не дорого, и хорошо, со всѣми къ тому приспособленіями, сообразно медицинскимъ требованіямъ, и что въ училищной больницѣ помѣщается училищный фельдшеръ, занимая двѣ просторныхъ комнаты и переднюю. Постановили: за прекрасную отдѣлку дома экономическимъ способомъ Правленіе училища благодарить, а относительно фельдшера просить Правленіе, чтобы онъ съ семьею не жплъ въ больницѣ, больныхъ же учениковъ помѣщать въ трехъ просторныхъ и свѣтлыхъ комнатахъ отъ улицы.

2. Заслушали докладъ Правленія училища о томъ, чтобы съѣздъ духовенства, въ видахъ улучшенія матеріальнаго благосостоянія училищныхъ преподавателей, по примѣру Съѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго округа, разрѣшилъ отчислять въ пользу преподавателей пзъ суммъ, поступающихъ за право ученія отъ вносословныхъ воспитанниковъ, не половину всего сбора, какъ

это дѣлалось до сего времени, а двѣ трети. Въ виду того, что отчисленіе это не увеличитъ смѣтнаго бюджета по содержанію училища, постановили: разрѣшить Правленію училища отчислять съ сентября сего года въ пользу преподавателей двухъ третей отъ суммы, поступающей за право ученія отъ преемственныхъ учениковъ.

3. Слушали прошенія: а) пяти надзирателей училища о прибавкѣ къ получаемому ими жалованью по 60 р. каждому за веденіе диктантовъ по русскому языку во внѣклассное время, по три часа въ недѣлю; б) учителя пѣнія о вознагражденіи ему въ количествѣ 120 р. по обязанности регента хора; в) священника Александра Макухина о назначеніи ему за ежедневное посѣщеніе пмъ утреннихъ и вечернихъ молитвъ въ обществѣ училища, въ размѣрѣ, какой Съѣздъ найдетъ возможнымъ; г) учителя Ивана Руднева о прибавкѣ ему 40 р. за дѣлопроизводство по училищному Правленію; д) учителя приготов. класса, Георгія Попова, о выдачѣ ему квартирнаго пособія въ размѣрѣ 200 р. и е) учителя Александра Троицкаго о назначеніи ему добавочнаго содержанія наравнѣ съ учителями съ семинарскимъ образованіемъ, въ количествѣ 150 р. Признавъ просьбы нѣкоторыхъ изъ просителей заслуживающими уваженія, а труды ихъ, выходящіе изъ ряда программъ, достойными поощренія, Постановили: а) 5 надзирателямъ училища прибавить по 60 руб. каждому; б) регенту училища 60 р.; в) священнику Макухину 50 р., и г) учителю Рудневу 40 р. (лично ему) съ тѣмъ, чтобы Правленіе училища покрыло сей расходъ изъ училищныхъ остатковъ, начиная выдачу съ сентября сего года, а просьбамъ учителей Троицкаго и Попова, за неимѣніемъ уже свободныхъ суммъ въ училищѣ, отказать, въ виду достаточности ихъ содержанія по разнымъ должностямъ.

4. По поводу неявки на съѣздъ уполномоченныхъ отъ благочинническихъ округовъ 3-го Купянскаго уѣзда и 2-го Старобѣльскаго уѣзда, постановили: покорнѣйше просить мѣстныхъ о.о. благочинныхъ на будущее время предупреждать причины неявки на съѣздъ уполномоченныхъ отъ духовенства изъ округовъ. Время будущаго Съѣзда духовенства назначить на 17 сентября 1897 года. Собраніе закрыто въ 11 часовъ ночи и постановлено: обратиться завтра для подписи журнала. На семъ журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства такая: „23 сентября. Утверждается“.

Епархіальныя извѣщенія.

Священники церквей: слободы Молодовой, Волчанскаго уѣзда, Михаилъ *Краснокутскій* и слободы Волоховки, того же уѣзда, Павелъ *Измайловъ*, за долголѣтнюю усердную службу, награждены скуфьею.

— Священники церквей Старобѣльскаго уѣзда: слободы Ново-Астрахани, Николай *Оворовъ*, слободы Шульгинки, Федоръ *Войтовъ* и Старобѣльской Покровской церкви, Михаилъ *Гогинъ*, за усердную службу, награждены набедренникомъ.

— Окончившій курсъ Духовной Семинаріи, Константинъ *Пантелеионовъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви слободы Дмитріевки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Духовной Семинаріи, Леонидъ *Федоровскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при церкви хутора Тецкаго, того же уѣзда.

— Діаконъ Спасской церкви, слободы Воеводска, того же уѣзда, Андрей *Венедиктовъ*, опредѣленъ на второе священническое мѣсто при той же церкви.

— Священникъ церкви слободы Дмитріевки, Старобѣльскаго уѣзда, Василій *Мантулинъ*, 11 октября умеръ.

— Псаломщикъ Преображенской г. Ахтырки церкви, Митрофанъ *Царевскій*, 30 сентября п. г. рукоположенъ въ санъ діакона на псаломщицкой вакансіи при той же церкви.

— Діаконъ Покровскаго г. Ахтырки Собора, Василій *Бѣлицкій*, согласно прошенію, резолюціею Его Высокопреосвященства 8 сего октября, уволенъ за штатъ, а на мѣсто его, тою же резолюціею, опредѣленъ псаломщикъ Николаевской церкви г. Краснокутска, Богодуховскаго уѣзда, Василій *Григоревичъ*.

— Діаконъ Всѣхсвятской церкви села Вирей, Сумскаго уѣзда, Дмитрій *Багинскій* 27 сентября п. г., волею Божіею умеръ, а на мѣсто его резолюціею Его Высокопреосвященства 23 сего октября опредѣленъ діаконъ псаломщикъ Георгіевской церкви села Бѣловода, Сумскаго уѣзда, онъ же и учитель церковно-приходской школы деревни Водолаги, Алексій *Никитинъ*.

— Діаконскій сынъ, Владиміръ *Федоровскій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто къ церкви хутора Тецкаго, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ, Федоръ *Гревизирскій*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви, слободы Маньковки, Купянскаго уѣзда.

— Бывшій воспитанникъ Духовной Семинаріи, Иванъ *Евфимовъ*, опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви села Воеводска, Старобѣльскаго уѣзда.

— Псаломщики: г. Сумъ Рождество-Богородичной церкви, Тарасій *Збукиревъ* и Троицкой церкви села Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Михаилъ *Хижняковъ*, согласно прошенію ихъ, резолюціей Его Высокопреосвященства 18 сего октября, перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: крест. Иванъ *Чугай* 4 октября н. г. къ Дмитріевской церкви слободы Стецковки, Сумскаго уѣзда, на пятое трехлѣтіе; крест. Иванъ *Вальскій* 11 сего октября къ Благовѣщенской церкви села Тростянца, Ахтырскаго уѣзда.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Торжества въ день 17 октября въ Спасовомъ скиту и въ г. Харьковѣ. — Памяти Царя-Миротворца. — Церковное торжество въ Переяславѣ. — Освященіе православнаго храма въ Гамбургѣ. — Дѣятельность сѣздовъ духовенства. — Братскія собранія духовенства. — Заботы о благоустройствѣ церковно-приходскихъ школъ. — Руководственныя указанія относительно церковно-приходскихъ школъ. — Миссіонерское общество. — Миссіонерскія братства. — Общепользы свѣдѣнія.

Въ нынѣшнемъ году, по распоряженію Высокопреосвященнѣйшаго Амвросія Архіепископа Харьковскаго, къ 17-му октября въ Спасовъ Скитъ была препровождена пзъ Харькова чудотворная Озерянская икона Божіей Матери, для болѣе торжественнаго богослуженія и привлеченія народа къ молитвѣ на мѣстѣ чудеснаго спасенія въ Возѣ почивающаго Императора Александра III и нынѣ благополучно Царствующаго Императора Николая II со всѣмъ Августѣйшимъ Семействомъ. Св. икона была перевезена въ Спасовъ Скитъ 16 числа съ экстреннымъ поѣздомъ, въ особомъ вагонѣ. Съ тѣмъ-же поѣздомъ прибыли въ скитъ преосвященнѣйшій Петръ, епископъ Сумскій, викарій Харьковской епархіи, ключарь Успенскаго кафедральнаго собора о. Виноградовъ, протодіаконъ Вербицкій и хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. На платформѣ у Спасова скита образъ Богоматери былъ встрѣченъ архимандритомъ Вассіаномъ съ духовенствомъ скита и толпой богомольцевъ, прибывшихъ отовсюду на торжество. Принявъ изъ вагона образъ Божіей Матери, архимандритъ Вассіанъ и настоятель Спасова скита Іоанникій крестнымъ ходомъ перенесли образъ въ деревянный храмъ скита. Здѣсь преосвященнѣйшимъ Петромъ былъ отслуженъ молебенъ и совершено всенощное бдѣніе, въ сослуженіи двухъ іеромонаховъ скита. Одновременно съ этимъ въ храмѣ, сооруженномъ на мѣстѣ крушенія Императорскаго поѣзда, настоятель скита съ братіей служилъ всенощное бдѣніе. Утромъ, 17 октября, равную литургію

настоятель служилъ въ деревянномъ храмѣ скита, а въ 9 часовъ въ этотъ храмъ прибылъ преосвященнѣйшій Петръ. По окончаніи часовъ, начался крестный ходъ изъ храма, что въ скиту, въ храмъ на мѣстѣ крушенія. Образъ Божіей Матери несли на рукахъ г. губернаторъ, гофмейстеръ Высочайшаго Двора, Г. А. Тобизенъ и городской голова И. Т. Голенищевъ-Кутузовъ. Въ торжественной процессіи участвовали члены комитета по построению храма на мѣстѣ крушенія и нѣкоторые гласные думы. Несмѣтная толпа богомольцевъ не могла вмѣститься въ храмъ и заполняла всю обширную площадь между оградой скита и храмомъ-памятникомъ. По окончаніи поздней литургіи, начался молебенъ и чудотворный образъ Божіей Матери былъ перенесенъ крестнымъ ходомъ въ пещерную часовню, находящуюся въ томъ мѣстѣ насыпи, гдѣ Промыслъ Божій пѣкогда чудесно спасъ драгоценную жизнь всей Царственной Семьи. Въ часовнѣ молебенъ закончился, и образъ Озерянской Божіей Матери былъ перенесенъ снова въ храмъ—памятникъ, гдѣ былъ выставленъ для благоговѣйнаго поклоненія богомольцевъ. Стеченіе богомольцевъ въ скиту было громадное. Многіе пришли издалека: были въ дорогѣ три дня. Помѣстить эту толпу оказалось крайне затруднительнымъ, и многіе богомольцы ночевали около храма подъ открытымъ небомъ или зарывались въ стоги сѣна. Насколько велико было стеченіе народа, видно изъ того, что воды для пѣтя не хватало и колодцы вычерпывали до дна. До ранняго поѣзда, вышедшаго изъ Харькова въ 6 час. 20 мин. утра, уже было отправлено нѣсколько поѣздовъ съ бесплатными пассажирами. Затѣмъ каждый слѣдующій поѣздъ подвозилъ все новыя и новыя толпы.

— Въ 8 годовщину чудеснаго спасенія Августѣйшаго Семейства при крушеніи Императорскаго поѣзда у станціи Борки, въ Харьковскомъ Успенскомъ кѣедральномъ соборѣ, послѣ литургіи, совершенно было преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, съ городскимъ духовенствомъ, благодарственное молебствіе, въ присутствіи командира 10 корпуса генерала отъ кавалеріи В. Ф. Винберга, начальника кавалерійской дивизіи генер.-лейтенанта Ребиндера, начальника 31 пѣхотной дивизіи генер.-лейтенанта Будде, начальника артиллеріи корпуса генераль-лейтенанта Есаулова, начальника корпуснаго штаба генераль-майора Усаковского, командира мѣстной бригады генераль-майора Кукель, и. д. харьковскаго вице-губернатора В. В. Кузпна, представителей сословныхъ и общественныхъ учрежденій и многочисленнаго собранія моля-

щихся. Оффиціальныя учрежденія и торговыя заведенія въ городѣ были закрыты. «Юж. Кр.».

— Два года тому назадъ въ день 20 октября Россія лишилась великаго Миротворца, Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Третьяго. День христіанской кончины Его включается въ число дней памятныхъ для Русской Церкви и Русскаго народа. Благодарная память о Царѣ-Миротворцѣ болѣе и болѣе убѣждаетъ каждаго истиннаго сына Православной Церкви и вѣрнаго подданнаго Русскому Престолу, что добрыя дѣла почившаго Вѣнценосца не перестаютъ существовать среди насъ и приносятъ плоды возжелѣнные. Миръ, который возлюбилъ почившій Монархъ болѣе и выше всякой бранной славы, который поставилъ въ основу развитія Богомъ даннаго Ему для правленія великаго государства, никѣмъ доселѣ не нарушается, а усердно охраняется, какъ драгоценное сокровище, какъ дорогое наслѣдіе, полученное у смертнаго одра. Трудъ, который высоко цѣнилъ Почившій во всѣхъ видахъ и родахъ его, не подавляется ни самоувѣренностью, ни ослабленіемъ силъ, а умножается и развивается, заявляя о себѣ открыто предъ всѣмъ міромъ, что явнымъ стало на всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ Новгородѣ. Просвѣщеніе въ духѣ Православной Церкви, на которое съ царскаго престола было указано, какъ на твердый и надежный оплотъ надлежащаго развитія и процвѣтанія нашего отечества, не угасаетъ, а болѣе и болѣе возгарается: число церковно-приходскихъ школъ увеличивается, количество учащихся въ нихъ дѣтей—мальчиковъ и дѣвочекъ возрастаетъ, время выдвигаетъ на этомъ поприщѣ много новыхъ непостыдныхъ дѣятелей. Обезпеченіе духовенства, призваннаго вести народъ русскій по пути истиннаго просвѣщенія къ вѣчному спасенію, постепенно направляется къ желанной цѣли: съ каждымъ годомъ число причтовъ, получающихъ жалованье, становится больше и больше. Просвѣтительная дѣятельность иныирей не остается безплодною: нравы народа понемногу очищаются отъ вредныхъ вліяній, слышны радостныя вѣсти о возвращеніи въ лоно Церкви иныхъ чадъ ея, уклонившихся было то въ расколъ, то въ сектанство. Какъ радостно и отрадно при воспоминаніи о Почившемъ это видѣть, это знать, объ этомъ говорить и писать! День кончины Незабвеннаго Императора Александра Третьяго почтить молитвою объ упокоеніи Его чистой души въ обителяхъ Отца свѣтовъ—священный долгъ каждаго пастыря, каждаго сына Русской Церкви. Въ этой молитвѣ—залогъ нашего общенія съ

Миротворцемъ, Который унаслѣдуетъ блаженство и наречется сыномъ Божиимъ (Матѣ. 5, 9). «Рук. д. с. п.»

— Въ «Прав. Вѣст.» сообщены слѣдующія любопытныя данныя объ Іерусалимскомъ храмѣ въ память въ Бозѣ почившаго Императора Александра III. Когда неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ угодно было отозвать въ горняи Императора Александра III, Палестинское Общество въ безпредѣльномъ горѣ о преждевременной утратѣ своего Основателя и постоянного Благодѣтеля, въ общемъ собраніи, 27 ноябрю 1894 года, постановило: „создать въ самомъ Св. Градѣ вѣчный памятникъ Усопшему“. Мысль о томъ, какой создать памятникъ, по словамъ означеннаго постановленія, дана Самимъ покойнымъ Государемъ, почтившимъ память много потрудившейся для Св. Земли Матери Своей Императрицы Маріи Александровны сооружеиіемъ съ Августѣйшими Братьями и Сестрой на Елеонской горѣ, въ виду Іерусалима, церкви во имя Св. Равноапостольной Маріи Магдалины. Это вызвало мысль въ Іерусалимѣ, въ русскомъ домѣ, какъ ближайшемъ къ величайшей святынѣ христіанства, устроить церковь во имя Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Въ этомъ храмѣ постановлено было еженедѣльно, по четвергамъ, въ день кончины Государя Императора, служить заупокойную литургію и установить чтеніе постоянной псалтири объ упокоеніи души Царя-Миротворца. При устройеніи храма было встрѣчено немало затрудненій, которыя устранены только черезъ полтора года, въ началѣ мая текущаго года. Днемъ освященія было назначено 22 мая, день кончины Государыни Императрицы Маріи Александровны. Теперь, когда съ вершины Елеонской горы обращается взоръ ко храму Воскресенія Господня, три креста блестятъ одинъ за другимъ: крестъ надъ часовней гроба Господня, крестъ надъ греческимъ каѳоликономъ и—впереди всѣхъ—крестъ надъ Русскимъ домомъ, какъ бы стоящій на передовой стражѣ Православія... И крестъ этотъ будетъ всегда говорить о славномъ и великомъ Государѣ Русскомъ Александрѣ III.

— 12-го сентября, въ древнемъ Переяславѣ, съ невиданнымъ здѣсь торжествомъ освященъ новый храмъ-памятникъ присоединенія Малороссіи къ Россіи. Переяславъ—древнѣйшій изъ городовъ Полтавской губ. Въ немъ 8 церквей, и древнѣйшая изъ нихъ—церковь Успенія Божіей Матери—каменная, построенная великимъ княземъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1098 г., существовала 141 г. Татарскія разоренія коснулись и ея. Недавно, въ 1888 г., найдены ея остатки. Прошло слишкомъ 350 лѣтъ послѣ 1239 г.—погрома татарскаго, и въ 1586

г. князь Василій Острожскій на томъ же мѣстѣ построилъ большую деревянную церковь. Въ 1654 году въ этомъ храмѣ происходило великое для Россіи историческое событіе. Богданъ Хмельникій съ представителями Малороссіи по лѣвую сторону Днѣпра принималъ въ храмѣ присягу на вѣрнопопданничество Россіи. Но послѣ этого событія большой пожаръ въ городѣ уничтожилъ и храмъ. Сгорѣвшій храмъ повелѣлъ возстановить на свой коштъ царь Алексѣй Михайловичъ. Въ этомъ храмѣ 20-го февраля 1674 г. представители заднѣпровскаго народа подтвердили данную Хмельницкимъ присягу. Но и эта церковь была уничтожена пожаромъ. На ея мѣстѣ поставили новую въ 1767 г., простоявшую до 1860 г., когда она совсѣмъ обветшала. Возникъ вопросъ о созданіи новой церкви, но только 21-го мая 1889 года храмъ наконецъ былъ заложенъ. Подъ новою церковью внизу сохранены еще остатки престола: фундаментъ каменный, на которомъ стоялъ столбъ изъ цѣльнаго дерева—престоль. Новый храмъ обошелся въ 76,000 рублей слишкомъ. Церковь пятиглавая, снаружи не оштукатурена такъ какъ сложена въ кievскомъ стилѣ; кирпичъ раздѣланъ подъ швы цементомъ и выкрашенъ желтою краской; купола покрыты бѣлою жестью, малыя главки, что вокругъ большой—вызолочены и украшены зеркальными крестами. Внутри храмъ трехпрядѣльный, вмѣщаетъ человекъ 600. Главный престоль Успенія Божіей Матери, сѣверный—святителя Николая, южный—во имя св. Владиміра Равноапостольнаго. Иконостасъ очень хороша, также и византійскій орнаментъ, которымъ расписаны арки сводовъ: онъ—нѣжныхъ, пріятно гармонирующихъ тоновъ. Прекрасной рѣзбы иконостасъ, который одинъ стоитъ 11,000 р., пожертвованъ на половину. Онъ оригиналенъ рѣдкимъ сочетаніемъ свѣтлорозоватаго фона съ богатымъ золотымъ орнаментомъ и колоннами. Богатыя хоругви тоже пожертвованы. Торжество освященія началось въ 9 ч. утра. Къ нему съѣхались дворяне, помѣщики съ своими семействами со всего уѣзда во главѣ съ предводителемъ, депутаты, волостные старшины и судьи уѣзда, полтавскій губернаторъ, губернский предводитель дворянства, губернскаго власти, дворяне сосѣднихъ уѣздовъ и губерній, депутаты отъ Кіевской и Харьковской епархіи и такое множество народа, какого Переяславъ не видалъ очень давно. На торжество прибылъ и товарищъ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода В. К. Саблеръ. Освященіе совершалъ преосвященный Иларионъ, епископъ полтавскій и переяславскій. «Моск. Цер. Вѣд.».

— Въ «Сиб. Вѣд.» напечатано описаніе состоявшагося 4 ок-

тября въ Высочайшемъ присутствіи освященія православнаго храма въ Гамбургѣ. Государь Императоръ и Государыня Императрица Собственноручно положили первый камень этого новаго храма, на постройку котораго пожертвованы средства нѣсколькими изъ постоянныхъ русскихъ посѣтителей Гамбурга. Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней передъ закладкою Гамбургъ принялъ праздничный видъ: мѣсто въ паркѣ, отведенное городскимъ управленіемъ подъ постройку церкви, имѣло въ серединѣ роскошную палатку, живописно выдѣлявшуюся на лиловомъ фонѣ горъ и утопавшую въ тропическихъ растеніяхъ, представлявшихъ красивый контрастъ съ пожелтѣвшею уже листвою великолѣннаго парка, составляющаго гордость Гамбурга. Въ началѣ 12-го часа прибыли: вдовствующая Германская Императрица Викторія и представители русскаго правительства, съ посломъ графомъ Остенъ Сакеномъ во главѣ, пріѣхавшимъ изъ Берлина для встрѣчи Ихъ Величествъ. Въ 11 час. 25 мин. подошелъ Императорскій поѣздъ, изъ котораго вышли Государь Императоръ, Государыня Императрица, Великая Княгиня Елисавета Теодоровна, Великій Герцогъ Гессенскій и лица Свиты. При громкихъ кликахъ привѣтствій множества народа, собравшагося вдоль разукрашенныхъ флагами улицъ и въ окнахъ и на балконахъ домовъ, Государь и Государыня вмѣстѣ съ Императрицею Германскою отбыли къ мѣсту закладки. Здѣсь ихъ Величества были встрѣчены духовенствомъ въ числѣ трехъ протоіереевъ. По прочтеніи протоіереемъ носольской церкви въ Берлинѣ А. П. Мальцевымъ акта о закладкѣ, началось Богослуженіе, при пѣніи прекраснаго хора пѣвчихъ висбаденской церкви. Послѣ возглашенія многолѣтія и окропленія краеугольнаго камня святою водою, Государь Императоръ поднялся на устроенное возвышеніе передъ камнемъ и Собственноручно замуровалъ въ немъ шкатулку съ русскими и нѣмецкими монетами новѣйшаго чекана, вложенными въ нее присутствовавшими Высочайшими Особами: туда же была помѣщена доска съ выгравированною на ней надписью и разные документы, касающіеся закладки. Затѣмъ Государыня Императрица поднялась также на возвышеніе и положила кирпичъ, а за Ихъ Величествами всѣ присутствовавшія Высочайшія Особы и члены сиротскаго комитета сдѣлали то же самое. Государь Императоръ, Государыня Императрица, Императрица Германская, Великая Княгиня Елисавета Теодоровна и прочія Особы послѣ того расписались въ особой книгѣ, долженствующей храниться при церкви. Бургомистръ гор. Гам-

бурга, докторъ Таттенбернъ, привѣтствовавшій Ихъ Величества на вокзалѣ отъ имени города, обратился еще разъ къ Высокимъ Гостямъ съ благодарностью за участіе въ праздникѣ, въ особенности же благодарилъ Русскаго Царя и Царицу, почтившихъ городъ Своимъ посѣщеніемъ. При пѣніи хора любителей, Ихъ Величества сѣли въ экипажъ, вмѣстѣ съ Императрицей Германской, и отбыли, сопровождаемые другими Высочайшими Особами и свитою, въ замокъ Фридрихсгофъ, лежащій въ разстояніи часа ѣзды отъ Гамбурга, въ очаровательной мѣстности, гдѣ Императрица Германская проводитъ большую часть года. Церковь строится мѣстнымъ архитекторомъ г. Якоби по рисункамъ архитектора Бенуа и разсчитана только на 100 человѣкъ. Наблюденіе за постройкой взялъ на себя особый комитетъ, образовавшійся подъ почетнымъ предсѣдательствомъ нашего посла въ Берлинѣ, графа Остенъ Сакена. Черезъ годъ она будетъ готова и освящена по желанію жертвователей во имя Всѣхъ Святыхъ.

— Весьма существенныя стороны въ религіозной жизни прихожанъ, церковно-приходскихъ и обще-епархіальныхъ дѣлахъ подвергнуты были обсужденію на послѣднихъ сѣздахъ духовенства. Такъ сѣздъ духовенства въ Новгородѣ, разсуждая о пастырскихъ мѣрахъ къ пресѣченію проявляющагося въ разныхъ приходяхъ епархіи нерадѣніи объ ежегодномъ исполненіи христіанскаго долга исповѣди и причастія св. таинъ, выяснилъ, по словамъ «Цер. Вѣст.», слѣдующее: „наибольшій процентъ не бывшихъ оказывается въ многолюдныхъ приходяхъ. Это происходитъ отъ того, что исповѣдь здѣсь часто продолжается 10 и 12 часовъ. Въ такой продолжительный періодъ времени нѣкоторые изъ исповѣдниковъ до такой степени утомляются, что, не дождавшись очереди, уходятъ домой безъ исповѣди и, если въ слѣдующую недѣлю не познолятъ домашнія обстоятельства, остаются не бывшими у исповѣди. Принимая это во вниманіе, сѣздъ постановилъ: 1) вмѣнить въ обязанность священникамъ всѣхъ приходоу епархіи, начиная съ недѣли мытаря и фарисея, поучать прихожанъ съ церковной кафедры и на внѣбогослужебныхъ соборно-сѣдованіяхъ преимущественно о необходимости исполненія прихожанами христіанскаго дѣла исповѣди и причастія св. таинъ; 2) просить законоучителей школъ всѣхъ наименованій насколько возможно обстоятельнѣе объяснить дѣтямъ значеніе и важность св. таинъ, богослуженія и обрядовъ въ церкви Христовой; 3) рекомендо-

вать священникамъ совмѣстно съ церковными старостами бесплатную раздачу брошюръ, объясняющихъ св. таинства. Резолюція его высокопреосвященства на журналѣ: „Утверждается. Кромѣ прописаннаго въ постановленіи, разъяснить священникамъ многолюдныхъ приходовъ, что имъ лучше начинать исповѣданіе прихожанъ не наканунѣ причастія св. таинъ, а за день, т. е. начинать исповѣдать не съ пятницы, а съ четверга въ недѣли св. четырехдесятницы, и со вторника на страстной седмицѣ, и предварительно разъяснить прихожанамъ, почему необходимо нѣкоторымъ изъ нихъ исповѣдывать грѣхи свои за день до причащенія, и что исповѣдь заблаговременная можетъ быть такъ же спасительна, какъ исповѣдь наканунѣ и въ самый день причастія св. таинъ“. Тотъ же съѣздъ по предложенію высокопреосвященнаго архіепископа новгородскаго, разсуждая объ учрежденіи церковно-приходскихъ библіотекъ, книги изъ которыхъ должны быть выдаваемы для чтенія прихожанамъ, постановилъ: вмѣнить въ обязанность всѣмъ священникамъ епархіи, еще не открывшимъ библіотекъ, неотложно открыть ихъ; при открытіи библіотекъ, сначала покупать недорогія книги, по преимуществу брошюры, удобопонятныя и поучительныя, напр. Троицкіе листки; Евангеліе же на русскомъ языкѣ необходимо имѣть въ значительномъ количествѣ экземпляровъ; средства для покупки книгъ могутъ быть церковныя и попечительныя суммы отъ 5 р. до 12 р. ежегодно въ зависимости отъ средствъ церквей, выручка отъ продажи книгъ изъ библіотеки прихожанамъ и добровольныя пожертвованія. Высокопреосвященный Θεогностъ предложилъ консисторіи составить правила для церковно-приходскихъ библіотекъ.

— Подольскій съѣздъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, по предложенію епархіальнаго преосвященнаго, въ виду весьма неудовлетворительнаго, сравнительно съ другими епархіями, призрѣнія сиротъ, престарѣлыхъ, запятатныхъ и больныхъ духовнаго вѣдомства, въ подольской епархіи, между прочимъ поставилъ: открыть, въ принадлежащемъ духовенству и находящемся въ м. Шаргородѣ домѣ, богадѣльню на 20 престарѣлыхъ и немощныхъ изъ среды подольскаго духовенства; и отпускать на содержаніе богадѣленнаго дома въ Шаргородѣ, а также на поддержку существующихъ богадѣленъ при монастыряхъ Браиловскомъ и Бершадскомъ, 1% (изъ 2%) кружечной и кошельковой суммы, собираемой въ церквахъ епархіи и вносимой въ распоряженіе епархіальнаго попечительства. Утверждая постановленіе съѣзда, преосвященный кромѣ того предложилъ образовать окружныя попечительныя комитеты о больныхъ и престарѣлыхъ духовнаго вѣдомства.

— Въ «Рук. д. с. п.» помѣщена заслуживающая вниманія статья о необходимости братскихъ собраній духовенства въ цѣляхъ единства и благотворности пастырской дѣятельности. Пастырю Церкви современная жизнь предъявляетъ такое множество и разнообразіе требованій, что единичныхъ и разрозненныхъ силъ становится крайне недостаточно для ихъ удовлетворенія; даже ученые и опытные пастыри не въ состояніи удовлетворить собственными силами всѣхъ многосложныхъ запросовъ жизни. Что же сказать о молодыхъ священникахъ, для которыхъ и обычное отправленіе обязанностей пастыря въ болѣе спокойное время можетъ быть затруднительнымъ и которые въ борьбѣ могутъ своею горячностью, малоопытностью и поспѣшностью въ дѣйствіяхъ надѣлать ошибокъ, губельныхъ своими послѣдствіями для Церкви и только усаживающихъ врага. Необходимость объединенія дѣятельности пастырей въ виду общности врага и единства задачи ихъ дѣятельности становится очевидною и необходимою во всѣхъ вопросахъ, касающихся важнѣйшихъ обязанностей пастыря Церкви, какъ-то: священнодѣйствія, учительства и духовнаго руководствованія. Къ числу наиболѣе сильныхъ средствъ для удовлетворенія многосложныхъ запросовъ жизни и для борьбы съ разнообразными врагами вѣры и Церкви нашей нужно отнести, по мнѣнію названнаго журнала, единство пастырской дѣятельности, лучше всего достигаемое путемъ возможно частаго и живаго обмѣна мыслей по тѣмъ или другимъ вопросамъ, возбуждаемымъ самими же пастырями, путемъ тѣхъ братскихъ собраній духовенства, на которыхъ бы откровенно могли передаваться всѣ скорби и утѣхи приходской жизни, гдѣ бы сообщали въ полномъ единодушіи обсуждались и рѣшались разные недомѣлные вопросы и случаи изъ пастырской дѣятельности. Здѣсь, въ тѣсномъ кругѣ каждый изъ участниковъ находилъ бы сочувственный откликъ своему горю или затрудненію, каждый могъ бы получить совѣтъ отъ всего собранія, въ искренности котораго онъ не могъ бы сомнѣваться, здѣсь и малоопытные пастыри заимствовали бы отъ многоопытныхъ другихъ, и слабые находили бы для себя поддержку и не падали духомъ въ непосильной для нихъ борьбѣ съ различными пороками своихъ пасомыхъ. При внимательномъ и чуткомъ отношеніи къ дѣлу, братское единеніе пастырей, основанное на христіанской любви, само собою установило бы и единство въ ихъ дѣятельности. Это единство не должно быть, конечно, понимаемо какъ полное и совершенное единообразіе пастырской дѣятельности во всѣхъ мѣрахъ и во всѣхъ частностяхъ ея проявленія, какъ положительное отсутствіе самостоятельности въ мѣрахъ и

средствахъ, предпринимаемыхъ тѣмъ или инымъ пастыремъ въ борьбѣ съ различными пороками, обнаруженными его пасомыми. Такого рода единообразіе даже въ частностяхъ пастырской дѣятельности весьма полезно и необходимо только въ вопросахъ, касающихся одной изъ важнѣйшихъ обязанностей пастыря Церкви, именно—священнодѣйствія. Къ сожалѣнію именно этого у насъ и не достаётъ, или, по крайней мѣрѣ, оно не всегда замѣчается. А между тѣмъ, кому, какъ не пастырямъ Церкви, надлежало бы постоянно имѣть въ виду ту истину, что внѣшняя, обрядовая сторона христіанскаго ученія, какъ необходимая, имѣетъ величайшую важность въ религіозной жизни людей, и что особенно простой народъ нашъ и о вѣрѣ судить почти исключительно по такому или иному совершенію обряда. Понятно, что, чѣмъ совершеннѣе и однообразнѣе эта сторона дѣятельности пастырей, тѣмъ она полезнѣе для пасомыхъ и можетъ служить для пастыря простымъ, но вѣрнымъ средствомъ въ дѣлѣ распространенія, укрѣпленія и огражденія православной вѣры. Только точнымъ выполненіемъ всѣхъ установленій и обрядовъ церковныхъ пастыри могутъ поддерживать уваженіе къ нимъ среди пасомыхъ; напротивъ, значительное разнообразіе въ совершеніи частнаго и общественнаго богослуженія, а тѣмъ болѣе не всегда благоговѣйное отношеніе пастыря къ священнымъ предметамъ и установленіямъ церковнымъ легко могутъ воспитать въ пасомыхъ равнодушіе къ обряду и такимъ образомъ дать толчекъ къ отрицанію всей вообще внѣшности христіанскаго богослуженія. Точное выполненіе церковнаго Устава и осторожное отношеніе къ обряду должны быть на первомъ планѣ въ дѣятельности пастырей, особенно при перемѣщеніи ихъ изъ одного въ другой. Не менѣе необходимо единство пастырской дѣятельности и въ иныхъ областяхъ ея. Что могутъ сдѣлать разрозненныя силы пастырей при быстротѣ развитія въ наше время духовнаго просвѣщенія, когда къ нимъ со всѣхъ сторонъ предъявляются запросы, въ которыхъ затрогиваются возвышеннѣйшіе предметы и для удовлетворенія которыхъ требуется больше, чѣмъ гдѣ либо, умозрительныхъ познаній и знакомства съ наукою? Развѣ для одногобаго, никѣмъ не поддерживаемаго, пастыря возможна успѣшная борьба съ врагомъ, обладающимъ сильными средствами? Можетъ ли онъ за всѣми слѣдить и на все обратить свое вниманіе? Конечно, нѣтъ; пастырю Церкви, при теперешнемъ богатствѣ богословской науки и словесности, едва ли возможно ознакомиться хотя бы только съ болѣе важными произведеніями богословской науки, не говоря уже о положительной невозможности для него слѣдить въ то же время и за

успѣхами свѣтской науки. А между тѣмъ общими усиліями, путемъ живаго обмѣна мыслей въ братскихъ собраніяхъ духовенства, гдѣ свободно могутъ обсуждаться вопросы самаго общаго научнаго, богословскаго, школьнаго и нравственнаго характера, частныя познанія легко могутъ пополняться свѣдѣніями, почерпнутыми другими лицами изъ чтенія богословскихъ сочиненій, духовныхъ и свѣтскихъ изданій и произведеній свѣтской науки; болѣе же выдающееся въ печати и почему либо заслуживающее особеннаго вниманія пастырей можетъ быть прочитываемо, наконецъ, и на собраніяхъ. Возникшія, не особенно, впрочемъ, давно, въ нѣкоторыхъ городахъ братскія собранія священниковъ для со-вмѣстнаго обсужденія животрепещущихъ вопросовъ въ цѣляхъ единства и благотворности пастырской дѣятельности своимъ успѣхомъ лучше всего доказываютъ ихъ пользу какъ для Церкви, такъ и для самого духовенства. Эти собранія съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе увеличиваются въ числѣ своихъ членовъ и расширяютъ свою дѣятельность, обращая на себя сочувственное вниманіе даже свѣтскаго общества. Остается пожелать, чтобы и въ другихъ мѣстахъ духовенство устроило у себя такія же собранія и путемъ печати старалось дѣлиться успѣхами своей дѣятельности, для чего открыты страницы многихъ журналовъ.

— Для единства направленія учебнаго дѣла въ церковно-приходскихъ школахъ Орловской епархіи недавно состоялся, по словамъ «Моск. Еп. Вѣд.», съѣздъ уѣздныхъ наблюдателей подъ предсѣдательствомъ епархіальнаго наблюдателя священника М. И. Космодамианскаго. Для всесторонняго выясненія современнаго положенія церковно-приходскихъ школъ епархіальный наблюдатель предложилъ уѣзднымъ наблюдателямъ въ первый объѣздъ школъ составить подробную исторію каждой школы съ указаніемъ ея настоящаго состоянія. Училищный совѣтъ очень озабоченъ тѣмъ, чтобы каждая школа имѣла собственное помѣщеніе, вполне удовлетворяющее своему назначенію, съ квартирой для учителя. Обращено также вниманіе на то, чтобы въ школахъ, гдѣ представляется къ тому малѣйшая возможность, вводилось обученіе ремесламъ. Если школа надѣлена землей, то настоятельно рекомендуются занятія съ учениками садоводствомъ и огородничествомъ. Далѣе изыскиваются и принимаются мѣры къ приличному обезпеченію учительскаго персонала въ церковно-приходскихъ школахъ. На привлеченіе дѣвочекъ къ обученію въ школахъ обращено серьезное вниманіе.

— Въ первой половинѣ прошлаго сентября мѣсяца г. Тулу по-

сѣтилъ Его Превосходительство г. наблюдатель церковныхъ школъ Имперіи В. И. Шемякинъ. На собраніи лицъ, имѣющихъ отношеніе къ церковно-школьному дѣлу, Его Превосходительство, какъ сообщаютъ «Тул. Еп. Вѣд.», сдѣлалъ присутствовавшимъ нѣсколько разъясненій по разнымъ вопросамъ церковно-школьнаго благоустройства. 1) Приходская школа можетъ находить для себя твердую, какъ нравственную, такъ и матеріальную опору въ приходскомъ братствѣ; посему въ интересахъ церковныхъ школъ слѣдуетъ завести подобнаго рода братства по возможности въ каждомъ приходѣ. Предметы попечительности этихъ братствъ суть: украшеніе храма, организація при немъ церковнаго хора, открытіе или поддержаніе приходскихъ школъ, устройство приходской бібліотеки, народной читальни и помощь бѣднымъ школьникамъ. Разумѣется, повсемѣстное учрежденіе такихъ братствъ возможно лишь при значительномъ подъемѣ приходской жизни, при повсюдномъ ея оживленіи. Несомнѣнно, что болѣе, чѣмъ кто-либо, духовенство способно возбуждать и поддерживать это оживленіе. 2) Зданіе, учитель и книга—вотъ три основныхъ элемента школьной жизнедѣятельности; но который изъ нихъ важнѣе? Нѣкоторые обращаютъ главное вниманіе свое на устройство школьнаго зданія, предоставляя учителю жить впроголодь. Это—печальное заблужденіе. Не благолѣпное зданіе, а сытость учителя—вотъ что важнѣе всего въ успѣхѣ школьнаго дѣла. Учитель—это нашъ агентъ въ дѣлѣ распространенія народнаго образованія, живая сила послѣдняго. А между тѣмъ онъ нерѣдко живетъ въ крайнемъ матеріальномъ и нравственномъ стѣсненіи. Потому-то къ попеченію о немъ дѣжна, главнымъ образомъ, сводиться, въ настоящее время, дѣятельность Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ. Одна изъ наиболѣе цѣлесообразныхъ мѣръ къ выполненію этой задачи, по мнѣнію г. наблюдателя, есть включеніе учителя въ составъ причта церковнаго, чтобы онъ получалъ постоянную, неотъемлемую долю изъ причтовыхъ доходовъ, чтобы дѣти его получали воспитаніе на одинаковыхъ правахъ съ дѣтьми членовъ причта. Учитель—долженъ быть членомъ причта не въ качествѣ учителя—псаломщика или учителя—діакона, опытъ показалъ, что діаконы и псаломщики неохотно занимаютъ учительствомъ; нѣтъ, онъ членъ причта уже по тому одному, что онъ учитель, исполняющій одну изъ важнѣйшихъ обязанностей членовъ причта. Но впрочемъ, если онъ, проходя должность учителя, окажетъ любовь и способность къ исполненію псаломщическихъ или діаконскихъ обязанностей, то почему же ему не быть и псаломщикомъ или діаконкомъ въ томъ же приходѣ. 3)

Затѣмъ Его Превосходительству былъ предложенъ вопросъ: по сколько рублей слѣдуетъ давать каждому учителю церковной школы епархіи изъ общей суммы казеннаго пособія, отпущеннаго на епархію? „Трудно сказать, отвѣтилъ В. И., ибо это зависитъ отъ соображенія многихъ мѣстныхъ условій“. Тогда о. предсѣдатель Епархіальнаго Училищнаго Совѣта доложилъ съ своей стороны, что изъ 29 тысячъ, назначенныхъ на Тульскую епархію, на жалованье учителямъ отдѣлено 15 тысячъ, а остальная сумма будетъ употреблена на постройку или ремонтъ школьныхъ зданій (9000 р.) и на выпускъ книгъ для школы (4500 р.), въ результатъ чего каждому учителю церковно-приходской школы достанется лишь рублей отъ 35 до 40 въ годъ, а учителю школы грамоты—еще меньше того въ значительной степени. В. И. замѣтилъ на это, что цѣлесообразнѣе было бы ассигновать поменьше на зданія и побольше учителямъ. Когда же членами собранія доложено было, что очень и очень многія школы епархіи помѣщаются въ самыхъ неудобныхъ зданіяхъ, нуждающихся или въ капитальномъ ремонтѣ или въ замѣнѣ новыми, то В. И. указалъ съ своей стороны на то, что многія земскія школы епархіи занимаютъ собою церковныя помѣщенія, за каковыя земство могло бы чѣмъ нибудь вознаграждать епархіальное вѣдомство или, въ противномъ случаѣ, уступить церковныя зданія подъ церковныя школы: тогда расходъ на постройку или ремонтъ школьныхъ зданій у насъ сократился бы въ значительной степени, а это сбереженіе могло бы хотя отчасти увеличить пособіе, выдаваемое учителю. Во всякомъ случаѣ въ будущемъ это пособіе изъ года въ годъ можетъ быть постепенно увеличиваемо, такъ какъ ожидается, что казенное воспособленіе на церковныя школы Имперіи будетъ прогрессивно возрастать; такъ, напримѣръ, если въ текущемъ году на Тульскую епархію было отпущено 29 тысячъ, то можно надѣяться, что въ будущемъ году цифра эта удвоится. 4) Впрочемъ не слѣдуетъ давать всѣмъ учителямъ по одинаковой суммѣ: это было бы несправедливо. Такъ, напримѣръ, послужившимъ учителями подольше, слѣдуетъ давать побольше, нежели вновь поступившимъ. При этомъ обращать особенное вниманіе на количество учениковъ, окончившихъ курсъ данной школы со льготнымъ свидѣтельствомъ, не слѣдуетъ: не рѣдко бываетъ, что учитель, стремясь изъ всѣхъ силъ выпустить такъ-выхъ какъ можно больше, чуть не цѣлый годъ занимается исключительно съ лучшими 5—6 учениками старшей группы, а остальныхъ всѣхъ бросаетъ на произволъ судьбы. Несравненно правильнѣе сего поступаетъ и большихъ усилій достигаетъ тотъ, кто хотя и двоихъ

только выпустить со льготнымъ свидѣтельствомъ, но за-то занимается со всѣми одинаково усердно. 5) Рѣчь коснулась снабженія школъ книгами. Епархіальные книжные склады должны имѣть какъ можно больше отдѣленій въ уѣздныхъ городахъ и сельскихъ приходяхъ, дабы такимъ образомъ всюду разливался духовный свѣтъ. Должно памятовать, что учрежденія этого рода суть учрежденія миссіонерскія, а не канцелярскія. Таковыми же должны быть и сами епархіальные училищные совѣты съ ихъ отдѣленіями. 6) Въ разъясненіе вопроса о правильной организаціи дѣлопроизводства въ Епархіальномъ Училищномъ Совѣтѣ сказано слѣдующее. На общихъ собраніяхъ Совѣта всѣхъ дѣлъ сырьемъ не слѣдуетъ разсматривать. Для работы по преимуществу канцелярскаго характера, для рѣшенія заурядныхъ текущихъ дѣлъ, изъ Совѣта выдѣлена такъ называемая школьная коммиссія; ея дѣло—назначеніе учителей, распредѣленіе пособій и тому под. На общихъ собраніяхъ Совѣта должны рѣшаться дѣла болѣе важныя и вопросы принципиальнаго характера. Предварительная разработка таковыхъ вопросовъ должна распредѣляться между членами Совѣта соотвѣтственно характеру оныхъ. Для сего различные члены Совѣта должны раздѣлиться, примѣрно, на 4 группы, изъ которыхъ каждая будетъ разработывать вопросы лишь извѣстнаго характера, съ правомъ приглашать къ себѣ на совѣщанія свѣдущихъ лицъ, и выработанныя такимъ способомъ тѣ или другія соображенія свои по данному вопросу имѣть представлять на разсмотрѣніе всѣхъ членовъ Совѣта въ общее собраніе послѣдняго. Члены каждой изъ названныхъ группъ хорошо слѣлаютъ, если результатами своихъ спеціальныхъ изслѣдованій и соображеній будутъ дѣлиться съ читателями журнала „Народное Образованіе“. Не безынтересно при семъ также сравненіе положенія церковной школы во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ съ положеніемъ школы земской, съ каковымъ члены Совѣта могутъ знакомить читателей этого журнала какъ на основаніи личныхъ своихъ наблюденій, такъ равно и по отчетамъ земскихъ собраній, перѣдко весьма интересныхъ и поучительныхъ. 7) Епархіальные наблюдатели, при существованіи уѣздныхъ, по словамъ синодальнаго наблюдателя, должны обращать свое главное вниманіе на отдѣленія и на второклассныя школы: дѣятельность отдѣленій они должны всѣми возможными мѣрами оживлять и объединять, при организаціи же второклассныхъ школъ должны памятовать, что главнымъ предметомъ ихъ попеченій и наблюденій въ данномъ отношеніи должно служить не столько чисто учебное дѣло, сколько воспитательное. Кстати о

второклассныхъ школахъ: библіотеки для выѣкласнаго чтенія учащихся будутъ высланы во всѣ таковыя школы изъ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ на казенный счетъ. 8) Всѣмъ вообще, какъ епархіальнымъ, такъ и уѣзднымъ наблюдателямъ, не слѣдуетъ изображать изъ себя начальниковъ; ихъ дѣло—не взыскивать или распоряжаться, а только помогать и поддерживать, вообще же наблюдать. Пріѣхавъ въ школу, все осмотри, затѣмъ душевно поговори съ учащими, ободри ихъ, утѣшь, обласкай, посовѣтуй, одобри за труды; если увидишь ошибку, поправь и расскажи, какъ поступать впередъ правильно; если заметишь какое-нибудь серьезное унущеніе, слѣлай наставленіе наединѣ и доложи по начальству, оно уже распорядится; самъ же на себя не принимай тяжелой отвѣтственности за необдуманныя единоличныя распоряженія. Обычай топать, гремѣть, распоряжаться и карать,—этотъ старый, но безплодный и вредный обычай инспекторовъ народныхъ училищъ,—долженъ замѣняться у насъ тою новою системою братски или отечески любовныхъ отношеній, въ которыхъ заключается спасеніе наше и нашего дорогого дѣла. Наблюдая, далѣе, за методами, программами и учебными руководствами, по которымъ ведется обученіе въ той или иной школѣ, не должно быть слишкомъ строгимъ ригористомъ и стѣснять свободу учащихся; вамъ кажется странной та или другая метода ихъ преподаванія, но вы видите, что она даетъ у нихъ хорошіе результаты: оставьте же имъ ее и впередъ; вы замѣтили, что въ школѣ читаютъ по книжкѣ, которой нѣтъ въ числѣ одобренныхъ для церковныхъ школъ, но къ этой книжкѣ учитель такъ уже привыкъ, такъ ее изучилъ, что по ней его ребята учатся прекрасно, и оставьте такъ до времени; а замѣните ее у него тотчасъ же новою книжкою, ему незнакомой непременно разстроится все дѣло, какъ бы ни была хороша новая книжка. Дайте кончиться учебному году, дайте время самому учителю хорошенько познакомиться съ книжкой, наконецъ дайте школѣ срокъ собраться со средствами купить новыя книжки: вотъ тогда уже и вводите ихъ, если находите это необходимымъ. Все это не главное въ школьномъ дѣлѣ и не на этомъ нужно намъ настаивать. Если ужъ на чемъ настаивать, такъ это на законѣ Божіемъ, на славянскомъ чтеніи и на церковномъ пѣніи, особенно—на послѣднемъ. 9) За симъ одинъ изъ членовъ собранія замѣтилъ, что въ настоящее время дидактика поставлена въ духовныхъ семинаріяхъ далеко не на той высотѣ, на какой ей слѣдовало бы стоять соотвѣтственно важности предмета; чему, въ самомъ дѣлѣ, можетъ научить своихъ учениковъ

преподаватель, имѣя всего 1 урокъ въ недѣлю и не имѣя при томъ надлежащаго учебнаго руководства? Не только научить чему нибудь, но даже заинтересовать учениковъ предметомъ невозможно при такихъ условіяхъ, тогда какъ интересъ къ предмету—самое первое условіе успѣха въ немъ. Со всѣмъ этимъ г. наблюдатель школъ Имперіи согласился и предложилъ собесѣднику составить о семъ докладную записку и представить ее къ чрезвычайному собранію, имѣющему быть въ непродолжительномъ времени при Синодальномъ Училищномъ Совѣтѣ.

— Вышедшій отчетъ Православнаго миссіонерскаго общества за 1895 годъ, двадцать шестой годъ его существованія, представляя довольно полную картину миссіонерскаго дѣла у насъ въ его настоящемъ видѣ, содержитъ, по словамъ «Церк. Вѣст.», много и фактическихъ свѣдѣній и общихъ выводовъ и наблюденій надъ ходомъ этого дѣла. Дѣйствительныхъ членовъ общества въ отчетномъ году было 13,163, и кромѣ того 12 почетныхъ. Всѣхъ епархіальныхъ отдѣленій или комитетовъ общества было 43; не открыты комитеты въ 13 епархіяхъ. Въ кассѣ общества въ 1895 г. было 1.298,730 р., въ 1895 г. поступило 365,725 р., израсходовано 608,144 р., къ 1896 г. осталось 1.056,312 р. съ коп. Въ осуществленіи задачъ общества въ томъ числѣ и въ приобрѣтеніи для него денежныхъ средствъ, главнѣйшимъ и, можно сказать, незамѣнимымъ сотрудникомъ, съ самаго открытія общества, служитъ приходское духовенство. Ссылаясь на опыты минувшихъ 26 лѣтъ, отчетъ съ увѣренностью говоритъ, что нравственные и матеріальные успѣхи общества существенно зависятъ отъ степени сочувствія ему со стороны духовенства, отъ того, насколько живо возбужденъ въ немъ самый интересъ къ миссіи, и что тамъ, гдѣ сознаніе лежащихъ на духовенствѣ обязанностей по отношенію къ миссіи недостаточно живо, можно съ успѣхомъ возбуждать его соотвѣтственнымъ мѣрами духовной власти. Что касается самихъ миссій, то въ основѣ отношеній миссіонеровъ лежитъ дѣятельная любовь къ ближнему, выражающаяся во всевозможныхъ попеченіяхъ миссіонеровъ и о духовномъ просвѣщеніи и о внѣшнемъ благосостояніи новокрещенныхъ и народцевъ. Послѣдніе, слушая миссіонеровъ, нерѣдко всецѣло проникаются проповѣдническимъ словомъ миссіонера и подъ впечатлѣніемъ его приходятъ въ состояніе религіознаго воодушевленія. „Когда я (сообщаетъ одинъ алтайскій миссіонеръ), проповѣдуя, переставалъ говорить, тотчасъ кто-нибудь изъ слушателей начиналъ повторять все, что узналъ отъ меня, но съ такимъ жаромъ, съ такимъ чувствомъ, что мов

разказы просто блѣдиѣли предъ его разказами, по своей живости“. Между затрудненіями, встрѣчаемыми въ миссіонерскомъ дѣлѣ, указываются въ отчетѣ препятствія съ той стороны, съ какой всего менѣе можно было ожидать ихъ. Въ семипалатинской и акмолинской областяхъ эти препятствія идутъ отъ казаковъ, которые, издавна живя среди киргизовъ, вдали отъ церкви и пастырскаго вліянія, сами, какъ оказывается, нерѣдко отговариваютъ своихъ работниковъ-киргизовъ отъ перехода въ христіанство на томъ основаніи, что русскимъ Богъ далъ-де русскую вѣру, а киргизамъ—киргизскую. Значительнымъ также затрудненіемъ служитъ незнакомство многихъ миссіонеровъ съ инородческими нарѣчіями, а въ Забайкальѣ—вліяніе ламъ, представляющихъ собою организацію, пассивную пропитанную враждою и ненавистью къ христіанству и его проповѣдникамъ, тѣмъ болѣе опасную для христіанъ, что, при обычномъ доселѣ измѣненіи къ худшему экономическихъ условій жизни, именно земельного положенія, бурятъ съ припятіемъ имъ христіанства, переходъ въ христіанство есть для нихъ, по выраженію отчета, своего рода самоотверженный подвигъ исповѣдничества. И однако, при всѣхъ препятствіяхъ, для православной церкви пріобрѣтена въ минувшемъ году въ Россіи не одна тысяча новообращенныхъ изъ магометанства и язычества.

— Миссіонерскій трудъ нашихъ братствъ, насколько можно судить по новымъ отчетамъ ихъ, появляющимся въ епарх. періодическихъ изданіяхъ, повидному усиливается. Не только упрочившіяся, но даже и новыя, еще не укрѣпившіяся, братства расширяютъ свою дѣятельность. Прѣмѣромъ можетъ служить братство при красноярскомъ кафедральномъ соборѣ, 8 прошлаго сентября вступившее въ четвертый годъ своей дѣятельности. По выводамъ братскаго отчета, какъ сообщаетъ „Церк. Вѣст.“, за трехлѣтній промежутокъ времени существованія братства, кругъ его дѣятельности постепенно расширился и въ то же время съ болѣею опредѣленностью выступала цѣль учрежденія братства, именно: возможная помощь частными братскими средствами духовному просвѣщенію городского и сельскаго неграмотнаго и полуграмотнаго простаго населенія. Въ первый годъ братство выписало для 20 школъ книги для внѣкласснаго чтенія, и для нѣсколькихъ приходскихъ бібліотекъ—небольшія противораскольническія бібліотеки; на слѣдующій годъ кромѣ новой выписки книгъ для школъ и церковныхъ бібліотекъ была сдѣлана подготовка къ открытію въ Красноярскѣ бесплатной бібліотеки-читальни; въ третій годъ, кромѣ продолженія дѣятельности, начатой въ предше-

ствующіе годы, открыты братствомъ складъ образковъ и книжекъ для продажи, устроена библіотека-читальня, оказана помощь въ приобрѣтеніи старопечатныхъ книгъ для мисс. библіотеки и проч.

— О томъ, какъ готовить изъ меда уксусъ, «Нов. Вр.» приводитъ слѣдующія свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету Бертраномъ въ его „уходъ за пасѣкою“. Американскій способъ Мута: два съ половиной фунта меда распускаютъ въ 8 кружкахъ воды и выставляютъ въ теплое мѣсто, гдѣ бы смѣсь могла подвергаться дѣйствию воздуха. Для этой цѣли всего лучше приспособить небольшую бочку, которую ставятъ на открытомъ воздухѣ, на солнцѣ, для того, чтобы воздухъ могъ свободно проникать внутрь; въ верхней части дна продѣлывается два отверстія діаметромъ 1 дюймъ, такія же отверстія продѣлываются и по бокамъ бочки съ противоположныхъ сторонъ; отверстія заколачиваются жестяными кружочками, снабженными очень мелкими дырочками, чтобы внутрь бочки не проникли насѣкомыя. Другой извѣстный американскій пчеловодъ, Бингамъ, для приготовления медоваго уксуса смѣшиваетъ медъ съ водою въ тѣхъ же вышеуказанныхъ пропорціяхъ и помещаетъ смѣсь въ подвалъ въ бочкѣ, верхнее дно которой замѣнено грубымъ холстомъ, предохраняющимъ отъ пыли, насѣкомыхъ и въ то же время свободно пропускающимъ воздухъ. Бочка снаружи должна быть окрашена, для предохраненія обручей отъ ржавчины, и не должна ставиться въ винный погребъ; за неимѣніемъ другого лучше всего держать ее въ любомъ тепломъ мѣстѣ, хорошо вентилируемомъ. Оба указанные способа представляютъ одинъ недостатокъ: требуется нѣсколько мѣсяцевъ, отъ 8 до 10, чтобы уксусъ вполне поснѣлъ; но зато получается продуктъ самаго превосходнаго качества. Желающіе имѣть уксусъ болѣе скорымъ способомъ, могутъ пользоваться обыкновеннымъ уксуснымъ гнѣздомъ, которое кладется въ разведенный водою медовый напитокъ или просто въ медовую воду; затѣмъ каждый разъ, какъ будетъ взято извѣстное количество уксуса, сосудъ, всего лучше бочку, доливаютъ соответствующимъ количествомъ медовой воды. Такимъ образомъ, можно имѣть у себя постоянно весьма хорошій медовый уксусъ, хотя, конечно, и уступающій уксусу, приготовленному по вышеуказанному способу Мута и Бингама.

— Даже крѣпкій и хорошій уксусъ, когда его держать болѣе или менѣе продолжительное время въ тепломъ мѣстѣ и въ плохо закупоренной посудѣ, обыкновенно портится—мутнѣетъ, покры-

вается плѣсенью и пріобрѣтаетъ иногда непріятный запахъ. Для исправленія помутнѣвшаго уксуса его смѣшиваютъ со снятымъ молокомъ: пять ложекъ снятого молока сильно и продолжительное время взбалтываютъ съ однимъ штофомъ уксуса и оставляютъ затѣмъ смѣсь въ покоѣ, пока молоко не свернется, послѣ чего процеживаютъ черезъ тонкое полотно; уксусъ получается при этомъ совершенно свѣтлый и прозрачный. Другой способъ: одинъ штофъ помутнѣвшаго уксуса смѣшиваютъ съ двумя чайными ложками порошка животнаго угля; послѣдній долженъ быть совершенно чистый, въ виду чего всего лучше пріобрѣсти его въ аптекарскомъ магазинѣ. Уксусъ смѣшанный съ углемъ, хорошенько взбалтывается, оставляется дня на два въ покоѣ, а затѣмъ процеживается черезъ тонкое полотно. Для устраненія непріятнаго запаха поступаютъ совершенно такъ же, какъ сейчасъ описано, только вмѣсто животнаго угля берутъ хорошо прожженный и мелко истолченный древесный уголь.

«Нов. Вр.»

ОБЪЯВЛЕНІЯ

Магазинъ офицерскихъ вещей, принадлежностей гражданскихъ чиновъ шитій, орденовъ и знаковъ отличій

В. И. ЖИВАГО

(существуетъ съ 1822 года).

Москва, -Тверская, домъ Коммисарова.

Высылаетъ наложеннымъ платежемъ Высочайше утвержденные 20 апрѣля 1896 года

К Р Е С Т Ы

для всѣхъ іереевъ монашествующаго и бѣлаго духовенства:

Крестъ серебряный, массивный, ювелир. раб., съ
цѣпью серебряной 30 р., 25 р. и 20 р.
Тоже съ цѣпью бѣлаго металла 20 р. и 15 р.

Кресты высылаются въ футлярахъ. При выпискѣ пяти крестовъ единовременно и цѣлымъ благочиніемъ пересылка принимается на счетъ магазина.

Условія продажи и высылки Синодальныхъ и другихъ изданій ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО СОДЕРЖАНІЯ.

1. Отпускъ книгъ въ кредитъ:

а) Отпускъ книгъ въ кредитъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ производится на сумму по соглашенію съ Управленіемъ Московской Синодальной Типографіи при уплатѣ денегъ за отпускаемыя книги по мѣрѣ распродажи ихъ въ опредѣленные сроки; въ такомъ случаѣ книги отпускаются съ 10⁰/о уступкою съ цѣны каталога и пересылаются на счетъ Типографіи. Если какія-либо изъ отпущенныхъ на этомъ условіи книгъ не будутъ имѣть спроса, то таковыя принимаются, въ неповрежденномъ видѣ, обратно въ Типографію; расходы по обратной пересылкѣ ихъ относятся на счетъ мѣстъ и лицъ, выписавшихъ книги.

б) Отпускъ книгъ въ кредитъ книгопродавцамъ и другимъ частнымъ лицамъ производится на тѣхъ же условіяхъ, но сумма кредита ограничивается размѣромъ представляемаго со стороны сихъ лицъ залога наличными деньгами или Государственными 9⁰/о бумагами.

10⁰/о уступка увеличивается до 15⁰/о, если въ теченіе года книгъ будетъ продано на 500 р. и болѣе, причемъ дополнительная скидка 5⁰/о дѣлается по окончаніи года.

2. Отпускъ книгъ за наличныя деньги:

а) При отпускѣ книгъ за наличныя деньги на сумму отъ 25 до 100 р. дѣлается уступка въ размѣрѣ 10⁰/о; отъ 101 до 500 руб. — 15⁰/о и отъ 501 и выше — 20⁰/о.

При этомъ по желанію покупателей допускается еще слѣдующее условіе: по каждому отдѣльному требованію книги отпускаются безъ всякой уступки въ теченіе года (съ 1-го Января по 15-е Декабря), въ концѣ же года 9⁰/о уступка исчисляется съ общей суммы всѣхъ требованій за годъ по объясненнымъ правиламъ и возвращается по принадлежности деньгами или книгамъ, смотря по тому, какъ кто пожелаетъ. Пересылка книгъ, отпускаемыхъ за наличныя деньги, относится на счетъ покупателей; отпущенныя книги считаются проданными и обратно приняты могутъ быть только съ особаго каждый разъ согласія со стороны Управленія Типографіи.

б) При покупкѣ книгъ за наличныя деньги на сумму не менѣе 1000 руб. въ одинъ разъ дѣлается 25⁰/о уступки, если покупаемыя книги состоятъ исключительно изъ Синодальныхъ изданій.

Каталогъ книгъ высылается бесплатно.

КНИГИ ПРОДАЮТСЯ ВЪ МОСКВѢ:

оптовымъ покупателямъ изъ главнаго книжнаго склада при Типографіи на Никольской улицѣ;

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

въ Синодальной книжной лавкѣ на той же улицѣ, въ Филаретовской пристройкѣ при Ивановской колокольнѣ въ Кремль, по воскреснымъ днямъ на площадяхъ— Сухаревской и Смоленской.

Кромѣ того Синодальныя изданія можно получать: въ Нижнемъ-Новгородѣ, во время ярмарки, противъ Главнаго дома, Бумажи. рядъ №№ 8 - 10. Въ г. Харьковѣ можно приобрести Синодальныя изданія: въ Епархіальномъ книжномъ комитетѣ и въ книжномъ магазинѣ Федороваго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ 1897 году Московская Духовная Академія будетъ продолжать изданіе Богословскаго Вѣстника ежемѣсячно, влѣтками отъ двѣнадцати до пятнадцати листовъ, по прежней программѣ. Содержаніе журнала распадается на пять отдѣловъ.

Отдѣлъ I. Творенія Св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ.

Отдѣлъ II. Изслѣдованія и статьи по наукамъ богословскимъ, философскимъ и историческимъ.

Отдѣлъ III. Изъ современной жизни. Въ этотъ отдѣлъ войдутъ обзорѣнія современныхъ событій изъ церковной жизни Россіи, православнаго Востока, странъ славянскихъ и западно-европейскихъ, а также свѣдѣнія о внутренней жизни Академіи.

Отдѣлъ IV. Критика, рецензіи и библіографія по богословскимъ, философскимъ и историческимъ наукамъ.

Отдѣлъ V. Приложенія.

Подписная цѣна за годъ: безъ пересылки шесть рублей, съ пересылкой семь рублей, за границу восемь рублей.

Адресъ: въ Сергіевъ посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго Вѣстника“.

Редакторъ э. орд. проф. В. Соколовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ.

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“.

Условія подписки: на годъ (съ 1-го января 1897 по 1-е января 1898 г.) безъ доставки—6 руб., съ доставкой въ Москвѣ—6 руб. 50 коп., съ пересылкой въ другіе города—7 руб., за границу—8 руб.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, сельскіе учителя и сельскіе священники пользуются скидкой въ 2 руб. Подписка на льготныхъ условіяхъ принимается только въ конторѣ журнала:

Москва. Б. Никитская, уг. Леонтьевского пер., д. 2—24. Тамъ-же продается новое изданіе Московскаго Психологическаго Общества: Нуно Фишеръ „Артуръ Шопенгауэръ“. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей В. П. Преображенскаго. Цѣны 3 рубля.

Предсѣдатель Общества Н. Я. Гротъ.

Редакторы: { Л. М. Лопатинъ.
В. П. Преображенскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ
„СТРАННИКЪ“

И НА ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ НЕМЪ

памятники древне-русской церковно-учительной литературы
 на 1897 годъ.

Журналъ „СТРАННИКЪ“, съ октября 1880 года, издается новою редакціей, по утвержденной Св. Синодомъ новой программѣ, и выходитъ ежемѣсячно, книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ, по слѣдующей программѣ:

1) Богословскія статьи и изслѣдованія по разнымъ отраслямъ обще-церковной исторіи и историко-литературнаго знанія,—преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ Православной Восточной и Русской жизни. 2) Статьи, изслѣдованія и необнародованные матеріалы по всѣмъ отдѣламъ Русской церковной исторіи. 3) Вещды, поученія, слова и рѣчи публичнѣйшихъ проповѣдниковъ. 4) Статьи философскаго содержанія по вопросамъ современной богословской жизни. 5) Статьи публицистическаго содержанія по выдающимся явленіямъ церковной жизни. 6) Очерки, рассказы, описанія, знакомящіе съ укладомъ и строемъ церковной жизни вообще христіанскихъ исповѣданій, особенно—съ жизнью пастырства и преимущественно у славянъ. 7) Бытовые очерки, рассказы и характеристика въ области религіознаго строя и нравственныхъ отношеній нашего духовенства, общества и простаго народа. 8) Внутреннее церковное обозрѣніе и хроника епархіальной жизни. 9) Иностранное обозрѣніе: важнѣйшія явленія текущей церковно-религіозной жизни православнаго и неправославнаго міра на Востокъ и Западъ, особенно у славянъ. 10) Обзоръ русскихъ духовныхъ журналовъ и епархіальныхъ вѣдомостей. 11) Обзоръ свѣтскихъ журналовъ, газетъ и книгъ: отчеты и отзывы о помѣщаемыхъ тамъ статьяхъ, имѣющихъ отношеніе къ программѣ журнала. 12) Библиографическія и критическія статьи о новыхъ русскихъ книгахъ духовнаго содержанія, а также и о важнѣйшихъ произведеніяхъ иностранной богословской литературы. 13) Книжная хѣтопись: ежемѣсячный указатель всѣхъ вновь выходящихъ русскихъ книгъ духовнаго содержанія: краткіе отзывы о новыхъ книгахъ. 14) Хроника важнѣйшихъ церковно-административныхъ распоряженій и указовъ. 15) Разныя отрывочныя извѣстія и замѣтки; корреспонденціи, объявленія.

При „СТРАННИКЪ“ начато изданіе „Памятниковъ древне-русской церковно-учительной литературы“. Въ первомъ выпускѣ его помѣщены: Поученія Луки Жидята, преп. Θεодосіа Печерскаго, митр. Иларіона и Кирилла Туронскаго, съ примѣчаніями и объяснительными статьями: во второмъ выпускѣ: „Славяно-русскій церковно-учительный Прологъ“, съ примѣчаніями и объяснительной статьей проф. А. И. Пономарева; въ третьемъ выпускѣ на 1896 годъ: „Древне-русскія поученія о разныхъ истинахъ вѣры и жизни по церковно-учительнымъ сборникамъ XI—XVI в.“ со статьями и примѣчаніями профессоровъ П. В. Владимірова, А. И. Пономарева, Е. В. Пѣтухова. Въ 1897 году выйдетъ четвертый выпускъ „Памятниковъ“, въ который войдетъ вторая часть „Славяно-русскаго Пролога“ за мѣсяцы январь—апрѣль, со статьей и примѣчаніями профессора А. И. Пономарева.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книгами отъ 10-ти до 12-ти и болѣе листовъ. Подписная плата на журналъ въ 1897 году, съ пересылкою въ Россію и доставкою въ С.-Петербургъ ШЕСТЬ рублей, съ приложеніемъ же „Памятниковъ“ СЕМЬ рублей. (Цѣна перваго, втораго и третьяго выпусковъ „Памятниковъ“ для подписчиковъ „Странника“ по ОДНОМУ рублю, для не-подписчиковъ по ДВА рубля за экземпляръ); съ пересылкою за границу ВОСЕМЬ рублей и съ приложеніемъ „Памятниковъ“ ДЕВЯТЬ рублей.—Адресоваться въ редакцію журнала „Странникъ“, въ С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, д. № 173).

Редакторъ-Издатель: Профессоръ А. Пономаревъ.

годъ изд. 11-й. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ годъ изд. 11-й.

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ

для чтенія въ христіанской семьѣ

„ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“.

Адресъ редакціи: Москва, Мясницкая, д. Николаевской церкви.

Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ журналъ допущенъ въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній. Вступая въ одиннадцатый годъ своего существованія, журналъ „Воскресный день“ остается вѣрнымъ своей задачѣ—служить полезнымъ чтеніемъ для христіанской семьѣ, чтобы каждый христіанинъ могъ найти себѣ духовную пищу сообразно съ своими потребностями. Программа журнала: 1) Церковь Христова въ ея прошлое. Очерки и рассказы изъ исторіи библейской, общей, русской, церковной и гражданской. 2) Церковь Христова въ ея настоящее. Жизнеописанія служителей Христовой истины, воспоминанія о нихъ и отдѣльные случаи изъ ихъ жизни. 3) Христіанское богослуженіе. Исторія его и его значенія. 4) Христіанское искусство. Исторія его и современное состояніе. 5) Церковная географія. Путешествія, описанія святыхъ мѣстъ Востока и русскихъ святыхъ. 6) Евангельская проповѣдь. Подвиги проповѣдниковъ евангелія на окраинахъ русской земли и за предѣлами оной. 7) Христіанская мысль. Вѣроученіе и правоученія. Благодатныя явленія вѣры. Духовно-наравоучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Религіозно-наравственная оценка художественныхъ произведеній свѣтской литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. Цвѣсти и рассказы, дневники, записки, воспоминанія изъ церковно-бытовой и религіозно-наравственной жизни. 10) Смѣсь.

Въ теченіе года редакція журнала дастъ читателямъ: *52 №№ журнала* въ объемѣ полутора печатныхъ листовъ каждый, со множествомъ рисунковъ религіозно-наравственнаго содержанія. *52 №№ „Воскресныхъ листковъ“* съ рисунками, весьма пригодныхъ для чтенія какъ въ церкви, такъ и въ христіанской семьѣ. Содержаніемъ листковъ будетъ служить по преимуществу толкованіе Евангелія отъ Луки. *55 №№ газеты „Современная лѣтопись“*. Программа газеты: 1) Статьи по церковно-общественнымъ вопросамъ. 2) Обзоръ событій церковно-общественной жизни за недѣлю какъ въ Россіи, такъ и за границей. 3) Распоряженія епархіал. начальствъ. 4) Среди газетъ и журналовъ. 5) Разныя извѣстія.

Въ концѣ года будетъ разослано еще **ОСОВОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: „ВОСКРЕСНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ“**, въ объемѣ 12-ти листовъ, содержаніемъ котораго будутъ служить важнѣйшія событія исторіи христіанской Церкви, съ нравственными приложеніями.

Подписная цѣна на журналъ со всеми приложеніями, съ доставкой и пересылкой на годъ **4 р.** на полгода **2 р. 50 к.**

Редакторъ-издатель священникъ С. Уваровъ.

Въ редакціи журнала „Воскресный День“ продаются слѣдующія книги: 1) „Воскресные листки“, въ 8 книжкахъ, по 50 листковъ каждая. Цѣна каждой книжки 40 коп., съ перес. 45 коп. Цѣна листковъ не въ книжкахъ 70 к. за 100 листковъ. Всѣхъ листковъ вышло 400 №№. Выписывающіе на 5 р. за пересылку не платятъ. 2) „Воскресный собесѣдникъ“, въ 4-хъ книгахъ. Цѣна каждой книги съ перес. 65 коп., безъ перес. 50 к. 3) Полное иллюстрированное описаніе жизни, чудесъ и коня св. Николая чудотворца. Цѣна съ перес. 75 коп.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борясовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вергеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундпстахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществомъ“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струнникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождественна.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли integroshinon, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жюве и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.